The image is a complex collage. In the upper half, a large clock face with Roman numerals is visible, partially obscured by large, vibrant autumn leaves in shades of yellow and orange. Below the leaves, a cityscape with various buildings is depicted in a hazy, sepia-toned style. In the bottom right corner, the silhouette of a person stands with their back to the viewer, looking out over the city. The overall composition suggests themes of time, memory, and urban life.

Борис Е. Штерн

**феникс
сапиенс**

троицкий наука
www.trv-science.ru вариант

Тровант

Борис Е. Штерн

Феникс сапиенс

Москва Троицк

2020

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Ш90

Штерн Б. Е.

Ш90 Феникс сапиенс / Борис Е. Штерн. — М.: Троицкий вариант, 2020. — 320 с.
ISBN: 978-5-89513-470-2

Книга повествует о вымышленном будущем — вплоть до очередного ледникового периода. С некоторой натяжкой ее можно назвать научно-фантастической при том, что собственно фантастики в ней не так много. Формально книга относится к жанру «постапокалипсис», или просто постап. Благополучная цивилизация, разомлевшая в комфорте, созданном предыдущими поколениями, в одночасье рухнула из-за вроде бы сущей ерунды. Конечно, человечество возродилось (как это следует из названия), но с большой задержкой. Собственно апокалипсис — лишь сюжетный фон, хотя и показывающий вполне реалистичный вариант возможного коллапса глобализованного мира. Книга в основном сфокусирована на небольшой компании ее героев — путешествующих, ищущих, расследующих, спасающихся; веселых, деятельных и по-своему счастливых в любой ситуации.

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN: 978-5-89513-470-2

© Б. Штерн, 2020

Дисклеймер

Флора, фауна, топография, гидрография, климат и состояние артефактов в описываемых местах в описываемые времена продуманы, но не претендуют на научную достоверность. В частности, подразумеваемый сдвиг траектории атлантических циклонов в период оледенения является фантастическим допущением.

Благодарности

Автор благодарен своим рецензентам-волонтерам: **Александру Маркову** (эволюционная биология, антропология), **Алексею Екайкину** (гляциология, климат) и **Алексею Оскольскому** (тропическая флора, определение видов растений).

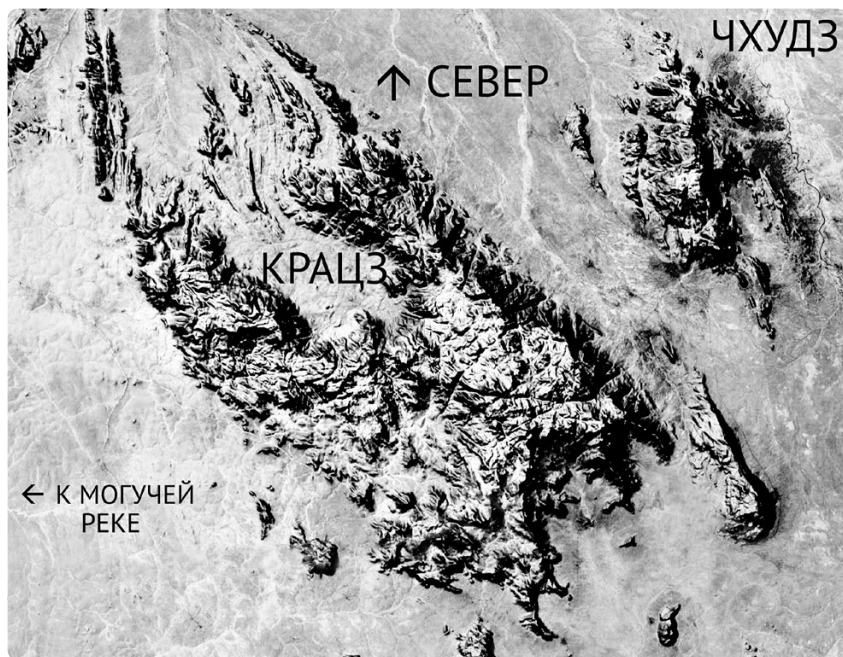
ЧАСТЬ I СЕМЕНА

1. Бесконечная река

Большая бесконечная река не спеша несла плот с девятью человеческими существами куда-то в неведомые края. Мир был гостеприимен, чист и свеж: зеленые острова, песчаные пляжи и косы, фрукты, рыба, птицы и звери, с изумлением глядящие с береговых обрывов на странное сооружение на воде с невиданными смуглыми существами без шерсти и перьев. И ни одного человека вокруг! Ни малейшего признака человека: ни запаха дыма, ни отпечатка ступни, ни следов стоянки на берегу. Весь разворачивающийся в своей красе мир принадлежал им, девятерым: отцу, матери, сыну, дочке, другу отца, невесте сына, приемышу и двум малышам.

Никто из девятерых не знал, куда ведет река, где она заканчивается. А может, и нигде не заканчивается, и они будут плыть по ней всю жизнь? Зато все, кроме малышей, знали, откуда они плывут, и понимали зачем. Горстка людей бежала из своего племени под названием крацз (в переводе «мы»), затерянного в долине среди горного массива, похожего по очертаниям на клешню рака. Видимо, далекие-далекие предки выбрали эту долину в объятиях горной клешни для защиты от внешнего мира — кто его знает, какие угрозы он несет?!

Собственно, никто в мире не знал, что их племя называется именно так, и никто больше не говорил на их непередаваемом языке. Да и где были другие племена?! Единственное известное им племя называлось чхуadz, что означало «они» и одновременно «враги» — эти два понятия на языке крацз передавались одним словом. Они — то есть враги — жили на равнине за высоким горным кряжем, образующим восточную часть «клешни» у восточного подножия соседних гор.

Перебраться через кряж не так просто — в горах, перехватывающих влагу облаков, рос густой труднопроходимый лес. Казалось бы, можно обойти горы, идя саванной на северо-запад, обогнуть кряж и идти на юго-восток, но обход в несколько раз длиннее, и, главное, на том пути вражеские пастухи обнаруживали отряд на дальних подступах и успевали предупредить соплеменников. И все равно не часто, но с удручающей регулярностью оба племени совершали набеги друг на друга — с жертвами с обеих сторон, с добычей в виде скота и маленьких девочек. Подросших девочек и девушек не брали — они не годились ни в жены, ни в наложницы, поскольку на всю жизнь оставались врагами — ненависть к племени крацз, пропитавшую их до мозга костей, не удавалось ни вышибить палками, ни утихомирить лаской.

Рождаемость в обоих племенах была высокой, детская смертность умеренной, но взаимные набеги стабилизировали численность племен на уровне двух-трех сотен человек. Так было испокон веков — предания не доносили ни малейших намеков на иную жизнь. Если исключить хронику набегов, то истории племени

крацз не существовало. Разве что в легендах о могущественных духах предков происходили какие-то события, служившие предметом гордости ныне живущих: славные битвы, великие победы и прочие вехи.

Коллективное бегство из племени произошло, вероятно, впервые. Во всяком случае, предания не сообщали ни о чем похожем. Страх перед неизвестными далями оберегал племя от побегов, этот страх из поколения в поколение воспитывался колдунами и укреплялся легендами. Предания гласили о страшных опасностях, таящихся за горами, — о чудовищах, злых духах и смертельных напастях. А о самой страшной и о самой загадочной беде повествовала легенда про курзыц. Дескать, за горами существует нечто жуткое, хоть и неодушевленное, но такое, что не может быть сотворено ни природой, ни человеком, ни духами предков. Оно может появляться в разных местах и принимать разные формы, потому его нельзя описать словами. Но каждый, кому выпало несчастье его увидеть, сразу понимает: курзыц! После встречи с курзыцом человек становится одержимым, пропащим, обуреваем бесовским смятением, и в конце концов, чтобы прекратить мучения бедолаги, соплеменникам приходится забивать его камнями.

Река текла неспеша, да и беглецы никуда не торопились — долгие ночлеги на берегу, дневные остановки. От погони их надежно охранял тот самый страх соплеменников перед далями, который они однажды преодолели благодаря Отцу. Отец и раньше не испытывал особого страха — ходил дальше всех, лучше всех знал окрестности, служил проводником в набегах на соседей. Народ относился к нему с настороженным уважением. Уважение проистекало из его ума и знаний, а настороженность — из его пренебрежения страхами и предписаниями. Настоящее имя Отца невозможно передать транскрипцией. Дело в том, что язык их племени крацз полон цокающих и шелкающих звуков. Придется пользоваться прозвищами путешественников, которые поддаются приблизительному переводу. У Отца было прозвище — одно короткое слово, которое при попытке перевода развернулось бы во фразу «человек, который знает, что за горами». Попробуем свернуть это прозвище в неологизм «Землевед», что примерно будет соответствовать его роли в племени.

Землевед задумал побег и возглавил его. Он сам решил, кого возьмет с собой, и уговорил всех по отдельности, используя разные доводы. Первой стала жена Землеведа. Ее прозвали Мамашей за беспредельное детолюбие. Всех малых детей племени она как будто считала своими, тем более, что половину из них приняла на белый свет собственными руками. Именно благодаря ей в семье появился Приемыш — его мать умерла от внутренней грыжи, а отец еще раньше погиб в набеге на чхудз. Она не хотела расставаться с чужими детьми, но также не могла расстаться с мужем. Решающим доводом для нее стали малышки. Они были предназначены в жертву духу Великого Истребителя Врагов перед предстоящим набегом. Такая у племени была традиция... В жертву приносили трофейных девочек, таким образом, избавляясь от проблемы орущих, цепляющихся, царапающихся матерей и готовых отомстить отцов. И когда Землевед пообещал взять их с собой и тем самым спасти, Мамаша с облегчением согласилась.

Гораздо легче оказалось уговорить друга, без которого никуда... Друга прозвали Камнебоем за непревзойденное мастерство в изготовлении каменных инструментов. У него был свой набор приемов. Первый этап — раскалывание крупных камней на много осколков. Камнебой всегда знал, как лучше расшибить данный камень, и обладал достаточной для этого физической мощью. Потом он выбирал: этот осколок — для топора; этот — для мотыги; у этого отличный острый скол для ножа; из этого получится наконечник копья; а из осколков поменьше — игрушки детям. Далее кропотливо доводил заготовку до аккуратного инструмента — шлифовал, затачивал, просверливал, прилаживал деревянную ручку. Камнебой, выслушав Землеведа, прошел в задумчивости десять шагов туда, десять обратно, расплылся в улыбке, потряс кулаками над головой и воскликнул: «Да!!!»

Дочь по прозвищу Красотка (действительно, и черты лица, и формы — все при ней) согласилась хоть и с неохотой, но почти сразу — ее домогался вождь, которого она предпочла бы видеть на погребальном костре, нежели на собственном ложе. А когда отец перечислил ей участников побега, Красотка явно повеселела.

С сыном оказалось сложнее. Он был патриотом. Совершенно искренним патриотом и славным воином в придачу. Не только хо-

рошим воином, но и отличным охотником — за точность метания копья и стрельбы из лука его прозвали Остроглазом. Чтил законы племени и вождя как наместника духов предков. Землевед даже взял с него на всякий случай страшную клятву о неразглашении, прежде чем посвятить в план побега. Когда Остроглаз узнал, что уходит вся семья, он поднял сидельный камень над головой и изо всех сил грохнул оземь. Потом схватил свое копье и с огромным усилием переломил древко через колено. Потом сел, обхватив голову руками. Но все же и к Остроглазу нашелся ключ по прозвищу Запевала — его жизнерадостная долговязая невеста, которую долго уговаривать не пришлось. Она была урожденная чхудз — тоже бывшая трофейная девочка, росла как трава, без семьи, чего-то нахваталась от добровольных нянек, от детей-ровесников, от подруг. Такие невесты ценились — считалось, что у них рождаются здоровые дети, про них говорили: «свежая кровь». И говорили не зря. Свое прозвище Запевала получила за необычно сильный красивый голос — она прекрасно вела мелодию многочисленных ритуальных песен, возглавляя хор соплеменников.

А Приемыша никто и не уговаривал — не успели, сам напросился, подслушав разговор с Остроглазом. Взял и сказал Землеведу: «Если не возьмете — пожалеете». А малышек попросту осторожно выкрали. У них поначалу не было ни имен, ни прозвищ. Девочки, добытые в предыдущем набеге на чхудз, почти не умели говорить, были тихими и малоподвижными, но за несколько лун пути по реке ожили, заговорили, во многом благодаря Мамаше. Как только плот приставал, они бежали на берег и прыгали, заливисто хохоча. Как только плот отплывал, они проделывали то же самое на его настиле, радуясь продолжению пути. Их прозвали Веселька и Прыгулька.

Побег стартовал ночью до рассвета. Это был именно побег: покинуть племя означало совершить предательство, а кража жертвенных девочек — не что иное, как страшное преступление против племени. В эту ночь девочек караулил Камнебой, что и определило дату побега. Он пропустил в ограду Мамашу и Красотку, которые накрепко убавляли малышек, так, что они не издали ни звука, пока беглецы крались через деревню. Шли тихо и быстро — налегке, если не считать малышек, которых мужчины несли по очереди — снача-

ла на руках, потом на плечах. Шли на запад через перевал в хребте западной части «клешни».

Никакого скарба, кроме трех копий, одного лука, запаса кожи для ремонта обуви и мелких костяных инструментов они не взяли. Да и зачем скарб, когда у спутников в их новой семье есть руки Камнебоя, способные изготовить любой инструмент в любом месте, где бывают крепкие камни. Кроме рук Камнебоя — сноровка Остроглаза. Никто лучше него не умел стрелять из лука, так что недостаток мяса им не грозил. Все три женщины прекрасно умели прясть и ткать из разных трав хоть циновку для ложа, хоть рубище для тепла. Зачем им нести скарб?!

Еще затемно вошли в горный лес, шли след в след за Землеведом, а к рассвету вышли на перевал. По небу с востока протянулись лучи, один из них зажег скалы Горы Предков. Все, кроме Приемыша и сонных малышей, обернулись — это был их последний взгляд на родную долину, которая еще лежала в глубокой тени — ее рощи и пастбища еле просматривались. Соплеменники в столь ранний час по обыкновению мирно спали, никто не знал о побеге. Вот-вот проснутся пастухи и утренние охотники, потом встанут женщины и начнут доить коров и готовить еду — тут-то и хватятся малышей, а вскоре и остальных. Это произойдет чуть позже, пока еще деревня мирно дремала в полумраке, однако путь назад был уже отрезан, преступление уже совершено.

Беглецы стояли и смотрели. Мамаша тихо прослезилась и прошептала что-то про себя. Камнебой помахал рукой невидимым соплеменникам. Запевала с Красоткой обнялись за плечи и тихонько, будто опасаясь, что их услышат внизу, промурлыкали начало песни прощания с духами. Землевед, едва шевеля губами, сказал про себя: «Прощай Кремень, прощайте Толстошей и Долговяз, простите, друзья, что не смог взять вас с вашими стариками... Считайте меня предателем, считайте, что мы пропадем в дороге, — так вам будет легче». Остроглаз дольше всех стоял с каменным лицом и смотрел в одну точку, где угадывалась деревня, — что-то происходило в его сознании, но что именно — никто не понял. И только Приемыш, не удостоив родину прощальным взглядом, уставился вперед на запад, где в синей утренней дымке тлел, разгорался угольно-красный кряж, ровный, как лезвие ножа работы Камнебоя.

К середине дня беглецы спустились на западную равнину, и след их простыл в жесткой траве среди раскидистых акаций. Теперь они могли не опасаться погони, потому, что Западная равнина считалась запретной — ходила молва, что именно там кто-то когда-то наткнулся на курзыц. Шли друг за другом в плетеных сандалиях с подошвами из бычьей кожи: впереди — Землевед (иногда меняясь с Камнебоем), потом — женщины, замыкающим — Остроглаз.

Звери, никогда не видевшие человека и не боявшиеся его, спокойно лежали или паслись. Они провожали путников долгим взглядом: антилопы — равнодушным, павианы — взволнованным, львы — заинтересованным, а всякая мелочь просто разбегалась по кустам.

Землевед прекрасно знал дорогу и цель пути. За полгода до побега он отправился на разведку в просторы Западной равнины. Путь по саванне на запад занял четыре дня — Землеведа привлек далекий ровный кряж, который он видел с гор. Когда кряж был уже близко, он услышал утробный гул, исходящий как будто из самой земли. Впереди между ним и кряжем угадывалась прямая расседина; чем ближе Землевед подходил, тем мощней становился гул, запахло водой. Наконец он подошел к краю расселины, да так и сел! Внизу с ревом в желтоватой пене в тесном русле неся на север могучий сокрушительный поток. Землевед и не подозревал, что на свете существуют такие потоки. Его ширина была небольшой — полторы сотни шагов. Но какая глубина и мощь! Поверхность воды вздымалась к середине потока — там стояли огромные ревущие волны, взвивались брызги, висела радуга.

«Откуда столько воды?» — подумал Землевед и стал ждать: не кончится ли вода? Отчаявшись дожидаться, пошел вниз по течению — куда же она там помещается? Пройдя два дня вдоль реки, он убедился, что стремнина успокоилась, река отвернула от кряжа и вышла на равнину. Шумный бурный поток превратился в плавное нескончаемое шествие огромных масс воды.

Землевед нашел то, что надеялся найти. Нет, он нашел нечто большее, чем надеялся! Могучая невиданная река была замечательной дорогой. Какая удача! Такая река сама унесет в синие подблочные дали, в неведомое просторное будущее. Путь был вы-

бран. Осталось уговорить семью, подобрать надежных спутников и переждать сезон дождей.

Маленький отряд за пять дней пересек Западную равнину и вышел к Могучей реке. Мужчины приступили к строительству плота. Пришлось подняться к стремнине — только там росли подходящие ровные высокие деревья. Камнебой делал топор за топором — инструменты быстро изнашивались. Для ускорения работы он сделал первую в истории двуручную пилу: взял тонкую прочную лиану и пронзил ее под разными углами мелкими острыми кремневыми перьями, плотно обмотал лиану тонкой веревкой, так что каменные лезвия хорошо зажались в расщепках лианы. Получилась сильно разведенная пила — она делала слишком широкий пропи́л, но с новым инструментом стало легче, чем с топором, управляться с толстыми бревнами. Плот постепенно рос. Бревна прочно вязались к поперечинам, на них крепился настил из ровных жердей. На двух крайних бревнах были оставлены сучья, торчащие вверх. Никто из беглецов не имел ни малейшего опыта в навигации, но Землевед сообразил, что плоту нужны уключины и весла, уже потом в пути они сообразили, что еще полезен руль.

Работали семь дней, перекрикиваясь сквозь рев воды. Женщины плели толстые веревки, из окрестной травы, а к вечеру пекли мясо, добытое Остроглазом. С наступлением темноты ужинали и без разговоров, сказок и песнопений заваливались спать. Спешить было особо некуда, но спешилось само собой — несущаяся реву́щая вода и плывущие в том же направлении облака звали в путь, брызги и водяная взвесь бодрили и будоражили, а радуга сулила удачу.

Когда плот был готов, все, кроме Землеведа и Остроглаза, отправились пешком вдоль берега вниз по течению. Сын с отцом — единственные, кто умел плавать, отчалили и понеслись сквозь валы, перекатывающиеся через плот. О них позаботилась сама природа воды — отбойные течения держали плот в центре стремнины, один раз Остроглаза смыла стоячая волна, но он в состоянии шока мгновенно выскочил из потока на плот и мертвой хваткой вцепился в весло.

Очень быстро, намного обогнав пеший отряд, отец с сыном причалили к берегу в спокойной воде и дождались остальных. На плоту соорудили шалаш, куда можно забиться всем девятерым в случае

дождя, и поплыли на манящий север, вслед за медленно плывущим стадом белых кучерявых облаков.

И все-таки зачем Землевед бежал и увлек за собой восемь человек? Одна причина лежала на поверхности: назревающая стычка с вождем племени. Популярность Землеведа стала угрожать вождю. Добрые люди донесли, что вождь хочет расправиться с ним во время предстоящего набега на чхудз. Но Землевед, пожелай он того, мог бы сам расправиться с вождем, воспользовавшись тем же набегом, тем более что знание местности и стратегическое чутье давали ему преимущество, а его сторонники были хоть и меньше числом, но умней и ловчей сторонников вождя. Просто он этого не хотел, да и не в том дело. Дело в том, что была и более глубокая причина для побега. Гораздо более глубокая.

Жалели ли беглецы о чем-то, оставленном позади? Остались ли в племени какие-то важные зацепки, связи, которые пришлось рвать с кровью? Конечно! Ведь жизнь в широкой долине крацз не сводилась только к изнурительному труду, набегам, ползучим страхам и кровавым ритуалам. В той жизни оставалось достаточно места для веселья, песен с танцами у костра, для веселых игр. Там в жару после утренней работы купались в реке, потом безмятежно лежали в тени, по вечерам после вкусного ужина рассказывали сказки, любили друг друга, преданно дружили. Там находилось место для множества чувств и впечатлений, которые порой складываются в какое-никакое счастье. Пока беглецы тихонько пробирались между хижин, когда в спешке двигались к лесу, временами переходя на бег, когда в темноте пробирались через горные заросли, когда вереницей шли через саванну, когда строили плот — они ведать не ведали о печали. И лишь на большой реке, когда наступил покой, когда между зеленых берегов поверх воды разлилась благодать, у кого-то заняло сердце. Конечно, остались зацепки и нити — они понемногу слабели, но не отпускали.

Прошло шесть лун. Река несла плот на север, потом развернулась на юго-запад, потом снова потекла прямо на север. Она стала еще полноводней, приняв широкий правый приток. Притяжение севера было сильным, а тоска по оставленному на юге — легкой, но все-таки порой прорывалась.

— Грустно мне что-то стало,— сказала Мамаша вечером на стоянке, когда река почти замерла, а дорожка от садящегося солнца превратилась в едва колышущееся отражение светила.— Грустно, что я никогда больше не увижу младшую сестру и не смогу нянчить ее дочь, ты не можешь представить, как она радовалась мне! И костер, когда мы пели вокруг него! Костер-то мы можем развести, а вот чтобы так петь... Нас просто не хватает для хорошей песни.

— Когда-нибудь нас хватит для любой песни,— ответил Землевед. Сын с Запевалой хоть и не успели пройти свадебный обряд, глядишь, родят ребенка, наплевав на церемонии. К тому же наша дочь, если еще не беременна, то скоро будет. Я недавно увидел, как она смотрит на Камнебоя — тут нечего сомневаться. К тому же они исчезали несколько раз вместе как только мы причаливали на стоянку. Так что скоро будешь нянчить своих внуков.

— Ты бы еще Прыгульку с Веселькой вспомнил!

— Конечно вспомню! Когда подрастут, отличные невесты будут для Приемыша и нашего будущего внука. Свежая кровь!

— Но нас-то с тобой уже не будет, когда все вырастут и все родятся! Да, будет у нас когда-нибудь отличный хор, но мы-то с тобой не доживем до него.

— Ну, не доживем, и что с того? А мы и сейчас можем душевно спеть: я попробую подпевать, дочь у нас голосистая, сын более-мнее, а Запевала лучше всех поет. И Камнебоя с Приемышем научим петь. Будет тебе замечательный хор, и костер побольше запалим!

— Камнебоя, говоришь... петь научим?! Да ладно?!

— Я лучше сделаю большой деревянный барабан и буду бить в него изо всех сил — сразу все запоют как следует,— сказал подошедший сзади Камнебой.

— Да, уж все разом запоем,— ответила Мамаша. — А пожалуй, зря я печалюсь. Так хорошо здесь: смотрите, как холм в воде отражается — совсем красный от солнца, будто горит. И небо темносинее — одинаковое все, что вверху, что внизу. Хорошо! А там, смотри, луна выкатывается, красная! И тоже в воде отражается. Всего по два — два неба, два красных холма, две луны. Только мы одни.

— И хорошо, что одни,— ответил Землевед,— а то опять воевать бы пришлось с кем-нибудь. Все! Больше никаких войн. Если уви-

дим другое племя — уйдем восвояси. Места на всех хватит. Главное, мы свободны, как ветер.

— А в племени мы разве не были свободны? Накормил, подоил скотину, дальше делай что хочешь — собирай орехи, хочешь — иди купаться, хочешь — поспи в тени.

— Свобода — это совсем другое. Свобода — когда ты сам решаешь, где и как тебе жить. Когда никто не может издеваться над тобой. А у нас переселишься жить на отшибе — станешь врагом. Захотел вождь воспользоваться правом первой ночи — попробуй воспротивиться! Остроглаз, считай, тебя с невестой пронесло. Небось вождь уже поглядывал на Запевалу. Ну, даже если не поглядывал — мог ведь! Тебе бы такое понравилось?! (Остроглаз молча смотрел в землю.) А уж Камнебою с Красоткой точно бы не пронесло, устрой они свадебный обряд. Разве что испугался бы Камнебою, не надеясь на охрану. Это свобода?! Ладно мы Камнебоем, нас этот бодливый козел побаивается. А я видел, как Толстошей два дня сидел словно каменный, ничего не ел и не пил, смотрел в землю, как ты сейчас, и даже не смотрел на свою невесту. Да, потом у него все наладилось, родили детей, но до сих пор он иногда застывает вот так и смотрит в землю. Никогда раньше с ним такого не случалось.

— Ты, конечно, прав отец, но этим мы платим за безопасность и благополучие.

— А сейчас у нас нет безопасности и благополучия? Сколько угодно еды вокруг. Кого бояться? Львов, которые сами держатся от нас подальше? Неужели мы слабаки и не можем без вождя и его охраны устроить свою жизнь? Подумай, сын!

— А может быть, было бы лучше придушить этого вождя? — спросила Красотка. — Ты бы занял его место и установил другие порядки, без права первой ночи и без порки за непочтение. Ведь не все могут уйти, как мы. У тебя с Камнебоем родители умерли. А многие просто не могли бы бросить родителей. Уйти легко, остаться и изменить жизнь — куда сложнее.

— В твоих словах есть правда, и я сам думал примерно так же. Но есть три довода против удушения вождя, каким бы козлом он ни был. Во-первых, я однажды уже задушил человека и больше никогда ни за что не буду этого делать. И даже чужими руками — никогда ни за что. Во-вторых, я бы смог изменить жизнь лишь немного и лишь

на время. Потому что можно изменить порядки, но племя не изменишь. Кто его знает, лет через десять не поддался бы я сам соблазну пороть за непочтение? И в любом случае потом следующий вождь вернул бы все издевательства. В-третьих, кто-то обязательно был должен навсегда выйти из нашей долины — это ловушка! Жизнь в такой ловушке может быть легкой, но она беспросветная. Племя без просвета впереди в конце концов оскудеет и завянет. Есть еще и четвертый довод за то, чтобы уйти из племени, но я пока не буду его раскрывать.

На ночь глядя развели большой трескучий костер и попробовали спеть песню убаживания духов дедов и прадедов. Мелодичная тягучая песня не клеилась — Остроглаз что-то нервничал, Дочь и Камнебой переглядывались и явно хотели удрать. Песня заглохла, заговорил Остроглаз.

— Отец, может быть, ты и прав, что не надо воевать, что нам нужна свобода, но мне иногда стыдно, что мы сбежали перед походом на чхудз. В прошлый раз мы им недостаточно отомстили за набег на нас. Без тебя, без Камнебой, без меня враги смогут разбить наш отряд.

— Я как раз надеюсь на то, что наш побег расстроит планы вождя, и поход не состоится. Конечно, вождь не дурак и понимает, что без лучшего проводника, без лучшего оружейного мастера и без лучшего стрелка лучше не соваться в долину чхудз. А главное — малышки. Их исчезновение — очень плохое предзнаменование перед набегом. Вождь свято верит в силу духа Великого Истребителя. А тут такая напасть — обещанная жертва исчезла!

— Но разве можно оставлять врагов, не отомстив! Они станут сильнее, их станет больше...

— И наше племя станет сильнее и обильнее без набега — никто не погибнет. Я должен рассказать тебе одну историю, я до сих пор не рассказывал ее никому, а сейчас пусть послушают все. Камнебой, погоди делать знаки Красотке, успеете. Я уже упомянул сегодня, что однажды задушил человека, сейчас расскажу. Давно, когда ты был совсем юным и сидел дома, во время набега на чхудз у меня в драке сломалось копье. Враг уже размахнулся, чтобы продырявить меня, но я каким-то чудом перехватил его копье, и мы схватились врукопашную. Ярость помогла мне повалить его и обхватить сзади за

шею. Я стал его душить. Он захрипел. Ярость стала ослабевать, но появился страх, что если я его отпущу, он меня убьет. Враг извивался, я еле удержал его — мне повезло, что я оказался тяжелей. Потом он стал дергаться, все слабей и слабей. Потом снова стал дергаться, но уже по-другому — схватками смерти. Когда он наконец затих и перестал дышать, я разжал руки и перевернул его на спину. Его лицо будто расправилось, и он перестал походить на врага. Он стал похож на человека. Хуже того, мой сын, он оказался похожим на тебя. Очень похожим, только немного старше. И потом мне часто снился один и тот же сон: я убиваю врага, душу его, изо всех сил сжав за горло, а потом вижу, что на самом деле убил тебя. От отчаяния у меня каждый раз немели члены, я начинал задыхаться и просыпался. Но и после пробуждения отчаяние отпускало не сразу — лишь постепенно до меня доходило, что все в порядке, что это только сон, что ты лежишь рядом за загородкой. Этот сон перестал терзать меня только тогда, когда я твердо решил покинуть племя.

— Когда ты решил уйти? — спросил Камнебой. — Меня ты посвятил в свой план лишь за две луны до побега.

— Я решал это половину жизни. Обдумывал, сомневался, колебался. Куда идти? Кого взять с собой? Не осудят ли меня духи предков? Но я хорошо помню момент, когда решил окончательно — два с половиной года назад в конце поры дождей. Когда ветер разогнал тучи, я увидел, что вершина Горы Предков поседела. Я видел такое один раз, когда был подростком — белая вершина считается знаком того, что предки недовольны нами и печалются за нас. Я отправился на гору, спешил изо всех сил, продираясь через лес, помня, что в прошлый раз белизна быстро исчезла, — мне хотелось понять, что за седина покрыла вершину. Там наверху было холодно — я не знал, что в горах так холодно и не взял овчинной накидки. Я не спал ночью; шел, чтобы не замерзнуть — мне светила луна. Я дошел за два дня и одну ночь, изодрал сандалии, изрядно померз, но Гора Предков уже стала обыкновенной — серо-зеленой. Лишь в ямках лежал какой-то белый мокрый порошок. Он был очень холодным и в ладонях быстро превращался в воду. Наверное, этот порошок и был той самой сединой.

На самой вершине я огляделся. Первый раз в жизни я поднялся так высоко. На востоке далеко-далеко протянулся длинный гор-

ный хребет. Он едва проступал в дымке. Никогда я не был на том хребте — и за ним тем более не был. До восточного хребта дней семь пути. Я представил, что дошел до него и поднялся. Что я увижу дальше? Наверное, еще одну долину, а за ней снова бледно-голубые горы в дымке. А может быть, широкую равнину, за которой не видно гор, но видна река или озеро. А если долго-долго идти по равнине? Снова встанут какие-нибудь горы. И так без конца! А на западе распростерлась равнина, а за ней тоже синел кряж — не такой высокий, но прямой и ровный, будто отвал от борозды, вспаханной исполином. Что там за борозда такая? Почему мы из поколения в поколение сидим здесь и не знаем более важного дела, чем воевать с соседями? Надо идти в этот мир, у которого нет конца. Надо идти, взяв родных и надежных друзей, надо где-то там, вдали осесть и основать новое племя, и пусть потом кто-то из молодых покинет его и идет дальше и дальше, чтобы появилось много новых племен — на бесконечной земле места хватит всем.

И как только я это твердо решил, мне стало хорошо и спокойно. Как будто какой-то дух вошел в меня и сказал: «Ты все решил правильно. Не сомневайся! Ты принял самое важное решение в твоей жизни. Действуй!» И как будто тот дух стал подсказывать мне дальнейшие шаги. Все стало складываться одно к одному.

— Наверное, тебя направлял дух кого-то из предков, — предположила Мамаша.

— Вряд ли. Тот дух намного мудрей. Духи предков обычно подсказывают, когда надо идти на чхудз, когда надо охотиться на антилоп, а до такого они бы никогда не додумались.

— Знаешь, — сказал Камнебой, — я почувствовал то же самое, когда ты рассказал мне о своей затее. Только я не верю в духов. Мне кажется, в нас звучит голос нашей крови, только не простой голос, который, например, зовет нас овладеть женщиной, а какой-то очень древний. Может быть, эта кровь досталась нам от каких-то далеких предков — ведь они пришли сюда откуда-то, может быть, пришли издалека.

— Ты прав, но какая разница — голос крови или голос духа?! Главное, что он зовет, что исчезли сомнения.

— А не подсказывает ли тебе этот голос, что хватит плыть, что пора встать и основать поселение? — спросила Красотка.

— Нет. Он говорит, что надо плыть, пока не увидим что-то совершенно новое, невиданное. И тогда обосновываться.

— А ты уверен, что новое, невиданное существует? — возразил Остроглаз. — Мы плывем уже шесть лун, а река все та же, ну, может быть, стала шире. И мир все тот же... А может, он везде одинаков? Ты же сам говорил: за горами долина, за долиной снова горы и так без конца.

— Да, говорил, но я просто хотел сказать, что мир огромен. Может быть, там совершенно другие горы и долины, непохожие, или что-то еще. Я ведь не отходил от нашей долины дальше, чем на поллуны ходьбы, и нашел в этих пределах огромную реку, нашел сухую каменистую землю почти без травы и деревьев, нашел белый порошок, превращающийся в воду, видел деревья толще слона. И еще кое-что видел, когда-нибудь расскажу. Потому я верю, что в мире много невиданного, что мы даже и представить себе не можем что-то еще, для чего у нас нет слов. Да хотя бы взять эту реку! Я нашел ее год назад. До этого никто не знал, что бывают такие большие реки. А может быть, она куда-то впадает — в такую реку, что с одного берега не видно другого...

— А неужели у земли нет края? — спросил Приемыш. — А куда же тогда садится солнце? Прямо в землю?

— Наверное, есть край, хотя что он такое? Обрыв? А куда течет река? Падает с этого обрыва? Ох, и вопросы! Давайте что ли ужин готовить.

— А когда мы последний раз запекали мясо крокодила в синей глине? — неожиданно спросил Приемыш.

Все замолчали и стали переглядываться. А правда, когда?

2. Перемены в небе и на земле

Когда же они последний раз ели мясо крокодила, запеченное в синей глине?

— Полторы луны назад, — предположил Камнебой.

— Нет, пожалуй, уже две луны, как не ели, — поправила Мамаша.

— А почему? — ехидно спросил Приемыш.

— Не попадались что-то крокодилы, — ответил Землевед. — Да и синяя глина что-то не попадалась, — добавил он после задумчивой паузы.

— Не грустите, я вам на ужин рыбу на камнях пожарю — вкуснее крокодила будет, — предложила Мамаша.

— Да не о том речь. Значит, крокодилы здесь не водятся. А там водились. Значит, что-то сильно изменилось. Значит, мир здесь не совсем тот же, значит, он не везде одинаков! — заключил Приемыш.

— Разумно говоришь, — ответил Землевед. — Может быть, я ошибался. А как узнать, если никогда не уходил дальше, чем на десять дней пути? Кстати, вот эти странные деревья с длинными зелеными иголками вместо листьев совсем недавно стали попадаться — они ведь там у нас тоже не растут.

— А как хорошо они пахнут! — вступила Запевала. — Давайте на следующую ночь встанем среди них.

Предложение приняли, и на следующий ночлег пристали к крутому берегу с этими странными деревьями. Оказалось, их сухие иголки, подобранные с земли, удобны для разведения огня — хорошо вспыхивают, если положить их на тлеющий трут и дунуть, а если их сгрести и накрыть тростниковой циновкой — получается отличное мягкое ложе. В эту ночь Мамаша впервые пожаловалась на холод.

— Давай, я тебя еще одной циновкой накрою, — предложил Земледев.

— Ты лучше сам меня согрей. Ну вот... Нет, грей лучше... Вот так, давай сюда. Во-о-от... Давай-давай... У-у-у... Хорошо... М-м-м... Ой, молодец! Еще! Тихо... Подожди, помолчи пока. Ох, хорошо! А ты за двадцать лет, пожалуй, не стал слабей. Хорошо согрел! А знаешь, я, наверное, могу еще родить. Ну и что, что был выкидыш?! Тогда ведь три года назад сказали, что тебя убили при набеге. Через три дня ты пришел, но я чуть к предкам не отправилась от горя. Потому и выкидыш. У нас ведь только двое выросли из шести. Давай попробуем еще! У меня три дня назад кровь отошла — скоро самое время. Давай уж, поработай! Да, вижу, что можешь, не старик ведь еще, хотя и похож на корягу. Да ладно, не обижайся, я пошутила — по мне, так ты самый красивый. Мы с тобой точно сможем. Нельзя же все надежды на детей возлагать. Как они пахнут, эти деревья! Давай останемся здесь на несколько дней.

— О, если ты меня будешь так обнимать и гладить, я согласен остаться. Хоть на целых пять дней. И поработать не прочь — что ж не поработать, пока инструмент в порядке! Ты ведь за двадцать с лишним лет стала слаще. Молодые думают, мы с тобой старые и вялые и спим зубами к стенке. Что они понимают в жизни, эти недозрелые!

Запевала и Красотка радостно поддержали идею пожить несколько дней в этом чудесном месте. Камнебой с Остроглазом согласились, сначала без энтузиазма, но, поговорив с подругами, тоже горячо поддержали — видимо, у подруг нашлись несокрушимые доводы. Соорудили шалаши и дружно неистово предались инстинкту продолжения рода. Все располагало к любви — и чудесный запах, и отсутствие гнуса, и ласковая ночная прохлада, и просторная стоянка. Скорее всего, именно здесь был внесен решающий вклад в преодоление грядущей демографической проблемы. А Приемыш, которого по ночам раздражали сопутствующие звуки, особенно когда они выпускались синхронно из трех шалашей, поднимался на холм и изучал звездное небо.

— Отец, — сказал Приемыш на четвертое утро, — Северная звезда стала выше и вообще не заходит, даже когда Малый Топор ока-

зывается ручкой вверх. Раньше она всегда заходила. И вообще все северные звезды стали выше, а южные — ниже.

— Что же тут удивительного? — ответил Землевед. — Видишь то облако? Если перенестись в его сторону на четверть дня пути, оно окажется гораздо выше, может быть, прямо над головой. Так и звезды — мы ведь уже шесть лун плывем на север — прямо к северной звезде. Только половину луны плыли на юго-запад, а теперь снова на север.

— А тогда и солнце должно сдвинуться к югу?

— Должно. Сейчас середина года, начало сезона дождей.

— А где же дожди?

— Ну, был вчера дождь! Хотя что это за дождь — короткий ливень, а сейчас снова ясно. Но я считал луны, сейчас середина года, когда солнце должно проходить точно между севером и югом, а в полдень стоять прямо над головой, так что кол, воткнутый прямо, не отбрасывает тени. Мне кажется, солнце тоже съехало к югу. Принеси-ка вон ту ровную палку.

Землевед воткнул палку в землю, сделал отвес из длинной тонкой травинки и камушка, выровнял палку по отвесу.

— Ну вот, видишь, отбрасывает тень.

— Но мне кажется, еще не полдень.

— Давай подождем. Будем отмечать конец тени камушками.

Тень немного укоротилась и снова пошла удлиняться. Землевед измерил пальцами наименьшую длину тени и длину палки. Тень была в три раза короче.

— Там, откуда мы плывем, сейчас тени нет. Значит, солнце на небе в три раза выше,

чем расстояние по прямой, которое мы проплыли на север. Ты понимаешь, почему?

— То, что мне мало лет, вовсе не значит, что я глуп. Чего тут не понимать?!

— Хорошо. Мы плыли шесть лун, но не по прямой. Будем считать, четыре луны прямого пути. Значит, до солнца 12 лун пути, если плыть по реке, только реки такой нет, что вела бы к солнцу.

— Далеко! Почти год пути! А до чхузд сколько пути?

— Если бы к ним вела прямая река — два дня. А так, через горы и саванну, приходится идти четыре дня.

— Как далеко солнце! Наверное, это хорошо, а то бы оно нас изжарило. А звезды тоже так далеко?

— Наверное, так же далеко. Все они на небе — не на том небе, по которому плавают облака, а на настоящем высоком небе. Знаешь, я, пожалуй, этой ночью отдохну и пойду с тобой на холм. Посмотрим вместе на звезды — давно не смотрел на них.

Землевед с Приемышем поднялись на холм в сумерках. Вначале зажглась Вечерняя Красавица, потом крайние звезды Охотника. Скоро стал виден весь Большой Топор, Журавль и под ним — яркая Северная звезда.

— Давай проверим твое зрение, — предложил Землевед. — Смотри на вторую звезду в ручке топора. Видишь там что-нибудь еще?

— Ты говоришь про еще одну звезду рядом? А как ее можно не видеть? Неужели есть те, которые ее не видят?

— Конечно, есть. Я еще вижу, но уже с трудом — нужно поводить глазами, тогда вижу.

- А вон, видишь, рядом с Северной звездой две маленькие звезды?
- Да, треугольник получается.
- А посмотри внимательно на верхнюю из них. Ничего не видишь?
- Нет, куда мне...
- Она состоит из двух очень близких звездочек!
- Надо же! Я и раньше этого не видел. Да, по правде, настоящий остроглаз у нас ты, а вовсе не старший сын!

Луны не было. Вечерняя Красавица вскоре зашла, заря совсем погасла, и началась звездная вакханалия в сопровождении хора кузнечиков. Кажется, Землевед с Приемышем еще не видели такой яркой Голубой Дороги.

— А знаешь, отец, ты был не прав, что солнце и звезды на одном небе. Звезды дальше, гораздо дальше, чем солнце, неужели ты не видишь?

— Тогда получается, что нет одного высокого неба. А как же тогда они все вместе крутятся вокруг нас? Посмотри своими острыми глазами — Голубая Дорога раздваивается. А что посередине — пустота? Или Дорогу закрывает что-то темное?

— Похоже, ее середину закрывают темные облака, будто полоса черного дыма. Но там, на темной полосе, много звезд, значит, они ближе к нам, чем черный дым, застилающий далекую-далекую Голубую Дорогу.

— Да, мне кажется, мы смотрим в бездну! Но как она вся крутится вокруг нас?! Я много чего повидал и никогда не трусил, но сейчас стало немного страшно — будто холодок по спине. Кажется, мы, глядя на небо, приблизились к чему-то жутковатому — к какой-то тайне, которая не для нашего ума.

— Помнишь, ты говорил про облако: если перенестись ближе к нему по земле, то облако станет выше. Но если звезда вообще не видна на небе — сколько к ней не несись, она все равно не взойдет. Как она поднимется, если спрятана за краем земли? Она и останется за краем.

— Да, ты правильно говоришь. Я не понимаю, почему мы видим Северную звезду, когда Малый Топор смотрит ручкой вверх — она всегда пряталась при этом. Мы подплыли ближе, и она вышла из-за земли, будто мы плывем по выпуклой равнине.

— А как равнина может быть выпуклой? А как по ней тогда может спокойно течь река?

— Да никак! В том-то и дело! Я же говорю — это тайна не для нашего ума. Пойдем, поспим немного.

На утро пятого дня стоянки ослотившиеся проголодавшиеся путешественники задумались о еде и разбрелись за добычей. Остроглаз набил дротиком на мелководе мешок рыбы, Приеммыш принес корзину раков, Землевед, уйдя с луком, принес на плечах молодого кабанчика, Мамаша вернулась с корзиной орехов, Запевала пришла, обвесившись связками кистей неведомых прозрачных желтовато-зеленых ягод, и только Камнебой с Красоткой, смущенные и обессиленные, вернулись последними ни с чем.

— Какие вкусные ягоды, вкусные и сочные! — сказала Мамаша. — Но кажется, мы перестарались с рыбой и с мясом. Мы не сможем съесть все — половина протухнет.

— Съедем! Под землю провалимся, но съедем! — рыкнул Землевед, потрясая кулаками.

— Одолеем, костями ляжем, но одолеем! — выкрикнул Камнебой, ударив кулаком в гулкую грудь.

— Победим! С ног рухнем, доползем и победим! — добавил Остроглаз, упав навзничь для убедительности.

— Камнебой, разводи костры! Мамаша с Запевалой — разделывайте, запекайте и жарьте! Дочь, обустройвай и украшай трапезную площадку вот здесь! Сыновья, бегом за дровами! — распорядился Землевед.

Работа закипела. Веселька с Прыгулькой заскакали по кругу, визгивая в такт. Мамаша с Запевалой, разделывая рыбу, вполголоса затянули песню приглашения духов к трапезе. Задымилась три костра, запахло жареной рыбой, с кабанчика закапал на угли, зашипел жир, всю стоянку накрыл невыносимый запах вкусной сытной еды. Красотка с Запевалой разложили жареную рыбу и куски печеного мяса на плоских камнях, дали каждому по зазубренному каменному ножу — Камнебой наскоро наколол их из подвернувшегося булыжника...

— Налетай! — скомандовал Землевед.

И грянул пир! Сначала в полном сосредоточенном молчании — только хруст и чавканье. Потом раздались отдельные воз-

гласы и звуки довольной сытости. Потом Запевала затянула привычную песню...

— Стой! Опять что ли будем ублажать духов предков? — прервал ее Землевед. — Они остались там, в шести лунах пути, и не знают о нас ничего. Они обитают в тех горах и витают над долиной нашего племени, их защита здесь не действует. Пусть хранят тех, кто остался. А нам надо призвать на помощь других духов. Должны же здесь быть духи реки — у такой огромной реки не может не быть своих духов! Мычите мелодию песни без слов, а я буду заклинать духов реки и берега!

Женщины с Остроглазом затянули мелодию, Камнебой начал отбивать ритм ударами в грудь, малышки с Приемышем пустились в пляс, держась за руки. Землевед встал над песчаным обрывом и прогорланил на всю реку:

— *Эй, духи реки! Восстаньте из мутных глубин!*

Вот он я, Землевед, с распростертыми руками на крутом берегу зову вас.

Я люблю вас, духи реки, и готов поделиться самым важным!

Образами зеленых равнин и синих гор, знанием повадок ветров и туч.

Поделитесь же со мной наукой течений и мелей,

Поведайте мне цель, которая влечет поток,

Великую цель, к которой река несет нас уже шесть лун!

Восстаньте духи реки и давайте дружить — мы принесем вам орехи и сладкие ягоды

И просим у вас плавного струения, ведущего мимо мелей.

Полюбим же друг друга, эй, духи реки!

Землевед перевел дыхание, внимательно озирая движущуюся гладь. Недалеко от берега плеснулась крупная рыба, вдалеке поверхность немного сморщилась из-за легкого водоворота и снова разгладилась. И все. Песня затихла. Землевед подождал немного, крикнул:

— Мычите песню сначала, Запевала — вперед!

Развернулся спиной к реке и продолжил:

— *Эй, духи речных берегов! Вылезайте из густых зарослей на вечерний простор!*

*Выползайте из своих душных нор на свежий прохладный воздух!
Вот он я, Землевед, машу вам руками на краю обрыва!
Я дам вам речной рыбы и расскажу про далекую саванну;
Про длинношеих жирафов, пожирающих листья деревьев;
И лунорогих антилоп, щиплющих траву;
Про незаметное племя людей, затерянное в горной долине, откуда
мы родом.*

*Идите к нам, духи берега, на наш пир, поведайте нам о том, что
там, за холмами!*

*Расскажите про повадки здешней дичи и о залежах сухих дров!
Эй, духи берега, идите к нам и подружмся навеки!*

И духи берега явились...

— Смотрите, смотрите, кто там глядит на нас из-за деревьев! —
прокричала мамаша полусшепотом.

— Это какие-то звери!

— Они немного похожи на собак, только не такие ушастые.
И уши у них острые, а не овальные.

— Они не пятнистые, а рыжие, серые и вон черный. А вон там —
весь белый с черной мордой.

— Они крупней, сильнее и пушистей собак, и хвосты у них тол-
ще и без белых кисточек.

— Они не боятся нас и не собираются нападать, они ждут чего-
то. Они — точно духи берега!

Духи-звери спокойно сидели и глядели на людей.

— Дадим им рыбы, будь они духи в обличье зверей или просто звери, — обязательно надо дать рыбы, ведь я обещал! — сказал Землевед. Он взял небольшую запеченную рыбину и мягко осторожно шагая двинулся к зверям. Они смотрели с небольшой настороженностью и, когда Землевед приблизился, отошли на несколько шагов. Землевед положил угощение и пятясь отступил назад шагов на десять. Самый крупный из духов, весь рыжий, с черной мордой, осторожно опустив голову, подошел к рыбе, схватил и ретировался к стае, где с явным удовольствием расправился с подарком. Следующим пошел Камнебой, ему удалось подойти и положить рыбу на два шага ближе. Ее взял черный зверь с белыми лапами.

— Дайте, я попробую, я меньше вас и слабей, они не будут сторожиться меня, — предложил Приемыш.

— Ну попробуй. Возьми ребро кабанчика с мясом — оно им тоже понравится.

Приемыш на полусогнутых ногах подошел на десять шагов к стае заинтересованно глядящих звероподобных духов, сел, положив ребро прямо перед собой, и стал ждать. От стаи отделился серый зверь с голубыми глазами и осторожно приблизился. Вместо того, чтобы сразу взять подарок, он обнюхал обомлевшего Приемыша, помахал хвостом, лизнул его в ухо и только потом взял подарок и степенно удалился.

— Духи-звери готовы дружить с нами. Дадим им оставшуюся рыбу, все равно нам ее не съесть!

— Возьмем самые вкусные части кабанчика, обернем листьями, зароем для себя, а им отдадим остальное.

— Дайте, я покормлю их! — вызвалась Запевала.

Она положила рыбу и кости кабана в мешок, подошла к стае и села. Звери обступили ее, энергично виляя хвостами.

— Ой, ой, вы залижете меня до смерти! Вот, берите! Вот тебе, иди сюда серый, иди черномордый...

Стая долго хрустела костями, потом звери, виляя хвостами, открыв рты, смотрели на людей, потом расположились на ночлег неподалеку в роще, вырыв лежки среди иголок и травы.

— Они будут охранять нас всю ночь, — предположила Запевала.

— Скорее всего, они надеются еще пожить у нас с утра. Пусть поживятся, они ведут себя как друзья — не жалко.

— Ну вот и солнце село. Давайте посидим у костра, — предложила Мамаша. — Веселька, Прыгулька, идите сюда, я сказку расскажу про ветер. И остальные послушайте — это очень старая сказка, почти забытая. Я ее слышала от своего деда, а рассказывала только раз Красотке, когда она была еще маленькой. Поди, давно забыла.

— Да, совсем не помню! Про козу и козлят помню, а про ветер — ну хоть убей!

— Ладно, слушайте. Сказка необычная, мне самой она нравится, хотя иногда, когда вспоминается, навевает грусть.

Когда-то давным-давно племя крацз было могучим и обильным. Но потом все племена стали воевать — все против всех и перебили друг друга, а тех людей, кого не успели перебить, скосил мор — и стариков и женщин и детей. И когда последний воин племени испустил дух, когда умер последний старик и последний ребенок, духи племени собрались под вечер на Горе Предков, чтобы решить свою судьбу.

«У нас не осталось потомков, — взроптали духи. — Нам не над кем витать, некого оберегать. Мы пропадем — никому не нужный дух быстро исчезает. Что делать?»

«Нам надо вселиться в кого-то — в каких-нибудь зверей, — сказал дух воина. — Давайте вселимся во львов — они сильнее всех».

«Не надо вселяться во львов, — ответил дух вождя. — Духи львов умирают вместе со львами. Только духи львиц немного живут после смерти, если у них остались малые дети».

«Давайте вселимся в воду, — сказал дух рыбака. — Мы будем управлять ее течением, омыwać поля, питать деревья поить зверей и разводить рыбу. От нас будет польза, и мы не исчезнем».

«Ты дело говоришь, — ответил дух вождя. — Только беда в том, что вода утекает и не возвращается. Я не знаю, куда она девается, может быть, низвергается с края земли, но никто никогда еще не видел, чтобы она текла назад. Разве мы хотим низвергнуться с края земли?!»

«Нет, нет, не хотим!» — закричали духи.

«А я вот что скажу, — возгласил дух шамана, — давайте вселимся в ветер! Он гоняет облака и приносит дожди, он разносит семена

и поддерживает птиц в полете. Мы будем направлять ветер, от нас будет польза и, главное, ветер всегда возвращается! И мы рано или поздно вернемся».

«Ты прав! — ответил дух вождя. — Летим вместе с ветром на север и постараемся держаться вместе!»

Духи долго-долго носились с ветром, направляли его, приносили дожди в сухую саванну, разносили семена. Они повидали мир, который за горами, они увидели то, что далеко на севере и на юге, далеко на западе и на востоке. Иногда они разлетались в разные стороны и теряли друг друга, иногда снова собирались вместе. Однажды несколько духов, пролетая над родной долиной, решили, что хорошо бы вернуться навсегда. Но как?

«Мы хорошо поработали, нам бы снова воплотиться в людей!» — сказал первый дух.

«Но дух не может снова воплотиться в человека!» — ответил второй.

«Я придумал, придумал! — вскричал третий дух. — Мы же несем семена деревьев — вон те, с крылышками. Давайте вселимся в эти семена и опустимся на землю. А потом будем управлять всходами, чтобы из них выросли не деревья, а дети».

Вот так и возродилось наше племя, — закончила Мамаша.

Прыгулька с Веселькой уснули на половине сказки. Запевала пустила слезу. Камнебой с Красоткой сидели, обнявшись — голова Красотки на широком плече Камнебоя. Остроглаз с Приемышем глядели на огонь, а Землевед, казалось, был готов вскочить и броситься куда-то. Огонь в его глазах словно не отражался, а горел.

— Мне очень понравилась твоя сказка. И мне кажется, будто мы те самые семена, на том самом ветру.

Спали долго, проснулись лишь когда солнце поднялось на половину пути до зенита. Звери исчезли. Остатки вчерашнего пиршества на трапезной площадке — тоже. Зарытые куски кабанчика — тоже. Только ягоды остались нетронутыми, именно на них навалились путешественники, отряхиваясь от остатков сна. Землевед, взяв кисть, сел лицом к реке и, доев ягоды, поторопил остальных:

— Завтракайте быстрее, солнце высоко, мы должны были уже далеко уплыть.

— Отец, подожди! — ответила Красотка. — Давайте останемся здесь навсегда! Здесь так хорошо! Эти ароматные деревья с иголками — хочу жить среди них! Эти сладкие ягоды, эти милые звери, что словно добрые духи охраняют нас! Где мы еще найдем такое? Я устала плыть и плыть, отчаливать каждое утро и торчать весь день на этой куче бревен! Отец, давай останемся здесь!

Землевед сидел, обняв колени, и молчал, глядя на реку.

— Отец, Красотка права, — поддержал сестру Остроглаз. — Мне здесь тоже нравится. А вдруг дальше все станет хуже? Мне кажется, что здесь сейчас холодней, чем на родине в сухой сезон. Ты не боишься, что дальше будет еще холодней? Неужели мы ушли из племени для того, чтобы только плыть и плыть?

— Отец, нет!!! — вскричал Приемыш. — Мы здесь уже все знаем. Здесь уже неинтересно. Нельзя останавливаться, когда впереди за поворотом что-то неизвестное. Если вы останетесь, я поплыву один!

Землевед по-прежнему молчал, не меняя позы.

— Куда тебе, ты еще слаб и слишком мало знаешь, — ответил Камнебой, — ты погибнешь через пол-луны, да и с плотом не сможешь управляться.

— Все равно я через год подрасту, наберусь сил и уплыву!

— Впрочем, здесь есть один недостаток, — продолжил Камнебой. — Вам понравились ножи для еды, которые я вчера сделал?

— Нет, совсем не понравились — они крошатся, как будто песок из них сыплется, — ответила Запевала.

— Вот в том-то и дело. Здесь плохие камни. Я прошел далеко вдоль берега и не нашел ничего, кроме этих бурых рыхлых камней. Ни кремня, ни даже серого камня. Я не смогу сделать даже стоящего топора.

— Да и без топоров обойдемся, — вступила в спор Мамаша, — нам, главное, детей выносить и родить в покое, на ноги поставить на берегу, а потом и поплавать можно.

— Мне и так, и так хорошо — и здесь, и там вдали, и на плоту. И посмотреть хочется, что дальше, и с этими зверями расставаться не хочется, — подала голос Запевала. — Я всему рада.

— Отец, если не считать несовершеннолетнего Приемыша, нас — тех, кто хочет остаться, — больше.

— Я тебе покажу «несовершеннолетний»! Я хоть и меньше, но умней тебя. Вот вырасту, дождешься!

Землевед встал:

— Тихо, тихо. Ты умный, умный, но помолчи пока... Ну вот, я так и думал... Нашли уютный кусочек мира и разомлели... Зачем мы ушли из своей долины?! Она ведь тоже уютный уголок. Мы идем не на поиск новой укромной обители — нам не нужен уголок, нам нужен мир! Только-только он начал открываться нам. Только-только мы увидели перемены — новые деревья, новых зверей, перемены в небе... И сразу хотите остановиться! Не стыдно? Знайте, что желание Приемыша сильнее вашего желания. Его устами говорит голос крови древних предков. В его глазах горит огонь их костров. Вашими устами говорит обыкновенная усталость. Ваши глаза подернуты сонной мути. Плыдем дальше! Плыдем до тех пор, пока нас ведет река. А когда она приведет нас куда-то, мы сразу пойдем. И еще. В мире есть одна великая тайна. Она сродни вчерашней сказке о ветре, и мы должны ее разгадать. Я один знаю про эту тайну, придет время — расскажу, но пока рано. Плыдем! Поднимайте свои отяжелевшие задницы!

Камнебой с Остроглазом оттолкнули шестами тяжелый плот и взялись за весла. Вдруг на берегу появилась вчерашняя стая. Звери не виляли хвостами, как вчера вечером, просто сидели и смотрели, пока не скрылись из виду.

— Они пришли проводить нас, им грустно, что мы уплываем, — нарушила молчание Запевала, — и мне грустно расставаться с ними. Надеюсь, мы еще встретим их братьев.

3. Большой Курзыц

Через два дня пути после бурной стоянки впереди показалось что-то странное — гряда, идущая поперек речной долины через пойму. В середине гряды разделялась широким проемом, куда и втекала река. А справа перед грядой выступали огромные ровные утесы. Они расположились на одинаковых расстояниях друг от друга, как зубы чудовища, а между ними — глубокие тени,

будто ворота во тьму. Только зубы торчали изумительно ровно — выщербленные, местами обломленные, но шли друг за другом, будто их тщательно выстраивал некий великан. Между двумя из них сверху лежала перемычка. Приемывш с его зрением первый увидел утесы и осознал, что что-то с ними не так:

— Смотрите, какие скалы! Таких скал не бывает, но я их вижу!

— Постой-постой, — пробормотал Камнебой, — это мне что-то

напоминает. Как там в легенде: «То, что не может быть сотворено ни человеком, ни природой...»

— Курзыц! — воскликнул Остроглаз. — Не смотреть! Там курзыц, все лицом вниз! Закрывать лицо руками!

Женщины сели, уткнув головы в колени, малышки испугались и заплакали, уткнувшись в спину Мамаши. Камнебой с Землеведом переглянулись, а Приеммыш смотрел как зачарованный и бормотал:

— Курзыц, вот он какой, огромный и красивый. То, чего не бывает... Наконец я его увидел, увидел!

— Пристаем к левому берегу, — скомандовал Землевед.

Камнебой с Остроглазом встали на весла, Землевед — на рулевое весло, женщины уставились в настил плота, прикрыв руками лицо — только бы не видеть страшные зубы. Гребли неистово, но тяжелый плот реагировал медленно и неохотно — пока он двигался к левому берегу, течение снесло путешественников на две тысячи шагов. До гряды осталась еще тысяча. Впереди явно слышался тяжелый шум несущейся бешеной воды. Женщины первыми бросились на берег и упали ниц во влажный ил. Прыгулька с Веселькой оправились от испуга и, как обычно, радостно запрыгали, с удивлением глядя на поверженных мамок. Землевед с Камнебоем спокойно зачалили плот.

— Боитесь... Курзыц увидели... Да встаньте же из грязи! — вскричал Землевед. — Ему нет дела до вас. Все его боятся, хотя раньше никто не видел. А я видел! Хотя и не такой огромный, но страшнее. Не верьте глупым сказкам! Вставайте, я расскажу вам, что видел.

Женщины сели на корточки, все расположились лицом к Землеведу, затылком к жутким утесам.

— Сядьте лучше! Мамаша, сядь на этот камень и посади малышей на колени, чтобы не скакали. Я хочу, чтобы все выслушали внимательно. Что, по-вашему, у меня в нашейном мешочке?

— Палец деда?

— Клок волос бабушки?

— Горсть родной земли?

— Шило?

— Нет, это не шило, — ответил Землевед, снял мешочек, развязал его и достал зеленый прозрачный кружок. — Смотрите!

— Курзыц! — воскликнул Остроглаз и отскочил.

— Курзыц... — обреченно прошептала Мамаша, снова закрыв глаза руками.

— Курзыц, курзыц! — радостно закричал Приемыш. — Дай поддержать! Ой, тут какие-то знаки!

— Сможет ли человек сделать такое, будь он хоть трижды Камнебоем? Есть ли в природе такой прозрачный камень? Могла ли природа сотворить такое?!

А что тут за тайные знаки, кто-нибудь знает ответ?! Я видел похожие знаки на скале на подьеме к горе предков, но никому не говорил про них. Чьи знаки, кто их высек? Я ношу этот курзыц на шее уже два года и, как видите, здоров и ничем не одержим.

— Отец, ты одержим далекими странствиями, — возразил Остроглаз.

— Не одержим, а привержен. Так что все страшные сказки про курзыц — козлиное дерьмо. Нет в нем ничего страшного. В нем есть тайна, и эта тайна куда глубже и важнее страшных сказок. И мы ее должны разгадать.

— У тебя есть хоть какие-то догадки? — спросил Камнебой.

Есть, но они слишком странные. Два года назад я ходил далеко на восток, за следующий хребет, что в восьми днях пути. Именно там я нашел этот маленький кружок. Там плохо, но интересно. Там редко идут дожди — они все выпадают в наших горах и на западном склоне того восточного хребта. Там чахлая растительность — сухие кусты с маленькими листьями, и надо долго искать воду — большинство русел давно пересохли. Зато там много окаменевших костей — тонких и толстых, как ноги носорога. Я находил даже окаменелые костяки рыб, хотя откуда им там быть? И однажды я за восточным

хребтом на берегу высохшей реки нашел курзыц размером с большой шалаш. Он был каменным, темно-бурым. Но он был совершенно одинаковым с двух сторон, камни такими не бывают.

— Как это с двух сторон? — спросил Остроглаз.

— Сядь на четвереньки, обопрись на локти. Вот так, ты одинаковый с правой и левой стороны. И курзыц так же. А если смотреть сбоку, то он выглядел вот так (Землевед нарисовал пальцем на песке контур: трапецию с закругленными углами и двумя кружками снизу) — тут у него снизу по бокам, где у тебя колено и локоть справа, — два круга, тоже каменные, но другого цвета — почти черные. На кругах с внешней стороны — равномерный узор: продольные и поперечные борозды, посередине — круглый выступ. Слева, где у тебя локоть, был такой же третий круг точно напротив этого, и кажется, напротив вот этого, там, где у тебя левая нога, был четвертый круг, присыпанный галькой с глиной. Ладно, встань! Мне показалось, что курзыц вначале не был каменным. Он раньше состоял из чего-то другого, не из камня, а потом был затянута песком с илом и превратился в камень. Потом вода размыва песок, и каменный слепок оказался снаружи. Я думаю так потому, что видел каменные деревья — лежащий ствол, стоящий пенёк с корнями — я видел их там же. То были точно деревья, на них были видны сучки, кора, даже кольца, и точно каменные — звучали при ударе, как камень, я даже отколол кусочек.

С левой стороны в одном месте камень курзыца был рыхлым. С помощью крепкой сухой ветки я расковырял выемку и вдруг наткнулся на что-то твердое и начал аккуратно расчищать твердый предмет... Он оказался костью, я стал расчищать дальше — то была рука человека! Окаменевшие кости предплечья. Я расчистил до кисти руки — она была на месте и как будто держала кусок большого кольца.

— О, ужас! — сказала Мамаша. — Курзыц поглотил человека!

— Я тоже сначала так подумал. Потом засомневался: а зачем его рука держит кольцо? Не знаю. Я говорю, это тайна! Человек, чей скелет я там нашел, — кто он? Наш предок? То ли он создал курзыц, то ли стал его жертвой? А если курзыц создали люди, значит, они были могущественней, чем Природа, чем духи предков! Где они! Мы должны их найти или хотя бы их следы. Почему мы до сих пор

не видим других людей? Куда они делись? Давным-давно, до нас, в мире происходило что-то недоступное нашему уму. Разве это не главная тайна?

— Отец, пока мы сидели в своей долине — все в жизни было просто,— заговорил Остроглаз.— Тут мы, а за хребтом враги. Здесь наша деревня, там — речка, в ней рыба, дальше — ореховая роща, за ней — пастбища с нашим скотом, за пастбищами — болото с крокодилами, саванна и лес, там — дикие антилопы. Живи и живи: все просто, все понятно, все известно. А теперь? Где враги? Откуда исходит опасность? Куда девались крокодилы и каких зверей мы встретим завтра? Что за страшилище стоит за моей спиной? Ты сам задаешь вопросы, на которые нет ответа! Зачем нам такой мир, который треплет и терзает душу? Зачем мы покинули дом? Ты убедительно говорил про уголок и про весь мир. Но давайте все-таки поскорее найдем тот уголок, осядем, и тогда можно спокойно думать о тайнах мира.

— Что с тобой, сын? Ты же у меня смелый воин! Почему же ты испугался простой неизвестности, ты ведь не боялся сильного врага? А неизвестность, она разве враг? Тайна, она разве несется на тебя с копьем? Приемыш, молчи, потом скажешь! Может быть, тайна — наш друг? Может быть, разгадав ее, мы станем сильнее и счастливее?

— Может быть, а может не быть. Мне важна определенность!

— Сын, у нас и так есть полная определенность — мы все помрем. Ты хочешь большей определенности — знать, что с тобой произойдет до того? Ну уж нет — жизнь потеряет смысл! Сын, ты ведь в детстве любил неизвестность! Помнишь, как ты упрасивал, чтобы я взял тебя в поход за Западный Хребет? Наверное, ты просто устал. Сейчас мы немного отдохнем и пойдем вперед на разведку. И ты пойдешь — на сей раз я возьму тебя. Мне стыдно, что в тот раз я отказал тебе.

На разведку пошли Землевед с Остроглазом и неугомонным Приемышем. Камнебой остался с женщинами — не оставлять же их наедине с курзыцом, скалившимся за рекой. Когда разведчики спустились вниз по реке до гряды, они увидели источник шума: река сужалась и неслась вниз в каменном русле. Темная поверхность воды плавно изгибалась огромным гладким языком и разрушалась

в пену и брызги ревущими отбойными валами, идущими наискось от краев теснины.

— Ну что, проскочим вдвоем? — спросил Землевед, глядя на сына.

— Почему вдвоем?! — закричал Приемыш. — Вы на веслах, я на руле.

— Я тебе говорил: учись плавать! Когда научишься, тогда и возьмем на стремнину.

А Остроглаз смотрел на кончик языка водной лавины. В его глазах вдруг зажегся огонь — тот самый огонь костров древних предков.

— Проскочим! — ответил он. — А если попадем точно в середину языка, то даже не замочимся, только подпрыгнем.

— Проскочим. А ты, — Землевед обратился к Приемышу, — залезай вон на тот бугор за обрывом, и будешь нам махать, куда грести, чтобы попасть точно в середину.

С плота убрали все, что могло быть смыто водой. Землевед с Остроглазом отчалили и изо всех сил налегли на весла, чтобы попасть на середину реки. Плот оказался слишком тяжелым, а течение — слишком быстрым. Гребцы почти ложились, упираясь. Приемыш орал, подпрыгивал и махал изо всех сил двумя руками, будто заклиная воду, чтобы вынесла плот к центру. Не успели... Природа воды на сей раз не выручила. Плот врезался в косой вал, встал на дыбы, перевернулся и исчез в бурлящей воде, в пляшущей пене вместе с пловцами. Приемыш орал, носился по берегу, размахивал руками. Наконец он увидел перевернутый плот — без Землеведа и Остроглаза. Приемыш сел и завыл, но вскоре вскочил, увидев голову шагах в пятидесяти от плота. Потом появилась вторая голова, где чья — не разберешь. Приемыш видел их, и они его, но друг друга и плот они видеть не могли из-за беспорядочной пляски волн с пеной. Приемыш бежал по высокому берегу, орал, хотя его крик тонул в реве и шипении воды, махал одной рукой и показывал другой на плот. Оба пловца поняли его и один за другим выбрались на скользкие бревна. Что дальше? Их быстро несло по течению без весел, Приемыш все бежал по берегу, плот все несло, и что делать? Вдруг Приемыш стал опять энергично жестикулировать и показывать на воду. Остроглаз прыгнул с плота и поплыл. Там бултыхалось

одно из весел. Жизнь почти наладилась. Отец и сын, по очереди орудуя одним веслом попеременно с двух сторон, в конце концов подогнали перевернутое сооружение к берегу. Как ни удивительно, плот оказался совершенно целым. Вязали на совесть.

— Ну вот и первое настоящее приключение, — сказал Землевед. — Меня мотануло вниз, а потом крутануло несколько раз, я долго не мог понять, где верх, куда выплывать.

— А меня тоже крутануло и так ударило пару раз водой, что живот к спине прилипал, — добавил Остроглаз.

— Дураки мы с тобой, дураки... Чего нам стоило протащить плот вверх вдоль берега на тысячу шагов, и отплывать с запасом — прекрасно проскочили бы по языку. Однако нам еще предстоит перевернуть плот — настил-то и сучья для весел остались снизу. Так что приключение не закончилось — еще поаемяся.

— Я знаю, как его перевернуть! — закричал Приемыш.

На следующий день, когда все пожитки были перенесены по берегу к перевернутому плоту, путешественники взялись за непривычную инженерную задачу. Женщинам поручили сплести новые длинные веревки из подручной растительности. Плот зачалили и развернули вдоль берега на глубоком месте, использовав каменный якорь. Поперек плота привязали три длинных прочных жерди, так что их далеко выступающие концы смотрели на реку. К дальним концам жердей привязали веревки. На берег сложили груды увесистых камней. С берега на плот перекинули мостки. И началось!

Остроглаз с Камнебоем быстро, камень за камнем, грузили ближний край плота. Плот начал накреняться — дальние концы жердей поднялись над водой. Землевед и Красотка натянули веревки — мостки погрузились в воду, но продолжали удерживать плот против натянутых веревок.

— Сюда, на веревки! — прокричал Землевед. — Запевай! Все схватились, даже Веселька с Прыгулькой схватились за концы, и потянули с тягловой песней, вызывающей к помощи воздушного носорога, небесного быка, подводного бегемота и подземного крокодила. Жерди поднялись, плот встал почти на ребро — камни упали, мостки оторвались, настал решающий момент.

— Сильней! — заорал Землевед.

Все вдесятером поднажали и преодолели критический крен. Дальше плот пошел сам — перевернулся, жерди ударили по берегу, чуть не пришибив юркого Приемыша, с треском обломились. Махина, с шумом накренившись несколько раз туда-сюда, успокоилась под радостные возгласы.

— Неужели мы поплывем дальше, так и не облазив курзыц?! — Я придумал, как перевернуть плот и я требую: мы должны пойти и посмотреть, что там!

— Да, малыш, ты вырос, — ответил Землевед. — Когда отплывали, ты не доставал мне до подбородка, а сейчас уже вровень с моим носом. А главное, ты вырос сегодня. Будем считать тебя взрослым. пышных обрядов посвящения в мужчины устраивать не будем. Вместо этого идем завтра на курзыц!

— Он все равно еще мал, — возразил Остроглаз.

— И ты сегодня вырос! — сказал Землевед сыну. — Поэтому идешь с нами!

— А кто же останется с женщинами? — спросил Камнебой. Уж он-то точно должен был идти.

— Я останусь с женщинами! — гордо подняв голову и ударив себя в грудь, провозгласила Запевала.

С утра путешественники переплыли на правый берег, разбили лагерь, и четверо мужчин отправились к загадочной гряде, от которой их вместе с плотом отнесло на несколько тысяч шагов. Путь шел по ровному плато над крутым склоном речной долины. Солнце поднялось и нагрело камни, отчего пейзаж дрожал в сизом мареве, в котором постепенно прорисовалось непонятное.

Со стороны нижнего течения все выглядело по-другому. Гряда снизу обрывалась серой ровной стеной, идущей поперек долины, до проема, через который прорывалась река. Прямо под стеной раскинулся зеленый болотистый луг с пасущимися антилопами, он тянулся вдоль правого берега, постепенно сужаясь по мере того, как река вниз по течению приближалась к правому склону долины. А над стеной на уступе гряды тянулось нечто такое, для чего в языке крацз не существовало слов, — то ли завал, то ли бурелом, но вместо древесных стволов там были навалены удивительные серые скалы — плоские с двух сторон; обломанные по краям; гладкие с четырех сторон с ровными ребрами; обломанные с концов.

По краям уступа стояли ровные с двух сторон скалы, похожие на остатки огромных стен, обрамлявших серо-буро-зеленый хаос. Местами серые скалы лежали рядом, как бревна поваленного частокола. Между обломков росли кусты и деревья. А повыше на гряде вместо растительности лежали огромные бурые рассыпающиеся коряги, в расположении и форме которых угадывалась закономерность.

Это был странный хаос. В нем прослеживался порядок — исчезающий, разрушающийся порядок. Глазам хотелось этот порядок восстановить: выстроить бурелом, надставить обломанные стены, восстановить и ровно поставить разрушенные коряги. И тогда, казалось, возникло бы нечто грандиозное и прекрасное... Но воображение не могло справиться с этой задачей — слишком сильно все поломалось, перемешалось и сгнило. Хаос оставался хаосом, несмотря на все потуги фантазии.

Верх гряды, поросшей колючим кустарником, был плоским, он шел вровень с плато, раскинувшимся над долиной. Перед тем, как выйти на гряду, путешественники пересекли ровную пустошь, почти лишенную растительности. Что-то на этой пустоши показалось странным, но она не удостоилась внимания, поскольку Приемыш обнаружил впереди нечто интересное:

— Смотрите, — заорал он, держа в руках коричневый диск, — там таких много! Есть расколотые — изнутри они белые, вот, смотрите.

— Ну-ка, — ответил Камнебой, — интересный камень.

Он чиркнул два осколка дисков друг о друга — О, как хорошо искры высекаются, лучше, чем из кремней.

— Смотри, а вот такой же прозрачный.

— А вон ребристое коричневое бревно из камня. Ух, какое тяжелое! Тоже белое на сколе.

— Давайте спустимся ниже, к тому каменному завалу.

— Смотрите, тут вся земля усеяна этими коричневыми кругами!

— Давайте еще спустимся, вон слева есть спуск!

Тут снизу раздался крик Приемыша, который спустился первым:

— Там змеи торчат из камня и шевелятся! Вон там!

Все собрались на крик.

— Нет, они не шевелятся, тебе померещилось, — сказал Камнебой. — Но лучше к ним не приближаться на всякий случай.

— Они скорее похожи на одревеневшие лианы, — предположил Землевед. — А ну-ка, Остроглаз, швырни в них камнем. Вон в ту, справа.

Остроглаз не подкачал. Раздался резкий, не похожий ни на что звук, камень отскочил в сторону, и изогнутая «змея» закачалась, с нее посыпалась бурая труха.

— Да-а-а... Крепкая гадина... Я думаю, не живая, можно подойти, не укусит. Мы пойдем с Камнебоем, вы стойте здесь!

Камнебой с Землеведом осторожно подошли. На той «змее», с которой осыпалась труха от удара камнем, виднелись мелкие поперечные ребрышки. Землевед, помедлив, дотронулся до нее и тут же отдернул руку:

— Горячая! Точно не дерево... И не камень — он бы обломился от удара.

— А что еще есть на свете твердое, кроме дерева и камня? — спросил Камнебой. — Кость, разве что, или рог? Но это ни то, ни другое! Да, горячая, но терпеть можно. Дай-ка я попробую...

Камнебой уперся ногами и изо всех сил потянул на себя «змею». Та поддалась...

— Смотрите! Я согнул ее, она так и осталась согнутой — дерево всегда возвращается назад, если не ломается. А ну-ка, попробую я ее назад. О, пошла легче! Еще сюда, сильнее! Поддается, гадина! Еще!

«Змея» обломилась. Все сбежались и стали изучать. Обломанный конец оказался серым, блестящим.

— Это что? Тяжелая, гадина. Точно не камень.

— Смотри сюда, блестит. А если здесь потереть?

Камнебой поскреб «змею» осколком коричневого диска — она и там заблестела.

— Не камень... Тяжелей камня и крепче — такой длинный камень сразу бы сломался. Да еще блестит. Такого не бывает. Курзыц, однако...

— Слушай, Камнебой, вот я ношу прозрачный курзыц два года, и он мне не вредит. А если мы возьмем этот прут с собой? А давай попробуем его выпрямить! Им же можно копать твердую землю,

можно сделать тяжелое копье на крупного зверя. Если его правильно заточить, им можно долбить дерево.

— Сейчас! — Камнебой положил длинный прут на два камня изгибом вверх. — Держи крепче за конец! — ударил по изгибу тяжелым камнем. — Вот, уже лучше, положим так, повернем так — держи!

Вскоре длинный прут, будучи выпрямлен, превратился в мощное грозное орудие и был вручен Землевед.

— Завтра вернемся сюда и сделаем каждому по такому же! — заявил Камнебой.

— Смотрите! — закричал Приемыш. — Он упал вон оттуда!

Сверху, где сходились ровные грани серой скалы, не хватало огромного куска. Из откола торчали такие же «змеи», на одной из которых висел такой же серый камень.

— Да, эта глыба свалилась оттуда. Кажется, недавно. Вот еще обломки. Свежий скол, он светлее старой скалы, — заключил Камнебой.

— Давайте спустимся ниже — там что-то интересное, — предложил Землевед.

Карабкаясь вниз по каменному бурелому, они добрались до плоского дна, заваленного обломками и покрытого кучами бурой трухи.

— Мне кажется, вся эта труха раньше была чем-то крепким. Просто все сгнило. Сгнило, как тело человека или зверя, как мертвое лежащее дерево.

— Сюда! — вскричал Землевед. — Тут круглая пропасть!

Он стоял у края круглой воронки шагов тридцать в поперечнике. Ее склоны были засыпаны вездесущей бурой трухой с зелеными натеками. В центре воронки зияла круглая пропасть поперечником шагов пятнадцать, ее дно скрывалось глубоко во тьме. Землевед швырнул в пропасть увесистый камень. Камень летел долго, ударился глухо и еле слышно, раздался шорох осыпающейся трухи, потом что-то ухнуло и через некоторое время из пропасти всплыло облако бурой пыли. Но никого не охватил ужас — страх прошел и сменился непреодолимым любопытством.

— Здесь еще одна! — закричал Приемыш.

— А с этой стороны — тоже, — отозвался Камнебой. — Эти дыры идут друг за другом ровным рядом.

— Что там за зелень в воронках? Вон, чуть повыше я видел много такой зелени. Там до нее проще добраться. Давайте поднимемся, посмотрим, — предложил Землевед.

Поднявшись по наклонной плите, исследователи вышли на ровную поверхность, где лежало нечто, размерами и формой напоминавшее хижину вождя племени. Сверху на крыше лежали коричневые ребристые бревна, подобные тем, что уже находили, только потолще. Камнебой ударил своим тяжелым прутom в бурую рыхлую стену, обвалив ее. За ней открылась следующая стена в зеленых натеках. Камнебой начал с азартом ковырять эту стену и соскребать с нее нечто бурое, вязкое. Вскоре его орудие уперлось во что-то твердое — оно оказалось красноватым, блестящим. Когда расчистили кусок величиной с ладонь, стало ясно, что блестящее красноватое идет полосами шириной с ноготь, ровно уложенными друг возле друга. Трое взрослых во всю прыть, сменяя друг друга, продолжали расчищать поверхность, двигаясь вдоль красноватых полос. Приемыш с помощью тонкого осколка прозрачного курзыца расковыривал зазор между полосами. Камнебой, сказав «Сейчас!», взял свой длинный тяжелый прут, положил концом на камень, попросил Остроглаза подержать другой конец. Затем стал бить по концу другим камнем, расплющив его. Потом воткнул расплющенный конец в щель между полосами, которую расковырял Приемыш.

— Ну-ка, вдарь камнем! — попросил он Остроглаза, показав взглядом на свободный конец прута.

Когда после нескольких ударов прут вошел в щель, Камнебой отогнул своим орудием красную ленту вверх, немного вытянув ее, потом вниз, потом ударил по ней несколько раз и порвал. Лента шириной в ноготь и толщиной в полногтя неплохо гнулась. Камнебой с Остроглазом освободили кусок ленты длиной в размах рук и отломили его, перегнув туда-сюда несколько раз.

— Я знаю, что с ней делать! — вскричал Остроглаз. — Браслеты нашим женщинам на ноги и на руки — надо нарубить ленту на куски и согнуть в кольца. Женщины сами этого захотят.

— Не боишься крепких объятий с такими браслетами? Так, глядишь, всю спину расцарапают! У Красотки знаешь какая силища порой просыпается!

— Ради женской красоты и потерпеть можно! Зато по таким украшениям сразу видно сильного доброго мужа!

— Ты перед кем хвастаться собрался? Передо мной, Камнебоем или Приемышем? А пожалуй, эта лента нужна не только для женских запястий. Веревки, которые держат плот, почти перетерлись на мелях. Я удивляюсь, как он не рассыпался, когда мы с тобой на нем вчера кувыркались. Надо отмотать длинные ленты — они, мне кажется, идут кругом и переходят от витка к витку. Скрепим плот ими. Камнебой, что думаешь?

— Думаю, скрепим. А если сделать петлю и закрутить ее прутom, то можно туго затянуть.

— Соберем длинные ленты завтра. А сейчас по пути к стоянке посмотрим, что сверху над долиной, где начинается гряда, на ровной голой пустоши. Там я видел что-то непонятное.

Голая пустошь была унылой и странной. Ровное твердое пространство, продуваемое ветром, без растительности, а на нем продолговатые темные пятна, расположенные как будто аккуратными рядами. Кто их так старательно наляпал? Пятна состояли из спекшейся трухи разного цвета — бурой, рыжей и черной по сторонам.

— Что-то мне немного не по себе, — сказал Землевед. — Эти пятна по размеру и форме сродни каменному курзыцу, что я нашел за восточным хребтом. Если бы он не окаменел, а сгнил — получилось бы такое пятно. Надо посмотреть, нет ли там человеческих костей...

Костей не было. Были мелкие прозрачные камушки-осколки. Если поковырять, обнаруживались кусочки тонкой корки — белые, серые, черные, синие — в каждом пятне своего цвета. Кое-где в трухе прятались тяжелые куски, не успевшие сгнить. И еще находились маленькие белые «пальчики» — по несколько штук в каждом пятне.

— Смотрите! — вскричал Приемыш. — Вот что я откопал!

Он держал в руке что-то круглое, вытянутое, прозрачное — несомненно, курзыц!

— Отец, покажи то, что у тебя в нашейном мешочке!

Край предмета, найденного Приемышем, тот край, на котором он мог стоять, был похож на маленький кружок, который Землевед так берег два года. Только знаки там были другие. Находка Приемыша оказалась первым и единственным курзыцом, чье назна-

чение быстро разгадали. Уже на следующее утро гордый отрок нес в нем речную воду и демонстративно отхлебывал по пути.

Экспедиция вернулась задолго до заката. Остроглаз оказался провидцем: Красотка с Запевалой бросились к красной ленте, взяли ее за концы и стали восхищенно рассматривать.

— Камнебой, сделай мне из нее браслеты! — с обворожительной улыбкой сказала Красотка.

— А ты не будешь ими царапаться?

— Нет, не буду, что ты, как можно тебя такого сладкого царапать? Всеми духами клянусь, не буду!

— Эй, Запевала, тебе тоже браслеты сделать?

— Да ну их, тяжелые, только мешаться будут. Подожди... Слушай, Камнебой, сделай мне из красной ленты венец антилопы!

— Что-о-о?!

— Вот так согни обручем на голову, но не замыкай, а вот отсюда с затылка концы подними вверх, загни дугой, как рога, и направь немного вперед. И еще протри, чтобы блестел.

— У антилоп рога назад смотрят.

— А я буду антилопой с рогами вперед! Так красивее и грознее.

Камнебой выполнил заказы до ужина, когда солнце еще не село. Красотка надела свои браслеты, а Запевала со своим венцом вскарабкалась на скалу, встала, выставив одну ногу и сама подавшись вперед, надела венец, выставила перед собой руки, согнув в локтях и запястьях, и прокричала: «Я антилопа!» И это было зрелище! Легкая, длинноногая, красно-золотистая — сама под цвет рогатого венца, заблестевшего на предзакатном солнце. Все уставились, открыв рты, а Остроглаз только и выдавил:

— Надо же, я и не думал, что она у меня такая красивая...

А Красотка весь вечер дулась и не разговаривала с Камнебоем.

На следующее утро экспедиция направилась к тем самым странным утесам, по которым путешественники издали распознавали Большой Курзыц. На сей раз зашли по берегу выше по течению и спустились по склону долины к шести утесам — высоким и ровным. Между ними зияли раздваивающиеся пещеры — широкие, уходящие вниз, в полумрак. Оттуда тянуло холодом, сыростью и неведомой жутью. Камнебой кинул вниз бульжник, камень долго скакал по крутому склону пещеры с нарастающим гулом — удары

камня дробились, усиливались. Камень затих, но тут же раздался хоровой писк и шум. Он быстро усиливался до оглушительного и невыносимого гвалта — из пещеры вылетела туча крыланов, сделала два круга и втянулась назад в пещеру с затихающим гвалтом, переходящим в шорох.

Путешественники, пожившись, ушли от греха подальше на поиски добычи в более теплых и светлых местах.

Они никогда раньше так не страдали от чудовищной бедности своего языка. Тяжелый серый прут; красная тяжелая лента; прозрачный плоский слой; плоский каменный слой; коричневый диск; ровная скала с ровными углами; круглый провал; бурая труха; зеленая труха; то, во что можно наливать воду; липкая чернь; коричневый жир. Они так и не смогли поименовать все, что принесли из интересного жутковатого места, которому не смогли придумать лучшего названия, чем Большой Курзыц. Вообще говоря, их язык не был убогим. В нем была масса оттенков для выражения чувств, особенно ярости — 25 синонимов; множество слов для обозначений оттенков цветов (28) и естественных форм (46 слов); для разновидностей дождя (21 слово). Но он был ужасно беден во всем, что касалось геометрически правильных объектов сложнее круга, шара и треугольника, и полностью немел перед новыми находками. Тем не менее, некий выход нашелся сам собой.

Мамаша наблюдала, как Прыгулька с Веселькой играют с коричневыми дисками, безуспешно пытаясь сложить их в стопку.

— Что это у вас такое? — спросила она.

Прыгулька протянула ей один из дисков и ответила:

— Это зыла.

— Ну что же, пусть будет зыла. Эй, Камнебой, знаешь, как твои коричневые круги называются? Так знай, «зыла» — замечательное название, прямо точь-в-точь подходит.

— И правда, похоже, хотя слова такого отродясь не слышал. Пусть будет зыла.

— Эй, Приемыш, — крикнула Мамаша, — иди-ка сюда! Вот то, что у тебя в руках, как оно называется?

— Не знаю... То, во что наливают воду... Не кувшин, а другое, прозрачное с узким горлом.

— Разве это имя? Ну-ка, дай его Весельке, пусть скажет, как он называется на самом деле.

— Веселька, как называется эта вещь?

— Не знаю, надо сначала поиграть с ней.

Веселька побежала к реке, набрала воду, прибежала и полила травинки, которые тем временем посадила в песок Прыгулька. Затем, сбегав еще раз за водой, сообщила:

— Тулб, он называется тулб.

— Эй, Приемыш, слышишь, в чем ты теперь будешь таскать воду почем зря?

— В тулбе... Да и правда, тулб, похоже. Зная, в чем носишь воду, приятней носить!

— А ты, Землевед, что ты носишь с собой повсюду, с чем, чувствую, скоро будешь спать вместо меня? Что это за тяжеленная длинная штуковина? Ну-ка, покажи ее малышам!

— Прыгулька с Веселькой долго ощупывали, обнюхивали, скребли тяжелый прут Землеведа. Для игр он был слишком тяжел, но вызывал у малышей уважение, доходящее до благоговения.

Наконец Веселька с придыханием сообщила:

— Зандын!

— О, мне нравится,— отреагировал Землевед. — Сейчас возьму зандын и отковырну им ту глыбу. Звучит! Как у них это получается? Почему мы не можем придумать имена для новых вещей, а у них от зубов отлетает? Будто дышат новыми словами.

— У нас с тобой мозги костяные, а у них — травяные. Растут и шевелятся.

— Ну да, они же учатся говорить, узнают по несколько новых слов в день. Что им стоит выдумать еще парочку?! А знаешь, что я думаю, Мамаша, сейчас я соберу всех и пойдем учиться плавать. Кувырнулись один раз мы с Остроглазом, а если бы не успели пристать и кувырнулись все вместе?! Сколько бы нас осталось после этого? Кто знает, что еще ждет впереди. Тебя в первую очередь научу — ты у нас самая ценная.

— А я умею плавать.

— Как?! Как, с каких пор? Я с тобой больше двадцати лет живу — никогда не плавала!

— Плавала. Просто ты со мной на речку ни разу не ходил. И здесь на реке плавала — ты же сразу, как приставали, исчезал — то охотиться, то дрова собирать. Ни разу не искупался со мной!

— А кто же тебя плавать научил? Где, когда?

— Давным-давно, когда я девочкой была. Сначала старшие подруги научили, потом лягушки.

— Лягушки?!

— Да, они. Я долго наблюдала, как они плавают, и попробовала так же дрыгать ногами. И получилось! А руками научилась разводиться в стороны — само получилось. И так хорошо оказалось!

— Сейчас посмотрим! Эй, Камнебой, Запевала, Приемыш, все-все — идем учиться плавать! Ты, Остроглаз, помогать будешь! И малышей берите. Идем в заводь, где большой камень посередине. Пока все не научатся, дальше не поплывем! Вот, я уже здесь, идите-идите, Красотка, выше нос! Камнебой, как не стыдно — такой здоровенный — и не умеешь, давай-давай, потом доделаешь... Малышки, ну-ка, наперегонки ко мне! Смотрите. Сейчас мы с Остроглазом и Мамашей, если не врет, доплывем до того камня, потом назад. А вы смотрите, как мы плаваем. Потом сами поплывете. Ну, раздеваемся... Пошли!

Остроглаз с Землеведом шумно, с брызгами выбрасывая руки, наперегонки поплыли к камню. А Мамаша — за ними, тихо, без брызг и лишь немного отстав. Все трое вылезли на камень, прыгнули с него головой вперед и поплыли к берегу.

— Я хочу научиться как Мамаша, — заявила Красотка, — без шума и брызг.

— А брызги — красиво и весело! — возразила Запевала. — Я хочу и так, и так.

— Ну, кто следующий? — спросил Землевед.

— Я следующий, — ответил напряженный, закусивший губу Приемыш. — Только, отец, плыви на всякий случай рядом со мной.

Землевед вошел в воду, Приемыш за ним.

— Ну, пошел!

Приемыш смело оттолкнулся на глубину и отчаянно заколотил руками по воде. Его голова то погружалась, то всплывала с вытаращенными глазами и ртом, хватающим воздух. Тем не менее он

двигался, медленно, но двигался и уже преодолел первые пять шагов, как Остроглаз завопил с берега:

— Быстрее, сейчас сом за удилище схватит!

Приемыш попытался было обернуться и огрызнуться, но не смог. Тем не менее, доза злости придала ему сил — Приемыш замолотил руками еще сильнее, его поступательное движение немного ускорилось. Но такое движение требовало огромных усилий, и пловец начал выбиваться из сил на полпути до камня.

— Давай, хватайся за плечо — предложил плывущий рядом Землевед.

— Не... кх... ет!

Тем не менее усталость приглушила панику, и Приемыш почти поплыл, но силы исчезали. В трех четвертях пути Землевед все-таки взял Приемыша за руку.

— Отдохни!

— Зде-е-есь. Не двигаемся!... Ну хватит, отпускай.

Отдышавшийся Приемыш довольно легко преодолел оставшуюся четверть.

— Сиди на камне и отдыхай! Камнебой, твоя очередь. Мне плыть рядом?

— Не надо, сиди на камне.

Камнебой набрал воздуха в грудь, смело оттолкнулся и исчез под водой. Вскоре его голова показалась шагах в пяти, он сделал вдох и погрузился по макушку, гребанул и проплыл под водой, снова поднял голову и вдохнул, еще раз сделал гребок руками под водой, потом решил попробовать по-другому, выкинул сначала одну руку из воды, потом другую и поплыл почти как Землевед с Остроглазом. Двадцать взмахов — и спокойный Камнебой сидел на камне вместе с Землеведом и синеватым Приемышем.

— Ты же умеешь плавать, что ж ты обманывал?

— Клянусь, никогда не плавал! Вот сейчас и научился.

Красотка потребовала подогнать плот:

— До камня далеко, мы не доплывем... Ну и что, что Камнебой с Приемышем — Камнебой сильный, Приемыш бешенный, а мы слабые и тихие — утонем, вы и не заметите, гоните плот в заводь!

К закату, когда все уже умели плавать и когда все уже поели, народ у костра потребовал сказки.

— Мамаша, давай, ты у нас лучше всех рассказываешь!

— Ну ладно. Сегодня тут нас кто-то плавать учил и научил. Тогда я расскажу, как страус человека учил летать.

— Но ведь страус сам летать не умеет, — отозвался Приемыш.

— Не умеет, но учить-то — не летать! Так вот. Идет страус как-то по саванне, смотрит, на бревне сидит человек и плачет. «Ты чего пригорюнился», — спрашивает страус. «Да вот тоска заела — орел умеет летать, цапля — умеет, крылан — прекрасно умеет, курица — и та через плетень перелететь может, а я — нет, вообще никак не умею». Отвечает ему страус: «Успокойся человек, я вон тоже летать не умею, но не сижу на бревне посередь саванны и не плачу». А человек в ответ: «Зато ты, страус, умеешь быстро бегать, а я — только медленно. И к тому же, я летать хочу, а тебе все равно». «Нет, — говорит страус. — Мне не все равно! Просто у меня есть смирение, а у тебя его нет. Ну да ладно, я научу тебя летать».

И страус рассказал человеку, как надо: «Давай пойдем на берег реки, видишь, там песчаный обрыв. Разбегись, расставь руки в стороны, оттолкнись и кричи: „Я лечу!“». Человек так и сделал, но только он прокричал «Я лечу», тут же и упал в песок и расцарапал коленку. «Ты меня обманул, — сказал человек. — Разве это полет? Вон, только коленку расцарапал». «А что же, как не полет? — отвечал страус. — Ты летел не меньше, чем курица, которая перелетает забор. Чтобы летать выше и дольше, надо затратить больше труда».

И страус объяснил человеку, как лететь выше и дольше: «Сделай два крепких лука, натяни тетивы, чтобы древки сильно согнулись. На каждый лук между древком и тетивой натяни кожу молодого барашка. Снизу приделай петли для рук». Человек так и сделал и через три дня встретился со страусом. «Иди на тот высокий холм, — сказал страус, — проденешь руки в петли, луки станут тебе крыльями. Разбежишься и прыгнешь с крутого склона и полетишь как птица». Человек так и сделал. Он полетел, успев три раза прокричать «Я лечу!», но такие маленькие крылья не смогли поднять его, человек начал быстро снижаться и упал у подножья холма. Встал весь в синяках и царапинах и говорит: «Ты недоучил меня. Я летел, но недолго, разве это как птица?»

«Чтобы летать совсем как птица, надо затратить еще больше труда. Возьми две длинные гибкие жерди, крепко свяжи их посередине.

Сплети прочную тетиву семь шагов длиной и натяни огромный лук, так чтобы древко сильно-сильно согнулось. Натяни еще тетивы и поперечные веревки между ними и древком, обтяни их все кожей молодых барашков, крепко сшей кожи друг с другом. Снизу привяжи веревки, а к ним пояс. Получится огромное крыло, оно удержит тебя». Человек так и сделал и через три луны встретился со страусом. «Иди на ту высокую гору, — сказал страус. — Там потуже завяжешь на себе пояс, поднимешь крыло над головой, разбежишься, прыгнешь с обрыва и полетишь как орел». Человек так и сделал. Он и правда полетел как орел, ветер поднял его высоко-высоко, он много раз кричал «Я лечу», долго кружил над саванной, потом стал спускаться, но опустился на землю слишком быстро и сломал ногу. «Вот я и научился летать! — воскликнул человек. — Правда, сломал ногу и теперь могу только ползать, но я же летел, значит, умею летать!». И ответил страус: «Знаешь, мне самому понравилось, как ты летал. Дай-ка и я попробую». Он полез под крыло, взошел с ним на гору, разбежался и полетел. Он тоже высоко и долго кружил над саванной и много раз кричал «Я лечу». Но он тоже опустился на землю слишком быстро и тоже сломал ногу. «Ну вот мы и научились летать. Я выполнил свое обещание. Ну и что, что теперь ходить не можем. Чтобы не ломать ноги — в обещание не входило!» «Ладно, — сказал человек, — у каждого из нас есть по здоровой ноге. Давай держаться друг за друга, и пойдем к реке — пить хочется». И они пошли и долго еще так ходили обнявшись — человек и страус.

— Грустная сказка, — подытожила Красотка.

— Наоборот, веселая, — ответила Запевала. — Подумаешь, по ноге сломали — заживет. Я бы так согласилась — научиться летать за сломанную ногу.

— Смотрите сюда! — послышался крик Землеведа. Он стоял на скале высотой шагов в семь, нависшей над рекой. Оттолкнулся, прокричал в полете «Я лечу» и аккуратно вошел в воду вытянутыми руками вперед.

— Ты был точь-в-точь похож на летящего крокодила, — сказала Мамаша мокрому Землеведу.

— Сейчас проглочу, — откликнулся Землевед, изобразив руками распахнутую пасть.

— Ну иди сюда, дорогой мой, все-то ты у меня умеешь, и даже крокодилом летать... Дай-ка обниму тебя и согрею такого мокрого.

Настала пора двигаться дальше. Все обучены плаванию, Большой Курзыц исхожен, облазен, обшарен. Вся добыча аккуратно разложена на берегу:

- 15 тулбов разного размера;
- 12 зылов — коричневых и прозрачных;
- 5 толстых зандынов и 4 тонких;
- груда кусков бласа (прозрачного слоя);
- два больших мотка толстого зменда (красной тяжелой ленты) и два тонкого;
- 40 тунков (небольших белых «пальчиков» из того же материала, что и зылы);
- каменный цветок в виде чаши размером с живот (очень красивый);
- столь же красивый каменный крокодил размером с руку;
- еще 10 позиций более мелких, непоименованных вещей.
- Что мы будем делать со всем этим богатством? — спросил Остроглаз. — Мы не увезем и половины!

— Ты прав, давайте отбирать. Возьмем десять тулбов — полезная вещь, будем хранить в них чистую воду для питья — удобней, чем в кувшинах, которых у нас и нет с собой. Зылов достаточно и трех штук — надолго хватит для разведения огня. Зандыны берем все, это самая ценная штука — ей можно делать почти все. Блас можно использовать как нож, возьмем одну треть — несколько кусков. Зменд возьмем весь, хоть он и занимает много места, им можно крепить что угодно — хоть плот, хоть крышу. Попробуйте с Камнебоем аккуратнее свернуть его. Тунки пусть возьмут малышки для игр, сколько хотят. Каменный цветок и крокодила оставим — они красивые, но бесполезные.

— Нет, давайте лучше прикрепим цветок на палке на носу плота! — предложила Красотка. — Будет красиво — мы на плоту и каменный цветок впереди!

— Будет еще красивей, если ты сама встанешь на носу, раскинув руки, просто загляденье!

— Крокодила, крокодила на нос! — вскричал Приемыш. — Злых духов распугивать будем!

— Лучше сам встань на четвереньки и рычи на них...

Пока продолжалась подобная болтовня по поводу роstralной фигуры, Землевед с Камнебоем сидели и грустно смотрели на вышперечисленную добычу.

— Ты думаешь, все эти вещи сделали люди? — спросил Камнебой.

— Не знаю. А кто их мог сделать, кроме людей? Духи? Ты когда-нибудь видел хоть одну вещь, сделанную духами? Наверное, люди. Может быть, наши далекие предки. Или какие-нибудь великаны.

— Но куда они делись? Почему почти все, что они создали, превратилось в труху? Они были могущественней духов, если могли создать такое, что мы не можем себе вообразить! Так почему всюду одна труха? Остались только вот эти жалкие крохи...— Камнебой кивнул в сторону груды, разложенной у берега.

— Да, это тайна. Наверное, она не для нашего ума. Но чутье подсказывает мне, что у этой тайны окажется плохая разгадка. Почему всюду труха, спрашиваешь? Потому, что ее оставляет за собой смерть. От поваленного дерева остается труха. От мертвого зверя остается труха. От каждого из нас после смерти остается пепел. Если умрет все племя — труха останется от всей деревни. Если племя не умрет, а уйдет, то умрет деревня — превратится в труху, но где-то возникнет новая деревня, новая жизнь. Если могущественное племя людей или великанов, которое создало Большой Курзыц, просто ушло — мы, может быть, найдем его где-то, найдем живым. Если то племя умерло, то мы не найдем никого, а будем снова и снова находить труху. Но мы все равно будем искать их, будь они хоть облаком, хоть ветром — все равно будем искать, правда, Камнебой?

4. Лицо на камне

И снова неторопливый путь по нескончаемой реке к заветному Северу. Песчаные берега, илистые берега, каменистые острова, косы. Снова ни малейших следов человека — ни живого, ни древнего. Ежедневные вылазки — и никаких следов. Знакомые звери, невиданные звери — огромные, горбатые, пасущиеся в степи; неслыханные птицы, поющие в зарослях; птицы, вылетающие из нор в речных обрывах, носящиеся над водой; неведомые деревья и травы, но никаких следов человека. Незнакомые вкусные фрукты — сладкие, с кислинкой, мягкие, тающие во рту, краснеющие на губах и щеках малышей, твердые сочные, хрустящие на зубах взрослых. И ни малейших следов — ни кострища, ни шалаша. И опять ропот:

— Землевед, сколько можно гоняться за ветром? — говорит Мамаша. — Мы устали! Мы все трое беременны, нас тошнит. Вон Запевалу вчера рвало весь день прямо на плоту, который скоро весь пропахнет нашей рвотой! Давай встанем наконец и обустроимся нормально! Родятся дети, окрепнут немного — и отправимся дальше за твоей тайной ветра.

Землевед взял кусок веревки, обернул вокруг себя, крепко завязал петлей.

— Ладно. Почти согласен. Вот петля, давай примерим, — Землевед надел петлю на Мамашу, как пояс, оттянул, просунул в зазор два кулака:

— Вот, даю слово! Как только живот хотя бы одной из вас не пролезет в эту петлю, мы останавливаемся. Или раньше, если что-то найдем. А пока плывем. Здесь нечего искать — здешний ветер не сулит ничего.

Временами шли короткие дожди, от которых прятались в маленьком шалаше на плоту. Но однажды в полдень на северо-западе все небо потемнело — не просто потемнело, а стало иссиня-черным.

— Скорей к левому берегу! — скомандовал Землевед.

Накрепко зачалили плот, сняли с него все ценные вещи и укрыли под деревьями. Мужчины бросились ломать жерди, женщины — рвать ветки с широкими листьями. В мгновение ока соорудили шалаш между двумя деревьями, сверху навалили веток, и тут грянул шквал с грохотом. Все забились в шалаш, прижавшись друг к другу — малышки тряслись, Красотка всхлипывала, Запевала схватила и обняла свой венец, скрутившись калачиком. К счастью, шквал прошел верхом, обломав толстые сучья старых деревьев, но не повредив шалаш. А после шквала хлынул небесный водопад, накатившая тьма озарилась непрерывными вспышками, грохот и треск вдавил головы в плечи — ох, как страшно! Куда страшней, чем грозы дома в начале сезона дождей. При этом вместо крепких хижин — хлипкий маленький шалаш, который тут же потек. И комок человеческих тел, который сверху прикрывали собой Землевед с Камнебоем. Вспыхнуло, затрещало и гроыхнуло совсем рядом, и тут же снизу раздался вопль Запевалы.

— Что с тобой!

— Она уколола меня, сильно и больно! Антилопа больно уколола меня рогами! Она живая!

— Ну-ка, давай сюда свой венец! — закричал Камнебой. — Вот, сюда под ветки кладу. Не трогай, пока гроза не пройдет!

Скоро гроза прошла, ливень ослаб и превратился в затяжной дождь средней силы. Мужчины вылезли и стали снова ломать жерди, рвать ветки, наращивая и укрепляя крышу. Вскоре она перестала течь и наступил уют: там льет, там холодно и ветер, а здесь тепло и все рядом.

— Эй, эй, Запевала, ты чего к Камнебою прижалась? Ну-ка, двигай сюда.

— Мама, а оно больше не будет так страшно греметь?

— Эх, вытереться бы чем... Да все мокрое. Хорошо хоть тепло стало.

— Мамаша, вот сейчас бы в самый раз сказку. Выручай!

— И что вам рассказать, чтобы к месту? Про дом жирафа что ли?

— Да, да, давай про дом жирафа — самое время!

— Когда в саванне начался сезон дождей, когда одна за другой пошли грозы, один молодой жираф ходил по саванне и грустно рел. «Ты чем недоволен?» — спросил встречный страус... Да, опять страус, он и в других сказках встречается... «Я хочу иметь свой дом! — ответил жираф. — Я не хочу мокнуть, я боюсь грома и молний, я хочу в дом!» «Ты же такой огромный! Такой высокий дом тебе никто не сможет построить», — страус задумался и стал ходить кругами вокруг жирафа. «Я придумал! — сказал страус. — Достаточно сделать дом для твоей головы. Ты засунешь в него голову — и тебе будет спокойно и уютно, а такой дом сделать просто — голова-то у тебя маленькая». Страус нарвал веток, поставил их шалашиком, покрыл корой, выдрал перо из своего хвоста и говорит: «Вот, отличный дом для твоей головы и украшение от меня в подарок», — и воткнул свое перо в крышу.

Закапал дождик, жираф опустил на колени и засунул голову в домик. «Ну как тебе в домике?» — спрашивает страус. «Очень хорошо, спокойно и уютно!» Жираф переждал дождик, вынул голову и пошел радостный пастись неподалеку. А потом пошел сильный дождь. Жираф снова сунул голову в домик и обрадовался, но потом у него намокла и замерзла шея. И сказал он страусу: «Твой домик хорошо спасает от слабого дождика, но при сильном дожде все равно мерзнет шея». Страус призадумался и сказал: «Надо надстроить твой дом, чтобы он защищал шею. Я не смогу это сделать, надо позвать павианов».

Павианы откликнулись на зов. Они наломали крепких веток и продолжили домик для головы, сложив их шалашиком в длинный-предлинный ход, такой же длинный, как шея жирафа, а сверху накрыли корой. И когда пошел сильный дождь, жираф опустил на колени и залез головой и шеей в новый дом. Ему стало хорошо, но тут хлынул ливень, загрохотало гроза. Туловище жирафа намокло и замерзло, и ему стало страшно. Переждав грозу, жираф вылез и стал грустно пастись неподалеку. «Что, опять недоволен?» — спросил страус. «Да, сначала было хорошо, но когда хлынуло и загрохотало, замерзло туловище».

Призадумался страус. «Тут павианы не помогут. Надо звать слона!» Он попросил павианов позвать слона, и они разбежались

по саванне, чтобы найти его. Слон нашелся и согласился помочь несчастному жирафу. Он наломал толстых длинных жердей, составил их большим высоким шалашом, продолжив шейную часть дома, а павианы покрыли его корой. Так получился дом из трех частей: маленькая — для головы, средняя длинная — для шеи, большая высокая — для туловища.

И снова пришла гроза с ливнем. Жираф лег на брюхо и заполз в свой большой длинный дом. И было ему хорошо — тепло, сухо и не страшно. Потом гроза кончилась, выглянуло солнце, запели птицы, а жираф так и лежал в своем доме. «Ты чего лежишь, вылезай!» — сказал страус. «Мне и здесь хорошо, полежу еще немного», — ответил жираф. А потом, когда солнце стало палить из всех сил, он как заревет! «Мне здесь плохо и душно, а я не могу выбраться, у меня поджаты ноги! Помогите!» «Надо позвать старого марабу, он поможет жирафу», — сказал страус.

И позвали старого марабу. Он сказал «Сейчас!», отошел на двести шагов, разбежался, взлетел и быстро-быстро полетел низко над землей клювом вперед. И прямо в зад жирафу. Тот взревел, вскочил, разметав далеко в сторону жерди, ветки и кору, потряс головой: «Как светло, свежо и свободно, и пусть меня умоет дождь и окатит ливень!» — вскричал жираф и весело побежал по саванне.

— Ну вот, дождь скоро кончится, мы разбросаем ветки шалаша и весело побежим по саванне, — подытожила Запевала.

Однако дождь шел весь остаток дня и всю ночь, то усиливаясь, то ослабевая. А наутро выглянуло солнце, запели птицы. Все друг за другом вылезли из шалаша, потягиваясь и протирая глаза. С деревьев все еще падали крупные капли, на берег пришлось выбираться через мокрые поваленные сучья. Зато речной простор был свежайшим и ярким, кое-где из зарослей поднимался пар, солнце уже по-настоящему пригревало и сушило жалкую мокрую одежду счастливых путешественников.

— Смотрите, что там из леса торчит на том берегу! — закричал Приемыш.

И правда, ниже по течению на правом берегу над деревьями возвышались толстые круглые столбы и полуразрушенные стены — много столбов и стен. Они были обломаны на разной высоте. Между двумя самыми высокими столбами лежала перемычка, на

которой росли кусты. Кусты и даже небольшие деревья росли и на торцах столбов. Лесистая долина плавно поднималась от реки и заканчивалась обрывистыми горами с розовыми скалами — в их расщелинах зацепились кривые деревья. В одном месте под обрывом тоже выглядывали из кустов какие-то столбы и стены — на том берегу просматривалось что-то интересное.

— Еще один курзыц? — спросил Остроглаз.
— Не уверен, — ответил Землевед.
— Посмотрим? — спросил Камнебой.
— Посмотрим, конечно, посмотрим! — закричал Приемыш.
— Ну ладно, пристанем к тому берегу, дайте только просохнуть и прогреться после вчерашнего.

Камнебой не оценил круглые столбы:

— Столбы сложены из плохого мягкого камня — из небольших блоков. Потому и обрушились. Их разломали корни деревьев. Вон та перемычка с кустами тоже скоро обрушится, удивительно, как она еще держится.

— Да, непохоже, что курзыц, — заключил Землевед. — Такое под силу человеку. Если собрать вместе тысячу камнебоев, они бы смогли соорудить эти столбы. А Большой Курзыц — хоть сто тысяч собирай, они бы не смогли сделать ни одного зандына, ни даже маленького тулба.

— Смотрите! — закричал Приемыш. — Здесь всякие картинки! Вот человек высечен на камне.

— О, это мне больше нравится, тонкая работа, — сказал подоспевший Камнебой. — Только никак не пойму, что у него на голове такое большое — побольше, чем рога нашей Запевалы.

— Сюда, здесь человек с головой птицы, правда, зарос лишайником, но различить можно!

— А тут человек с головой зверя! С такой, как у тех, что к нам приходили. А вот еще с головой барана и головой льва. А вот человек с головой человека и еще один с очень красивой головой женщины! — прокричал Приемыш.

— Я тебе покажу «с головой женщины!», — закричала в ответ Красотка, но чем ей это не понравилось, сказать не смогла.

Чем дальше от берега удалялись путешественники, тем сильнее все было разрушено, погребено почвой, сплетенными корнями,

листой. Валяющиеся камни с полукруглой стороной — куски столбов. Куски туловищ зверей, наверное, львов. Наконец они подошли к скалам, возвышающимся над долиной. Осыпи, большие обломки, мелкие обломки, и только по отдельным отесанным камням можно догадаться, что под этими осыпями тоже что-то погребено — что-то большое.

— Хватит, поворачиваем назад. Больше мы здесь ничего не найдем.

— Ну вот, мы видим: эти столбы и стены делали люди, похожие на нас, — заключил Землевед. — То, что некоторые с головами зверей, — это, скорее всего, сказки, высеченные сказки. Там в большинстве нарисованы люди, напоминающие нас. Но Большой Курзыц создал кто-то другой. Может быть, тоже люди, но совсем другие, умнее. Надо назвать как-то тех и других... Эх, малышки здесь не помогут! Этих можно назвать каменщиками — твои братья, Камнебой, ты бы у них сразу стал мастером. А вторые... То, что они делают, непостижимо для нас! Зандыны в камне! Прочный и гибкий зменд! Прозрачный тулб! Одним словом, те, кто сделал курзыц, — курзы!

— Вот! Хорошее имя ты им придумал!

— Так кого мы ищем — каменщиков или курзов?

— Боюсь, ветра в небе. Ну, хотя бы следы, хотя бы труху и развалины. Может быть, они что-то расскажут нам о тех и других.

Постепенно речная долина становилась глубже и уже. Все чаще — крутые обрывы. В них — норки юрких птиц с раздвоенными хвостами. Исчезли песчаные косы, вместо песка — галька и булыжник. Все чаще — быстрины с белыми барашками. Путешественники останавливались не только на ночлег, но и днем, чтобы подняться из долины и оглядеться. Однажды трое мужчин (Остроглаз остался дежурить с женщинами), продравшись через заросли, выбрались на край долины, поднялись на пригорок и увидели вдалеке треугольные силуэты непонятных холмов.

— Интересные холмы, — сказал Землевед, — что-то мне подсказывает... Правда, далековато. Сын, сбегай в лагерь, скажи Остроглазу и женщинам, что сегодня больше не поплывем. Пусть устраиваются на ночлег, пусть к вечеру готовят рыбный ужин. А мы подождем тебя здесь.

Они шли к треугольным холмам по луговому распадку — удивительно ровному и прямому. По сторонам тянулись невысокие гряды, заросшие плотным кустарником, в котором чирикали птицы. А там пошли те самые деревья с длинными иголками. Трава выщипана, посыпана козьими шариками — как на родном пастбище. Неужели где-то в тени деревьев дремлет пастух? Сейчас выскочит и закричит на незнакомом языке, сзывая соплеменников, чтобы убить чужаков. Но ни малейших следов жилья! Ни хижины, ни ограды. Свободный скот пасется сам по себе, как в саванне... Но тут не саванна. Тут трава сочнее, а деревья гуще и плоды на них вкуснее. Справа пошел серый каменный уступ — ровный и прямой. На него лезет этот самый... с вкусными желто-зелеными ягодами. Можно полакомиться, хотя ягоды уже сморщенные, но все равно сладкие, даже еще слаще. Из травы с шумными хлопками крыльев и криками поднялась стая птиц, улетела в заросли. Вкусные птицы, но не до них... Вдалеке в высокой траве мелькают светлые пушистые колечки. Те самые звери, что приходили к нам на стоянку? Куда-то исчезли...

— Смотрите, тут еще один распадок идет прямо поперек! — заметил Приемыш.

— Ты прав, но нам туда не надо — мы пойдем прямо.

— Я не о том. Смотри, поперечный распадок тоже прямой, хотя и поуже. И гряды, что идут поперек, прямые. Будто кто-то аккуратно насыпал эти гряды. А вон там будто насыпаны небольшие холмы ровной чередой.

— Ты прав, здесь всюду какой-то порядок. Аж немного не по себе.

Начался пологий подъем. Распадок все так же шел прямо, но в одном месте будто споткнулся — его пересекла рытвина, продолжающаяся направо и налево насколько хватало глаз. В одном месте из зарослей будто выглянул лев, но не живой, а как бы окаменевший. Или показалось? Проверять не стали.

Гряда, идущая по левую сторону распадка, кончилась, и открылся вид на те самые холмы. Там стояли три крутых неестественных холма: два побольше, один — поменьше. Все одинаковой формы — четыре плоских треугольных склона сходились наверху, образуя острую вершину.

— Давай на правый холм залезем — он повыше.

Сами холмы поросли небольшими кривыми деревьями с иголками. При ближайшем рассмотрении оказалось, что их склоны ступенчатые: каменные ступени по пояс высотой, где-то расколотые, где-то выщербленные, где-то присыпанные почвой и обхваченные узловатыми корнями пахучих деревьев.

— Да, такое не Природа нагромодила, тут люди попотели, каменщики, — заключил Камнебой, карабкаясь по ступеням. — Камни плохие — рыхлые и изъедены временем. Разве что большие и много. Тут не нужно ума, тут нужно число, нужны большие толпы, чтобы такое высечь и нагромоздить. Да еще, небось, насыпь пришлось делать, чтобы втащить по ней камни. И главное, зачем? Большой Курзыц — он сложный, там ум приложен. Там чувствуется какая-то важная цель — на нем что-то делали или он сам что-то делал.

— Но Большой Курзыц мертв, он разрушился, там только труха и скалы, а этот стоит назло дождям и ветрам.

— Большой Курзыц умер, а этот никогда и не оживал. Он сразу сделан мертвым, потому и стоит. Большая мертвая груда камней. Там мы нашли много полезного для себя, а здесь?.. Дурное дело. И те каменщики, кто его делал, глупее курзов. Я думаю, они даже глупее нас... Или просто их сумасшедший вождь заставил громоздить эту глупость себе во славу. Вон, смотри, там из кустов огромная каменная голова торчит с отбитым носом — наверное, его голова. Если бы меня заставили высекать из скалы дурную голову нашего вождя, я бы точно сбежал еще раньше.

— Хватит брюзжать — посмотри назад, — прервал Камнебой Землевед.

— Ого! — ответил Камнебой и умолк.

Они уже поднялись на три четверти — до остроконечной вершины, увенчанной кривым длинноигольчатым деревом, осталось совсем немного. Камнебой покачал головой и преодолел остаток пути, не проронив ни слова.

Землевед с Камнебоем уселись на вершине в обнимку со смолистым деревом. Приемыш влез на его толстый сук. Перед ними лежала широкая зеленая низменность, рассеченная, как лучами, прямыми луговыми распадками. В одном из них паслись козы. По сторонам распадков — ровные заросшие крутые валы, бугры и пригорки, складывающиеся в общую картину. Будто кто-то расчертил

местность, с помощью гигантских натянутых канатов и великанских плугов, высек отвесные стены холмов, увитые зеленью, вытянутые вдоль одной линии. На низменности лежала легкая полуденная дымка, и эту дымку пробивали две зеленые скалы, или не скалы... Толстые прямые столбы толщиной в десятки шагов, высотой больше сотни. Эти столбы состояли из густого леса! Деревья и кусты громоздились друг над другом, укоренившись где-то в глубине — не видно, в чем и как. И тут уже не оставалось никаких сомнений: этот исполинский узор, эти столбы созданы кем угодно, но только не Природой. Островерхие каменные холмы с четырьмя плоскими гранями и невероятная долина, созданная не Природой...

— Кажется, мы нашли большой след, о котором ты мечтал, — сказал Камнебой. Здесь жили не только каменщики. Смотри, какие там столбы! Только курзы со своим серым камнем с зандынами могли такое поставить.

— Да, но след снова мертвый. Мертвый след далекой древности. А вся эта зелень — лишь жизнь поверх смерти. Мне кажется, там под валами и буграми что-то похоронено. Боюсь, там похоронены не только камни, но и кости... Боюсь, что нам некого больше искать.

— Попробуем раскопать что-нибудь? — вступил в разговор Приемыш.

— Силенок не хватит! — ответил Камнебой.

— Да, не хватит... Может быть, река что-то раскопала? — предположил Землевед. — Она ведь извивается, роет берега, зарывается вглубь, оставляет ступени. Надо бы полазить по обрывам.

— Надо как-то назвать эти каменные холмы. Эх, жаль малышей с нами нет, — посетовал Камнебой. — Ну-ка, Приемыш, придумай что-нибудь.

— Трегромады, — предложил Приемыш, — их три и у них треугольные стороны.

— Годится! — отозвался Землевед.

Когда шли назад, тот же самый путь казался загадочней и почему-то опасней, хотя все понимали, что бояться нечего — древность мертва. На сей раз по сторонам смотрели гораздо внимательней: действительно, в зарослях прятался каменный лев, кое-где из склонов выглядывали развалины, из одного холмика торчал высокий кусок стены с квадратными дырами. Снова в траве пока-

зались и исчезли мохнатые хвосты, а один из них, серый, сопровождал разведчиков почти до самой реки.

— Женщины, торжествуйте! — закричал Землевед с крутого берега, подходя к стоянке. — Остаемся здесь на несколько дней, пока не поймем, что делать дальше. Отдыхайте и отъедайтесь! Тут интересно!

И мужчины полезли по обрывам. Приемыш — порхая, как бабочка, от камня к камню; Камнебой с Остроглазом — быстро перебираясь по склонам, как муравьи; Землевед — двигаясь не спеша и цепко, как жук.

— Ровные красные камни! — сообщил Камнебой. — Легко разбиваются, на инструменты не годятся.

— Тут блас, как на Большом Курзыце, — доложил Остроглаз. — Им можно резать мясо.

— Я нашел тулбы, сразу три! — вскричал Приемыш.

— Кости! Человеческие кости, хребет и череп!

Все бросились на зов Землеведа. Из плотной массы песка, глины и гальки выступал позвоночник и задняя половина черепа.

— Ну вот мы и нашли... Что я и говорил. И никакие они не великаны и не духи. Такие же люди.

— Почему его никто не сжег после смерти? — спросил Остроглаз. — Он же не смог через пепел превратиться в траву и через пламя стать духом!

— Эх, тут можно много чего спросить! — ответил Землевед. — Был ли кто-то рядом, кто мог его сжечь после смерти? Сжигали ли те люди своих умерших? Может быть, они клали их в каменное ложе или закапывали в землю. Может быть, они все сразу погибли и некому было позаботиться о телах. Но теперь мы хоть знаем, что здесь жили люди и оставили следы — много следов, очень много очень больших следов.

Камнебой принес в лагерь несколько ровных красных камней — мало ли для чего пригодятся. Прыгулька с Веселькой тут же уволокли эти камни, сложили их в две стопки, накрыли ветками.

Камнебой, сидя на камне, следил за их игрой.

— Что вы делаете, чем вы играете? — спросила Мамаша.

— Это чикры. Здесь будет жить овечка, — ответила Прыгулька.

Камнебой вскочил и прошел несколько шагов туда-сюда, схватившись за подбородок:

— Так вот зачем эти камни! Из них те люди строили жилища, как я сам не догадался? Они повсюду — я видел несколько таких камней, слепленных серой глиной. Значит, это был кусок стены.

— А мы можем построить жилище из этих камней — как там они называли, чикров? — для себя? — спросила Мамаша.

— Конечно, можем построить стены! Надо только найти хорошую липкую глину. И найти, из чего делать крышу...

— Да подождите вы с жилищем! — вмешался Землевед. — Я не понимаю, что делать дальше. Здесь не лучшее место, чтобы остаться, мне оно не нравится, даже не знаю, почему. А еще меня беспокоит река — ее нрав изменился. Вы-то спокойно сидите на плоту, а меня перед каждым поворотом всего сжимает — что там, может быть такая же крутобойня, как у Большого Курзыца. Оставаться не хочется, и плыть рано...

— Смотрите, вон Остроглаз что-то интересное несет.

Остроглаз принес большой кусок бласа в полторы ступни шириной.

— Смотрите, с одной стороны он совсем гладкий! В нем все отражается, как в воде. Красотка, можешь поглядеть на себя. Ты же любишь смотреться в воду. Встань вот сюда, на границу тени от куста, так, чтобы на лицо падал солнечный свет, и смотришь в блас в сторону тени... Вот так...

Лицо Красотки вытянулось, потом перекошилось. Она посмотрела на Запевалу, потом на Мамашу.

— Что со мной?! Неужели я стала такая старая? У меня же совсем недавно была ровная гладкая кожа! Когда появились эти морщинки здесь и здесь?! Вся в каких-то пятнышках, прыщиках. Что со мной случилось?

— Ничего с тобой не случилось, — ответила Мамаша, взяв у Красотки блас и взглянув на себя, — ты всегда такая. Просто эта штука показывает все лучше и четче, чем вода. Я вон вообще страшилице. Ну и что? Землевед меня все равно любит. А тебя любит Камнебой и вряд ли разлюбит от того, что ты увидела свои морщинки и прыщики.

Красотка сидела на высоком камне, уперев локти в колени, опустив голову, и молчала.

— Эй, Камнебой, иди сюда! Тут твоя подруга в тяжелой скорби. Утешь ее!

Между тем на краю прибрежного откоса появился Приемыш.

— Там лицо на камне! — закричал он, и сбегал вниз большими прыжками.

— Там я увидел много больших ровных камней — светло-рыжих, серых, розовых, — продолжил он, отдышавшись. — На многих какие-то знаки. Они тяжелые, но я перевернул один — там оказалось лицо, лицо женщины! Пойдем, покажу! Идти совсем близко.

Пошли все, включая малышей. Приемыш привел к свежему обвалу у небольшого рукава реки. Поверх обвалившейся массы лежали те самые ровные камни длиной пять-шесть ступней. Концы некоторых были замысловато обтесаны и напоминали контуры человеческих голов на широкой шее, концы других были плавно закруглены. Тот камень, к которому подвел Приемыш, отличался от большинства. Он был зернистым, темно-серым и гладким; чувствовалось, что этот камень крепче других. Посередине был светлый мутноватый овал, в котором просматривались очертания женского лица. Под овалом в камне были высечены знаки:

SARAH JOHNSON

18.05.1997–11.12.2079

— Приемыш, у тебя там в тулбе есть вода? — спросил Камнебой.

— Вот, немного осталось.

Камнебой полил овал водой — лицо проступило яснее.

— Сбегай еще за водой!

Камнебой снял сандалию и стал тереть овал подошвой, смазав поверхность мягкой глиной. Потом снова полил водой.

— Смотрите!

— О, духи! Как живая!

— Почему у нее такая светлая кожа, а волосы темные?

— Она немолодая, но какое хорошее лицо, умные глаза!

— А что на ней надето? Красиво! Из чего это сделано, ума не приложу.

— А как такое вообще может быть? Как может быть лицо на камне как живое? Как оно запечатлелось?

— Она из курзов. Они умели делать чудеса...

Все замолчали, глядя на запечатленное лицо. Молчали даже малышки. Землевед присел на корточки, остальные стояли. Красотка прильнула к Камнебою, Остроглаз обнял Запевалу, у Мамаши намокли глаза, по щеке потекла капля, Приемыш закусил верхнюю губу... Так и стояли... А женщина, слегка улыбаясь, смотрела в небо между склонившимися головами.

— Вот мы и нашли... — сказал Землевед. — Вот какие они были, курзы... Красивые, умные, могучие — соорудили столько чудес, что пугают и привлекают нас. Но почему?! Почему их самих нигде нет? Куда они делись? Все умерли? Ушли? Но куда? Столько всего создать, обустроиться — и взять да и уйти из такого места! Куда, зачем? Нашли место лучше? Или все умерли? Почему? Такие могущественные — и все умерли?! Каждый умирает, но оставляет потомков. Почему не оставили?! Где ее потомки? — Землевед показал на лик женщины. — Знать бы, где сейчас витает ее дух! Где тот ветер, что его носит?

Мамаша посмотрела в небо, где неподвижно висели три небольших облака, остальные озирались по сторонам: два журавля на берегу, три чайки над рекой, стервятник на дереве... Прошелестел и стих ветерок. А Приемыш рассматривал рыхлую землю оползня.

— И здесь кости, вон кость, кажется, ребро, — прошептал он.

Да, там лежало чуть присыпанное ребро, рядом с ним — еще четыре. Чуть дальше торчала берцовая кость, а за ней — несколько ребер. Камнебой отковырнул человеческий таз, Приемыш расчищал череп. Остроглаз держал на вытянутой руке второй череп, будто пытался с ним поговорить.

— Здесь кости многих людей, — добавил Землевед. — Вон хребет вместе с третьим черепом.

— Смотрите! — закричал Приемыш. — Вон в обрыве, будто норы, оттуда тоже кости торчат!

— Я вот что думаю, — сказал Камнебой, — здесь люди закапывали своих мертвецов и клали сверху эти камни. Наверное, и ее кости где-то здесь.

— Что нам кости?! Где ее дух? Ты сам помянул его, — вступила Мамаша. — Видит ли он нас? Как воззвать к нему? Он знает эти места и может помочь нам, чтобы мы не плутали, как в потемках.

— Что ее духу до нас?! Духи предков заботятся о нас по обязательству перед потомством. Даже если она — наш далекий предок, череда потомков давно запуталась и порвалась. А нам ее дух вообще ничего не должен.

— Но если курзы были могущественней нас, они могли быть добрее, может быть, их духи могут помочь без всяких обязательств? Посмотри на ее лицо — оно доброе! Подумай, ощути — может быть, ее дух тебе подскажет что-то. Может быть, он здесь, витает над нами. Думай об этой женщине, закрой глаза, чтобы в голове появилось ее лицо — и тебе на ум придут правильные мысли.

Землевед лег на спину, закрыл глаза и заснул. Через полчаса открыл глаза, потряс головой и сел. Потом три раза глубоко вздохнул и улыбнулся:

— Уже пришли. Вы остаетесь здесь, мы с Приемышем идем на разведку. Я беру Приемыша, потому что его все равно не удержать. А польза от него есть: он наблюдательный и быстро соображает. Камнебой с Остроглазом остаются с вами, обустроивают стоянку и добывают еду. Хотя чего ее добывать — сама в рот сыплется. Если что — защищают вас. Хотя от кого защищать?! Но все равно вам с ними будет спокойней. Давай я лучше кликну остальных и расскажу всем. Камнебой, иди сюда и позови Красотку с Запевалой! Приемыш, Остроглаз, идите сюда! Вот, что я решил. Река быстро меняется — впереди что-то есть, чего раньше не было. Может быть, оно опасное. А может быть, там то, что мы искали, — цель пути, будь это край земли или ее середина. Течение все быстрее, а нам уже хватило приключений у Большого Курзыца. Поэтому все остаются здесь, а мы с Приемышем идем вниз по течению и смотрим, что там. Не позже, чем через половину луны, возвращаемся и решаем, что делать дальше.

Приемыш молча сел, сжался и закрыл лицо руками, чтобы не спугнуть счастье.

5. Край земли

Когда Землевед с Приемышем шли на север, придерживаясь левого берега реки, они уже не удивлялись ничему. Ни прибрежному каменному бурелому, ни огромной наклоненной скале с ровными краями, ни валяющимся под обрывом «чикрам», ни остаткам огромных стен с ровными дырами, из которых выглядывали зеленые ветви. Казалось, у Природы не хватило песка и пыли, чтобы замести все гигантские деяния древнего человека, не хватило силы древесных корней и упрямой травы, чтобы раздробить, скрыть и превратить в почву все эти ровно уложенные камни и непонятно как сотворенные серые скалы. То, что они восприняли издали как огромные столбы из леса, оказалось ребристыми каменными скелетами — их перепонки плотно заросли деревьями и кустами, высовывающимися в проемы.

Кости на пути больше не попадались.

Река все глубже врезалась в зеленую равнину, все чаще шумела и пенилась на быстринах, которые, впрочем, не шли ни в какое сравнение со стремниной Большого Курзыца — их можно было легко преодолеть на плоту, даже не высаживая женщин и малышей. Каменный бурелом закончился, остались лишь небольшие кустистые холмики — повсюду то ли девственная, то ли полностью победившая природа.

Землевед с Приемышем питались фруктами и маслянистыми ягодами, не тратя время на охоту и приготовление пищи. Ночевали под открытым небом, постелив сухую траву, накрывшись травой. Землевед перед сном рассказывал, как он ходил за Восточный хребет, обходясь по несколько дней без еды, ночуя на голых камнях. Два раза промокли под коротким, но сильным дождем. А на пятый

день пути, поднявшись на холмик, чтобы осмотреться, не увидев привычного горизонта, бросились бегом на север.

Что ощущает человек, впервые в жизни увидевший море, человек, никогда не слышавший, что оно существует, и не помышлявший о подобном? Человек, в языке которого нет слова, обозначающего море... Этот человек ощущает теплый шок, светлый шок, выражаемый восклицанием «Вот это да!», и не может стоять на месте — бежит к морю, иногда останавливаясь, чтобы осмотреться, и снова бежит под действием волнующего незнакомого запаха и усиливающегося притяжения синего пространства. И лишь бросившись в прозрачную соленую воду в чем был, человек осознает, что надо остановиться.

— Край земли, край земли! — орал Приемыш срывающимся лояющимся голосом.

— Вот мы и пришли... — тихо произнес Землевед.

Они вышли из воды и легли на галечном берегу, глядя в небо — облака спокойно плыли с юга.

Смотри, и облака, и ветер оттуда же, что и мы. Ну вот и принесло нас сюда, как те семена из сказки! Здесь и взойдем, правда, сын?

— Взойдем, отец!

Край земли тянулся на запад, изгибаясь большой дугой. На другом конце дуги, на длинном выступе стояли невысокие, но могучие утесы с плоским верхом. Разве можно не сходить туда?!

— У нас еще есть время до возвращения. Сходим?

— Сходим!

Берег зарос невысокими деревьями — теми самыми, игольчатыми, — и другими — тоже пахучими, но с маленькими зелеными чешуйками вместо листьев. Идти было далеко, они не успели до заката и заночевали в горах пахучей зелени под открытым небом. Заснули не сразу — звездное небо не располагало ко сну. Да к тому же яркие звезды отражались в воде.

— Отец, смотри, как высоко Северная звезда! И ведь все звезды крутятся вокруг нее. Помнишь наш разговор на холме в дни долгой стоянки? Теперь она стала еще выше!

— Конечно, помню. Только ничего не понимаю. Не понимаю, почему мы сейчас видим Журавля, хотя он снизу от Северной звезды. Ведь в начале пути все, что снизу от нее, скрывалось под землей. Я думаю, что и сейчас оттуда Журавль не виден. Так почему, разните меня духи предков, он вот, перед нами?

— И я не понимаю. Представь, вот Северная звезда, — Приемыш показал на шишку на ветке. — Вот плоскость земли, — Приемыш изобразил плоскость движением рук. — Когда мы смотрели оттуда, Журавль при таком расположении звезд был здесь, — Приемыш показал на ветку снизу от воображаемой плоскости. Мы были здесь, приплыли сюда — Приемыш обозначил на воображаемой плоскости две точки. И смотри, отсюда Северная звезда стала выше, а Журавль так и остался снизу, еще сильнее опустился. А он на самом деле вот, перед нами!

— Это можно было бы понять, если бы мы жили на шаре: перешли с одной части шара на другую — и открылась часть неба. Но мы-то живем на земле!

— Ты прав, отец. А если бы мы жили на шаре, который вертится, то и вращение неба легко объяснить. Тогда вообще все понятно. Но мы ведь и правда живем на земле. Ничего не понимаю!

— Ладно, давай спать, а то голову ломаем.

— Не могу я спать. Как будто духи издеваются надо мной. Я ведь не дурак, правда, отец! Так зачем они издеваются?!

— Наплюй на духов. Когда-нибудь мы пойдем или потомки поймут, почему все в мире так. А сейчас вспоминай, как мы шли се-

годня, и считай деревья по дороге. Деревья с иголками отдельно, деревья с чешуйками отдельно.

Поздним утром они пришли к намеченному выступу земли, где стояли, вернее, лежали серые утесы. Их верх шел ровно, края — прямо, концы тоже будто аккуратно обрублены. Дальше стояли такие же — и верх их был на том же уровне.

— Смотри, как ровно они стоят,— обратил внимание Приеммыш,— чем-то напоминают Большой Курзыц. Зачем их так поставили предки?

Землевед ответил не сразу. Он смотрел на воду, потом на утесы, потом прилег и посмотрел одним глазом вдоль их верхов.

— Представь, что вода за краем земли давным-давно была намного выше, чем сейчас, вот здесь. Тогда курзам было бы удобно приставать со своими плотами здесь. Вот и мы бы причалили на своем плоту сразу здесь, когда вернулись бы все вместе. И сразу шагнули бы на твердь. Не чавкали бы по илу, не скакали бы по камням, не лезли бы через тростник, а сразу на ровную твердь. Хорошо ведь!

— Как такое могло быть, что вода тогда была здесь, а сейчас — там?

— На свете многое бывает, сын мой, что и не снилось нам в дремучих снах!

Они пересекли длинный узкий выступ суши, поросший высоким кустарником, и открылась новая панорама. Первым вылез из кустов Приеммыш:

— Отец, смотри, там дальше, смотри-и-и...

— Ох ты, духи мои!

Вдоль берега, насколько хватало глаз, тянулись руины. В одном месте они прерывались — их погребла огромная дюна, заросшая кустами, потом продолжались, становясь массивней и выше. Стены с дырами, каменные осыпи, серые каменные скелеты. Они не кончались — просто растворялись в дымке на расстоянии дня пути.

— Духи мои, сколько же здесь когда-то жило людей?! Я даже не могу представить, что земля может носить столько людей! Интересно, а что они ели?

— Отец, а мне кажется, что там, у трегромад, развалин не меньше.

— Может быть, и не меньше. Просто там их сильнее замело песком, сильнее затянуло землей и зеленью. А здесь, наверное, временами дует сильный ветер с воды — он вычищает развалины. Но я не понимаю, зачем столько людей жило в одном месте! Как они могли прокормиться? Зачем они жили на головах друг у друга? Да, многого мы с тобой не понимаем. А там, смотри, вдалеке снова выступ земли, а на нем что-то, видишь, что?

— Кажется, там какие-то стены.

— У нас есть еще день в запасе — обернемся туда и обратно.

Землевед с Приемышем шли вдоль берега между развалинами и водой по пологим серым скалам, по тощей земле, покрытой ароматными свежеселеными деревьями и кустами с красными и синими ягодами, между корявых крупно-жестколистных деревьев и замшелых мелко-жестколистных. Один раз на пути попался небольшой ручей. Наконец они поднялись к желанным стенам на плоских утесах. Но их поразили не эти стены, а огромный полукруглый дол — ниша, вдающаяся вглубь берега. Она почти замыкалась каменным валом: если заполнить эту нишу водой под уровень, получится полукруглое озеро с двумя узкими выходами в бескрайнюю воду.

Они прошли через пролом в толстенной стене на широкую площадку и взобрались по другому пролому на более узкую, но высокую четырехугольную стену, стоящую в центре площадки. Путешественники увидели:

— край земли, идущий новой огромной дугой и уходящий насколько хватает глаз на запад;

— огромное количество того, что они называли «плоскими утесами» и просто каменными валами, смотрящими в сторону воды, не достигая ее шагов пятисот;

— еще больше каменных развалин, не только вдоль берега, но и в глубине суши, идущих широкой полосой вдоль края земли насколько хватает глаз; кое-где поверх развалин высились дюны; между развалинами и водой шел зеленый склон шириной 300–600 шагов;

— обломки круглых длинных камней, похожих на окаменевшие стволы, валяющиеся чуть пониже по обеим сторонам;

— круглый длинный розовый каменный столб, стоящий как ствол огромного дерева без сучков с чем-то странным, нахлобученным наверху.

Землевед присел на выступ стены и задумался. Встал, огляделся еще раз, хлопнул по плечу Приемыша:

— Ну что ж, здесь и обоснуемся. Здесь важное место, не знаю, как объяснить, но важное. А сейчас сходим — туда, к тому столбу. Времени еще хватит.

До столба было всего тысячи три шагов, но дорога оказалась неудобной — сплошные каменные завалы. Столб стоял на невысоком пригорке, и стоял не один. Рядом лежал лев с человеческой головой, высеченный из того же камня, в сторонке чуть снизу — ряд столбов поменьше и пониже.

— Ого, — только и произнес Землевед.

Колонна была ровной, круглой и гладкой, состояла из зернистого розового камня, который не встречался в их долине. Наверху колонны как будто распустился огромный каменный цветок.

— Надо обязательно показать это Камнебою, он будет локти кусать от зависти! — добавил Землевед. — Мне кажется, такое каменщикам не по зубам — столб цельный и очень хорошо обработан. Наверное, его курзы сделали, подражая каменщикам для веселья.

— Смотри, смотри, у этого тоже нос отшиблен! — крикнул Приемыш, показывая на льва с человеческой головой. — Точно как у той головы, что возле трегромад!

— А я думаю, та большая голова тоже сидит на льве, только того льва засыпало песком. У этой головы вот здесь сзади такое, — Землевед помахал пальцами от ушей к плечам, — и у той то же самое.

— Но кто им отбил носы? Зачем?

— Откуда я знаю, сын?! Я и так переполнен вопросами без ответов. Это у Камнебою спросим, может быть, носы — самая хрупкая часть изваяний. А теперь пойдем — у нас уже в обрез времени, чтобы вернуться к обещанному сроку.

— Подожди, отец. Так кто где жил? Выходит, там, где была большая гроза, жили каменщики, у трегромад тоже каменщики, здесь — курзы, там у реки, где лицо на камне, — тоже курзы. Интересно, а они воевали между собой?

— Они не могли воевать. Курзы бы мгновенно разбили каменщиков, они были намного умней.

— Значит, они мирно жили бок о бок. А если и те, и другие — такие же люди, почему они так отличались?

— А я думаю, что они не жили бок о бок. Мне кажется, они жили в разное время.

— О, то-о-очно! А кто раньше?

— Если бы раньше жили курзы, то значит, они поглупели и превратились в каменщиков. А если каменщики, значит, они поумнели и стали курзами. Я думаю, что скорее каменщики поумнели. Если они тратили столько сил на возведение столбов и трегромад, если они высекали людей со звериными головами и вот таких зверей с человеческими головами, значит, у них был запас стремления и воображения. Люди со стремлением и воображением с годами умнеют, как Камнебой, а без того и другого глупеют, как наш вождь.

— А не могло быть так, что люди сначала поумнели и превратились из каменщиков в курзов, а потом потеряли стремление и воображение, поглупели и исчезли?

— Ох и вопросы ты задаешь, сын! Как дубиной по голове. Не знаю, что и ответить. Пойдем быстрее, не хочу опаздывать.

— А не пора ли им уже вернуться? — спросила Красотка.

— Я думаю, они вернутся не позже середины завтрашнего дня, — ответила Мамаша. — Землевед опаздывал только два раза: один раз — когда его ранили в ногу, другой — когда он ходил за Восточный хребет и нашел там эту страшную штуку с костями. Ой, чего это Ушка вострепелась и вскочила?!..

Ушка, подобно тем недавним «духам реки», незаметно появилась на высоком берегу вскоре после ухода Землеведа с Приемышем. Она просто сидела и смотрела на людей. Запевала взяла сырую рыбку, немного подошла к зверю — все, как тогда. Вскоре Ушка сидела у костра в обнимку с Запевалой и виляла хвостом, а Веселька с Прыгулькой стояли чуть поодаль, вытаращив глаза и открыв рот. И только спустя некоторое время осторожно, шаг за шагом приблизились и дотронулись пальцами. Вскоре началась бурная любовь навеки с валянием в пыли.

— Ушка, Ушка! — кричали девочки, подарив имя новому члену племени.

Ушка действительно вскочила и осторожными крадущимися шагами с вытянутым хвостом пошла вверх наискосок, ошетинаясь, зарычала, потом резко отрывисто закричала. Чуть в стороне на краю крутого склона появились Землевед с Приемышем.

— Что у вас за чудище такое?! — спросил Землевед.

— Это Ушка, она хорошая, идите, не бойтесь!

Вперед пошел Приемыш. Он уже кое-что знал об этих зверях: чуть подошел, опустился на четвереньки, ласковым голосом подзывал Ушку, дал себя обнюхать, потрепал по щеке. Охрана смиловилась.

— Ну, рассказывай! — потребовала Мамаша после непродолжительных, но крепких объятий.

— Да чего рассказывать... Вышли мы на край земли. Дальше — вода без конца и края, и в эту воду впадает наша Могучая река. Чудесная чистая прозрачная вода — красотища. И купаться в ней — одно удовольствие. И рыба в ней плавает, да еще какие-то круглые твари с клешнями как у раков бегают, и трава растет, и видно под водой как от меня до той глыбы. Наша река осталась справа от нас — мутная, грязная. На запад идет ровный берег огромной дугой, а на берегу — любимые игольчатые деревья — идешь прямо по сухим иглам и шишкам. Потом — острый выступ земли, за ним — прямой берег, а там — разрушенное жилье людей, много-много разрушенного жилья — оно идет полосой вдоль берега насколько хватает глаз. А самое интересное место — у толстых стен... Мне трудно все объяснить словами, но там есть что-то важное. И там течет ручей, там много деревьев с маслянистыми ягодами и сладких желтых ягод — мы ими питались всю дорогу. Из зверей там бродят козы и небольшие антилопы, много черепах. И воздух ароматный, и красотища!

— Что-то не верю я тебе, — ответила Мамаша. — Что-то уж очень в твоём рассказе все красиво и складно. Дуришь ты нас, чтобы не оставаться здесь, неутомная ты душа! А здесь ведь хорошо — вода, те же самые ягоды, и Ушка пришла...

— Ну-ка, скажи, когда я тебе врал хоть раз в жизни?!

— Ну, может быть, и не врал, но привирал, приукрашивал. Ты говорил, что путь через саванну — сплошной праздник, а вон как намаялись!

— Но ведь там край земли! Как мы можем сидеть здесь, когда в пяти днях ходьбы — прекрасный край земли! Вот что... Где моя петля? Приемьш, подай! Вот, ты прекрасно пролезаешь в нее. Красотка, иди-ка сюда... Замечательно, еще кулак остается, не дорос живот. Запевала, с тобой и так все ясно. Значит, завтра с утра трогаемся. Думаю, путь по реке будет быстрее, доплывем за три дня. Эту зверюгу тоже берем с собой.

Три дня пути прошли почти без приключений, если не считать незадачу с Ушкой, которая поначалу наотрез отказалась идти на плот. Но в конце концов уговоры в сочетании с применением силы сделали свое дело, и на сей раз плот отчалил с десятью живыми существами. Река несла быстро, но без буйства, на третий день к вечеру притормозила, а впереди пропала земля.

— Гребем к левому берегу! — скомандовал Землевед.

Вскоре левый берег кончился, исчез, и с трех сторон открылся бесконечный простор. Тишайший простор! Камнебой с Остроглазом увели плот с речной струи в неподвижную воду и сложили весла. Никто не произнес ни одного внятного слова — одни междометия. Все смотрели на запад, щурясь от двух солнц — прямого и отраженного в едва колышущейся воде — лавина предвечернего света повергала в трепет, запах воды приводил в благоговение. Мир стал другим, горстка застывших людей на утлом плоту в золотистосинем пространстве выпала из времени. И только Ушка, внезапно заскулив, вывела всех из транса.

— Гребем к берегу! — скомандовал Землевед.

— К правому или левому? — с усмешкой переспросил Камнебой.

— К единственному и последнему!

Наутро после недолгих споров отправились на запад — туда, к мощным стенам, к большим развалинам, к розовому столбу и челоуекоголовому льву. Решили, что плот еще пригодится и, главное, добыча с Большого Курзыца, сложенная на нем, но измучались грести в неподвижной воде. Решили зачалить плот на четверти пути, чтобы потом вернуться и перегнать, не задерживая женщин и детей, и пошли пешком почти налегке. Больше всех ворчала Красотка:

— Вот хорошее место, давайте встанем. Как, нет воды? Вон сколько воды! Подумаешь, пить нельзя... Зато какая чистая!.. Вот ручей — пить можно, давайте здесь, тут красиво. Ну что с того, что вы там уже выбрали... Думаете, так приятно тут с животом тащиться... Не правда, большой живот, это ты петлю слишком широкую завязал...

Мамаше было явно тяжелей, но она шла молча, лишь изредка предлагая передохнуть. Длинноногая Запевала шла легко, что-то мурлыча себе под нос, размахивая венцом антилопы — разве можно оставить его на плоту! Малышки частью ехали верхом, частью спешили и семенили за взрослыми, достаточно окрепнув за долгое путешествие.

На второй день пути по берегу заночевали у очередного ручья, поужинав орехами и круглыми раками, запеченными в углях, — новая пища всем понравилась. Заметно похолодало, поднялся легкий ветерок, вода внизу зашуршала, зашлепала в скалах. Циновки остались на плоту, пришлось ломать тонкие ветки игольчатых деревьев и укрываться ими, прижавшись потеснее друг к другу. Стало тепло, но никто, кроме малышей, не мог заснуть, несмотря на усталость.

— Давайте сказку что ли на сон грядущий, — предложил Камнебой. — Что-то совсем не спится, Мамаша, ну расскажи что-нибудь.

— Что все я? Вон вас сколько. Неужели никто кроме меня не знает хороших сказок? Эй, Запевала! Ты теперь у нас антилопа — вот и расскажи сказку про антилопу.

— Я ее плохо помню, могу напутать что-нибудь.

— Вот и хорошо. Путай — не стесняйся. Так сказки и строятся. Один начал, другой пересказал, напутал, получилось интересней — все запомнили, а если получилось хуже, все забыли. И так далее.

— Попробую. Жила-была антилопа, не простая, а волшебная. И жил-был охотник, не сказать, чтобы волшебный, но одержимый. Или не одержимый, а в него там кто-то вселился, не помню уже... И однажды охотник с луком погнался за антилопой. Антилопа взбежала на скалу и говорит охотнику: «Что ты гонишься за мной? Во мне мало мяса. Я лучше дам тебе двадцать крокодилийх зубов — купишь на них двух овец, они куда сытнее меня».

«Нет! — вскричал охотник, — не нужны мне твои крокодилы зубы. Мне нужно подстрелить тебя».

И охотник выстрелил в антилопу, но промахнулся. Антилопа побежала дальше, охотник за ней. И снова антилопа взбежала на высокую скалу: «Эй, охотник, тебе не надоело гнаться за мной?! Хочешь, дам тебе сколько угодно самого лучшего запеченного мяса и самых вкусных орехов?»

«Нет, нет! — заорал охотник что есть силы. — Не нужна мне твоя еда, мне нужно убить тебя!»

И снова охотник выстрелил в антилопу, и снова промахнулся, и снова погнался за антилопой, а она взбежала на огромную высокую-превысокую скалу и кричит оттуда: «Эй, охотник, ты устал, ты запыхался. Хочешь, приведу тебе красивую-раскрасивую девушку, возьмешь ее в невесты».

«Нет, нет, нет! — заорал охотник срывающимся голосом. — Что ты понимаешь в жизни?! Не в крокодильих зубах счастье! И не в еде смысл жизни. И не в девках наслаждение! Счастье в погоне! Смысл жизни — гнаться и убивать, гнаться и убивать! Наслаждение — добыть жертву и потом вдохнуть полной грудью!»

И опять охотник выстрелил и опять промахнулся.

«Глупец ты, охотник, злой глупец», — сказала антилопа, оттолкнулась изо всех сил и улетела в небо. А охотник то ли сам влез на небо, то ли его подняли те, кто в него вселился, но так и повис в небе невысоко, а антилопа летит и летит. Вон она — кучка звездочек — семь или восемь тесно прижавшихся друг к другу. Она улетела далеко, потому и кажется маленькой. А охотник — вот он висит: руки, ноги, пояс, связка стрел подвешена к поясу. И он снова выстрелил в антилопу с неба — вон яркая желтоватая звезда летит в сторону антилопы, но уже видно, что он опять промахнулся — стрела идет выше. А антилопа летит и летит и когда-нибудь вернется на землю. Ну вот и сказке конец.

— Почему ты говоришь, что в Антилопе семь звездочек? Там их четырнадцать и даже больше. И еще там слабое голубое сияние во круг звезд, — уточнил Приемыш.

— Ой, Прыгулька что-то всхлипывает, я думала, она спит давно. Прыгулька, ты что плачешь?

— Плохой охотник, очень плохой и злой, я его боюсь, он смотрит с неба!

— Не бойся, это просто сказка, а на небе никакой не охотник, просто созвездие, которое так называется, спи, спи спокойно...

Все потихоньку заснули, все, кроме Приемыша. Он, наоборот, вылез из-под веток и сел на камень. Упер локоть в колено, подбородок в кулак и смотрел в раздумье, только не в землю, а в небо.

— Ты что не спишь? — спросил проснувшийся Землевед.

— Не могу, опять не могу! Антилопа и вправду дальше Охотника, но почему же они крутятся по небу одинаково?! А Голубая Дорога еще много-много дальше. Почему же они крутятся вместе? Они издеваются над нами?! Отец, я думаю, мы все-таки живем на шаре, который вертится, тогда все понятно.

— Сын, какой шар? Мы живем на земле!

— Отец, я думаю, земля и есть шар, который крутится! Ну согласись, согласишься, тогда мне сразу станет легче!

— Ох, сын, в твоих словах есть смысл, но чтобы согласиться... Я как-то робею. Земля — шар? А где будет низ с обратной стороны шара? Со стороны земли? То есть там, где у нас верх? Гм... Знаешь, надо придумать способ проверить твою дикую идею. Например, измерить высоту разных звезд над горизонтом в одно и то же время здесь и у Большого Курзыща. Это непросто... Но давай все-таки спать. Полегчало?

— Немного полегчало.

Утром встали с рассветом, несмотря на то, что кое-кто сильно не выспался. Еще задолго до полудня путешественники подошли к толстым стенам. Землевед остановился и поднял руки:

— Стойте! Дочь, улыбнись, больше не придется ворчать. Мамаша, выше голову, больше не придется плестись, стиснув зубы. Мы пришли. Наше место здесь. Пришли не на ночлег, не на стоянку — навсегда. Здесь родим детей, здесь появятся на свет внуки и правнуки, отсюда потомки расселятся в другие края. Вот наше место, ждавшее нас много лет. Здесь есть все: вон там — ручей, здесь — стены, закрывающие от ветра, там — любые камни, тут — удобный подход к воде.

Камнебой потряс кулаком на головой, воскликнув «Здесь!», Красотка действительно улыбнулась, Мамаша устало опустила на камень и стала мять левую ступню, Остроглаз присел, потянулся и подпрыгнул, дрыгнув ногами, вскричал: «Эгей!» Прыгулька с Ве-

сельской по обыкновению запрыгали с хохотом, а Приемыш уже ушмыгнул в пролом в стене.

— Давайте решим, где строить дома. Говорите все по очереди — кому где нравится.

— Я за то, чтобы поселиться у выхода из котловины поближе к ручью, — сделала свой выбор Мамаша.

— А мне кажется, лучше внутри стен — они будут защищать от ветра, — предложила Красотка.

— Я бы предпочел поближе к воде, — сказал Остроглаз, — там же рыба, там будет наш плот, там будем купаться.

— Если поселиться вон там, — Камнебой показал на запад, — то у нас под рукой будет много чикров, из которых можно сложить жилье.

Только Запевала и Приемыш не внесли своих предложений: первая, надев венец антилопы, как зачарованная смотрела в синюю пустоту, второй шнырял по близлежащим развалинам.

— Я предлагаю поселиться вот здесь у стены с видом за край земли. Это самое красивое место — зеленые деревья, за ними синяя вода, здесь стена будет укрывать нас от солнца и южного пыльного ветра. До ручья отсюда недалеко, до большой воды всего триста шагов. А камни и здесь есть, а если понадобятся чикры — принесем оттуда, не рассыплемся.

— Да, да, я тоже за то, чтобы поселиться здесь! — очнулась Запевала. Внутри стен есть защита от ветра, но простор и красота важнее.

— Здесь будет наш дом с Мамашей, к нему сделаем пристройку для Приемыша. Потом, когда возмужает, он построит себе отдельный дом, тут будет закуток для Весельки с Прыгулькой. Камнебой, Остроглаз, выбирайте себе места.

Землевед прикатил два камня, поставил, выровнял:

— Садись, Мамаша! Здесь наш дом! Окончательно и навсегда. На этом месте проживем остаток лет. Поставим крепкие каменные стены и настелем крышу. Сложим очаг. Куда бы ни уходили, всегда будем возвращаться сюда. Здесь будем нянчить внуков, я стану главой племени, а ты его матерью-прародительницей. Как тебе здесь?

— Хорошо мне здесь. Главное, что встали наконец. Ну и место хорошее. Красиво — эта вода бескрайняя синяя, эти деревья... От

них спокойно на душе и тепло. А слышишь, вода зашумела... Накатывает на берег и откатывает. Как хорошо будет засыпать здесь под этот шум! Слушай, а что ты наши камни так далеко друг от друга поставил? Ну-ка, двигай свой сюда! Вот так, и обними покрепче. Люблю я тебя, Землевед. Столько лет глаза мозолишь, а не надоел! Столько волнений от тебя, а все равно люблю. Потому и пошла за тобой из племени. Шла и не ныла, хотя и тяжело было сначала, и ох как я испугалась у тех жутких скал. Я часто не верила, что ты приведешь нас куда-то, боялась, что так и будем плыть, пока не сверзимся с края земли. А теперь я рада, обними еще крепче, вот так. Прямо как в сказке. Неужели и в жизни бывают сказки со счастливым концом? Аж не верится...

— Наша сказка маленькая, нас мало, нам легко проскользнуть мимо великих злых духов. А вот их большая сказка, — Землевед повел рукой в сторону руин, — видно, оказалась несчастливой. Уж не знаю, за что им такой конец. Такие могучие, так много их населяло землю и ничего не оставили, кроме трухи и развалин. Знать бы, что

с ними случилось! Да, видеть, не по нашему уму эта тайна. Давай помолчим.

Минуту молчания нарушил шумный вихрь из двух малышей и Ушки — визги, хохот, рычание. Покрутился около Мамаши с Землеведом, двинулся дальше и исчез за углом стены.

Землевед улыбнулся и вздохнул:

— Знаешь, Мамаша, скоро ведь вам всем рожать. Не так, чтоб совсем скоро, но лучше подумать заранее. Научи меня принимать роды, хотя бы на словах объясни... Вдруг вы все

одновременно... Нельзя, чтобы кто-то умер, — нас слишком мало. Особенно нельзя, чтобы ты...

— Объясню. Дело нехитрое, но твои руки не для того выращены — не мужское это дело. Попробуем рожать по очереди. Однако не только нам рожать. Посмотри внимательней на Ушку — живот как бревно и соски уже чуть набухли. Когда пришла, была стройней. Она будет первой.

— Вот Весельке с Прыгулькой радости будет!

Вокруг обнявшихся Землеведа с Мамашей сновали Камнебой, Остроглаз, Красотка и Запевала, споря, кому с какой стороны строить дом. Так бы и спорили, но тут прибежал запыхавшийся Приеммыш:

— Пошли, покажу. Неподалеку, вон там, около разрушенной стены, лежит интересная плита — ровная из розового камня. На ней высечены знаки. Много знаков!

— Хороший камень, — сказал Камнебой. — Розовый, зернистый — у нас на родине нет такого. Только лишайником зарос. Пожалуй, и ворочать можно, если хорошие крепкие дубины подыскать.

— Давайте поставим эту плиту перед нашими жилищами, почистим и обратим ее в сторону воды, — предложил Землевед. Мы не знаем, что означают эти знаки, наверняка ничего плохого, а скорее всего, что-то хорошее. Наверняка их понимают духи тех древних предков, которые когда-то здесь жили. Может быть, они до сих пор витают здесь над водой — пусть видят у нас понятные им знаки как сигнал дружбы.

Все четверо мужчин с помощью ваг полдня, кряхтя и запевая, двигали плиту на предназначенное место перед намеченными жилищами, к вечеру водрузили вертикально, укрепили и отдраили каменными и деревянными скребками. И обращенная к морю надпись на гранитной плите возвестила о новом поселении:

ΑΛΕΞΑΝΔΡΙΑ

ALEXANDRIA

الإسكندرية

ЧАСТЬ II
ЭКСПЕДИЦИЯ
«ИДУ НАПРОЛОМ»

6. Основательный вариант

Сэнк, хорошо известный в узких кругах географ, пришел домой, ни слова не говоря сел за длинный стол, уперся локтями — ладони к вискам, мизинцы на лоб — и застыл в тяжелом молчании...

— Что в скатерть уставился? — спросила жена. — Заявку прокатали?

— Скорее не прокатали, а замотали. Один восторженный отзыв, один умеренно-позитивный, еще один умеренно-скептический. Полупроходной вариант. Добрые люди рассказали в лицах, что происходило на заседании Совета. Дескать, мы гляциологи, а не археологи. Проект экспедиции интересный, но не по нашей части. Пусть, дескать, обращается к археологам.

— А археологи небось скажут, что не их дело копать во льду, пусть гляциологи копаются.

— Даже не так. Скажут: у нас в планах необозримые поля раскопок в благословенных теплых краях, где зарыты килотонны артефактов. Зачем нам копать в холодном мокром льду в северной пустыне?

— И что делать думаешь? В Атлантическое географическое общество постучаться?

— Мана, ну подумай, зачем им я? Если атлантийцы проникнутся идеей, они и сами все сделают. Ну, может быть, возьмут в экспедицию для приличия.

— Объясни-ка свою идею еще раз. Я в общих чертах представляю, но и только.

— Где там Стим? Пусть тоже послушает.

— Сидит, говорит, что уроки учит. Врет небось, в прошлый раз заглянула — задачи первого курса решает.

— Стим, иди сюда и захвати из шкафа Римскую карту. Она на верхней полке над книгами в сложенном виде.

— Почему ее называют Римской картой? — спросила Мана. — Ведь это древняя карта мира.

— Карта когда-то украшала стену Римского аэропорта. Как утверждают археологи, на нее что-то проецировалось, вероятно, локации самолетов, летящих по миру. Это гигантская мозаика 50 на 25 метров, выполненная из цветной керамической плитки, выпиленной по контурам побережий, очертаниям рек, лесов и так далее. И, что крайне важно, на ней обозначено положение древних городов с названиями. Помпезная и действительно качественная карта, способная прославить аэропорт. Карте повезло, точнее не ей, а нам. Здание аэропорта заваливалось медленно и плавно, картой внутрь, хоть мозаика и раскололась на крупные куски, ее удалось легко и без потерь восстановить. Без нее мы бы мало что знали о Земле 16-тысячелетней давности. Как прикажешь реконструировать карту того времени, если те города под землей, север подо льдом, а равнинные реки прорыли новые глубокие русла? Это великая карта! Подледные города, очертания берегов, доледниковые моря, названия всех крупных городов, границы стран. Без этой карты нынешние археологи сосали бы локоть, а я бы никогда не додумался до того, что сейчас расскажу. И ведь делали эту карту не для великих целей, а так, в порядке рекламы аэропорта в стиле ретро.

— А когда эту карту сделали?

— 2156 год. За 70 лет до краха.

— А как удалось с такой точностью определить дату создания? Ты же сам говорил, что никакие методы, кроме древесных колец, не дают точности лучше века.

— Дата создания указана в правом нижнем углу карты... Принес, спасибо, разворачивай, клади на стол. Вот древний Санкт-Петербург. Примерно так в наши дни идет ледник. Стим, принеси еще современную карту. Ага, спасибо. Вот здесь сейчас конец ледника, а тут когда-то был Новгород. Так вот, ледник промерили вдоль и поперек, я сам там ввинтил в лед десятки реперов. Измерили скорость, направление движения. Дальше надо считать, экстра-

полировать в прошлое. Чем я и занимался до посинения последние четыре года.

— До посинения... Знал бы ты, насколько буквально выразился! Хотя иногда глядишь на себя в зеркало?

— Да причем тут зеркало! Прямо сегодня на языке этого ледника восточней бывшего Новгорода оттаивает город Санкт-Петербург! Вот что я насчитал и наэкстраполировал! А ты — зеркало!

— Как, прямо город как есть? Папа, не может быть! — возразил Стим.

— Конечно, не может. Обломки города, его артефакты. Утварь, остатки машин, медь, нержавейка, алюминий. Даже сталь. И даже, рискну предположить, читабельные книги. Как раз сейчас, судя по настоящей и прошлой динамике ледника, все это должно быть там! Потом это все сгниет и сгинет под наносами. А вы понимаете, что лед — прекрасный консервант? Вы понимаете, что Санкт-Петербург замерз мгновенно по геологическим меркам — через две сотни лет после того, как произошел весь этот крах! Значит, все, что там есть, подвергалось коррозии и гниению почти в сто раз меньше, чем в теплых краях, столь любимых археологами.

— А как узнали, что через две сотни лет?

— Бурили, бурили и нашли годовые слои льда где-то 2400-х годов по прошлому летоисчислению. Эти слои — как древесные кольца. К сожалению, не мы бурили — атлантйцы.

— Папа, надо ехать!

— Конечно, надо! Еще как надо. Сколько можно просиживать штаны в институте?! Север ведь — сказка, красота, чистейшая кристальная красота! Я видел Север, но не ощутил его всей душой: то самолет, то мотосани, то компрессор с дрелью, и железяки-железяки в глазах... А там такое! Там вовсе не ледяная пустыня — там вслед за отступающим ледником наступает трава, мох, за ними березы и ели, весной прямо среди сверкающего снега на проталинах распускаются цветы. Да что там, не только за отступающим ледником — на самом леднике на моренах растут карликовые березы и всякие лютики! А запах?! Я не знаю, как его описать, но этот запах берет за душу и вышибает слезу. Сколько можно тут, у теплого моря, небо коптить, когда там такой Север и оттаивающие артефакты! Ведь сейчас там никого, вообще никого, кроме песцов, оленей и прочей милой фау-

ны. Совсем не то, что на Североамериканском щите и на Балтийском языке, где работают по три экспедиции. Там пустота и чистота ждут нас!

— Сэнк, чувствую, ты и меня сейчас завербуешь. А что, не отпустить же тебя одного. Поеду, хоть что говори, поеду!

— Чтобы меня за шиворот удерживать?

— Тебя удержишь! Просто не хочу одна тут оставаться. Считай, засохну.

— Замечательно, у нас в экспедиции будет врач. А как же твои двести детей?

— Препоручу бразды правления Марале, у нее хватка! Я буду спокойна за них. А за тебя спокойна не буду, если останусь.

— Папа, а как мы туда доберемся?

— Так, еще один член экспедиции! А кто два последних класса доучиваться будет?!

— Сам доучусь. Считай, уже доучился. Ни за что не останусь, хоть вяжи меня, все равно не удержишь!

— Да, ты весь в своего родного отца. Вот, прямо слышу его интонации. Вот кого за шкурку удерживать придется... Эх, я ведь тоже мог бы когда-то Андара за шкурку удержать, мог ведь... — последнюю фразу Сэнк произнес про себя.

— А правда, Сэнк, как ты представляешь себе экспедицию без гранта, без поддержки института?

— Наших сбережений хватит, а если надо будет — дособерем с миру по нитке. Обойдемся без дома на Крите. Есть два варианта — легкий и основательный. В первом случае нанимаем гидросамолет — легкий фанероплан. От последнего пункта заправки до места и назад — три тысячи километров. Потребуются дополнительные баки, но все равно тонны полторы людей и барахла забросить на одно из приледниковых озер сможет. На один летний сезон годится. Основательный вариант — покупаем какое-нибудь плоскодонное речное корыто тонн на сто, оборудуем на нем теплое жилье, ставим небольшой компрессионник сил на 500, загружаем вездеход, мотосани, инструменты, генераторы, топливо и плывем вдоль морских побережий и по речной системе прямо к леднику. Там проводим лето, осень, зиму, весну и второе лето.

— Основательный, папа, давай основательный! Это будет настоящее путешествие!

— Я так и знал, что ты выберешь настоящий вариант. Я тоже. Мана, мне вдруг стало хорошо и спокойно. Я ведь уже не такой си-ний, правда?

— Да, чуть порозовел.

— Ты бы знала, как важно послать всех к ялдабродам и принять Решение! Послать всех администраторов, чиновников, сидящих на государственных деньгах, и опереться на себя. Я же свободный самостоятельный человек, и ты тоже, и даже Стим со своим неполным средним — уже полноценная личность. И с чего мы должны зависеть от этих чинуш? Я сейчас будто твердо встал на ноги, которыми последнее время болтал в воздухе.

— Так что, семейная экспедиция получается?

— Полусемейная. Без Крамба — никак! Он же умеет все на свете! Варить, чинить двигатели, паять радиопередатчики, строить дома. И у него столько всякого полезного хлама! Не удивлюсь, если в какой-нибудь заводи на Ниле уже стоит его калоша нужных нам параметров. И к тому же он холост и легок на подъем. И силен как бык — тоже полезно. Сейчас позвоню ему в мастерскую — скорее всего, там сидит... Крамб, привет, это Сэнк. Бросай все, бери ноги в руки и ко мне. Не пожалеешь!

То, что Крамб мгновенно согласился, не удивительно. Удивительней оказалось то, что у Крамба в запасе действительно оказалось плоскодонное судно водоизмещением 150 тонн в одной из заводей Нила. Осадка — 120 сантиметров, совершенно голая, пустая посудина, что и требовалось. Он приобрел ее за бесценок на всякий случай — вдруг дойдут руки до того, чтобы запустить туристический бизнес — путешествия по Нилу до развалин Фив.

— Итак, — сказал Крамб, — ты говоришь, что кладешь на бочку двести штук. Хорошо, я кладу еще сто штук и свое корыто. Вытянем?

Под вечер Сэнк позвонил дочери, которая недавно съехала из родительского гнезда на съемную квартиру.

— Кола, мы тут некое семейное мероприятие обсуждаем. Возможно, оно не по тебе, но поговорить надо. Приходи, поговорим, в придачу будет ужин маминого приготовления.

Кола выслушала Сэнка с интересом, но и с долей скепсиса.

— А мне там что делать?

— Ты же лингвист, спец по мертвым языкам. Да и живой язык пригодится, там по дороге вдоль Волги после Верхнего моря живут аборигены. Судя по запискам Лендрана Крага, сложный народ.

— О каком мертвом языке речь?

— О русском.

— Понятно. Хороший язык! Много ископаемых текстов, но исключительно газетных. Удручающе мало сохранившихся литературных текстов с живым языком, впрочем, то же самое и к другим мертвым языкам относится. Но если будет шанс пополнить русский литературный, это тот шанс, который обеспечит толстую карьеру на всю жизнь. Вообще, уйти из института не проблема, хоть и насовсем. Тем более директор глаз положил и пристаёт — как же он надоел! В гробу я его видала! Без работы я никогда не останусь — всем интересны мертвые языки. Но меня смущает этот холод, почти два года в антисанитарных условиях. А кто еще участвует?

— Ну вот мы, еще Крамб.

На скулах и шее Колы сквозь смуглую кожу проступил легкий румянец.

— А теплый туалет будет?

— Будет.

— Еду, эх! Была не была!

— Хорошо, нас уже пятеро. Как насчет нашего славного воина?

— Пожалуй, Инзор — более сложный случай, хотя славный воин и меткий стрелок нам бы совсем не помешал.

— А как насчет его суженой? Во-первых, ты не забыл, что она археолог? Это даже полезней, чем меткий стрелок.

— Ты права. Археолог, если он еще зеленый, очень кстати. Ты ее лучше знаешь, она что-нибудь из себя представляет именно как археолог?

— Она на два года старше Инзора, уже две экспедиции и две самостоятельные статьи за плечами. Так что уже достигла начальной степени матерости. Но тут есть еще и «во-вторых». Алека — ключ к Инзору. Он точно заартачится, поскольку любит свою службу, дорожит контрактом и статусом защитника родины, а тут предлагают все бросить. К тому же он из тех, для кого самый сильный довод

против любого предложения — то, что оно исходит из уст родителей. А ей Инзор смотрит в рот. Поэтому я предлагаю пойти на хитрость. Давай позвоним Алеке, скажем, что не дозвонились до Инзора, и расскажем ей все. Должно сработать. Нам останется только ждать.

— Знаешь, я не ходок на такие хитрости. Давай сама.

На следующий день сын с невестой явились как штык к обеду. Уже по их внешнему виду было ясно, что Алека готова и бьет копытом, а Инзор пребывает в глубокой депрессивной задумчивости.

— Что тебя гложет, сын мой? — спросил Сэнк.

— Отец, я понимаю, что в экспедиции интересно, я понимаю, Алека хочет ехать, я понимаю, ей поездка полезна в профессиональном плане. Но у меня контракт!

— Ты не имеешь права расторгнуть контракт?

— Имею, но тогда я лишаюсь всех бонусов.

— Каких?

— Там их несколько, главный — прибавка к пенсии.

— Инзор, тебе 22 года, и ты уже печалишься о пенсии! Как не стыдно?! У тебя вся жизнь впереди, весь мир перед тобой, а ты — «надбавка к пенсии»! Да сто раз все еще изменится, ты еще много раз со смехом вспомнишь эту жалкую надбавку.

— И еще я ведь защитник родины, не солидно как-то рвать контракт.

— Ты можешь сказать, от кого ты родину защищаешь?

— Ну... От атлантических, арабийцев, да мало ли кто напасть на нас захочет.

— А они что, хотят? У нас тут медом намазано? Да они со своими делами разобраться не могут. Ага, тебя не будет, они сразу сюда попрутся? Инзор, не ломай стул! Да, я говорю неприятные вещи, но пойми: мы с мамой, со Стимом и Колой — тоже часть родины, причем такая часть, которой потребуются реальная защита, и не от воображаемого врага, а от реальной опасности. Мы не в туристический круиз собрались, мы поплывем через места, где живут не очень приветливые люди и на визы не смотрят. Ох, все-таки сломал стул! Ну что, вижу, полегчало. Завтра вечером соберемся все и обсудим маршрут.

— Эй, идите сюда! — закричал Стим из соседней комнаты. — Тут по телику про Прародителя говорят, что он и есть настоящий прародитель.

— Что-что? Сейчас...

— Все, уже кончилось. Выступал профессор Харонг — папа, ты вроде знаком с ним — и сказал, что Железный Посох Прародителя сделан из куска арматуры с развалин Асуанской ГЭС. В этих краях среди развалин нигде больше нет такой арматуры. Значит, он принес ее оттуда. Значит, Прародители самыми первыми пришли сюда из глубин Африки, скорее всего, приплыли по Нилу. Значит, Праотец с Праматерью не аллегорические, а настоящие! Мы их прямые потомки! И нет никаких свидетельств, что кто-то был здесь раньше их. И еще про Королеву-антилопу сказали, что она из их же компании, потому что ее антилопья корона сделана из обмотки трансформатора той же ГЭС. И браслеты другой женщины в соседнем склепе — из той же обмотки.

Сэнк кинулся к телефону.

— Дават, привет, тут по ящику только что тебя показывали, я не слышал, сын сказал. Да, насколько надежны эти факты? С арматурой сто процентов? Замечательно! Бутылочное донышко американское? Да, ни о чем не говорит. А не могли они совершить отсюда рейд... Еще одна арматурина в самом основании культурного слоя, правильно понял? Еще и изоляторы! Еще и датировка по кольцам! Да, похоже, действительно, пришли первыми. Знать бы, откуда! Может быть, и южнее, вплоть до Ганды. Давайте, замечательно, всей душой с вами. Меня, правда, больше заботит, что произошло 16 тысяч лет назад. Мы тут на юго-восточный язык собрались. Да, с грантом пролетели, за свой счет двигаем, не буду я больше у них побираться! Завтра у нас первое экспедиционное собрание. Приходи завтра к шести вечера, будешь трезвой головой, а потом и выпьем за ваш и наш успех.

Легли спать поздно. Перед тем, как заснуть, Сэнк предложил:

— Мана, давай сходим завтра с утра в Исторический музей к Прародителям. Хочу еще раз посмотреть, постоять рядом. Что-то мне стукнуло в голову, что у нас с ними много общего. Наверное, это глупость, фантазия, но почему-то захотелось.

Склеп Прародителей высечен в стене, которая 18 тысяч лет назад окружала Александрийский маяк. Потом эта стена стала частью укреплений арабской крепости, потом море ушло от бывшего маяка, его уцелевшие стены 13 тысяч лет служили жилищем ящериц и змей, а три тысячи лет назад сюда пришли люди и обосновались всерьез и надолго. Их поселение оказалось первым, всплывшим из мрака тринадцати тысяч лет. Конечно, если не считать живых реликтов — маленького племени на одном из Андаманских островов и двух племен, затерянных на островах небольшого Тихоокеанского архипелага. Эти племена, рекордсмены валютящего гомеостаза, пережили крах цивилизации, не заметив его, и дожили до новой цивилизации, никак не участвуя в ее появлении и тоже не заметив.

Тридцать лет назад склеп обнаружили при раскопках: в отрывной части стены нашли участок инородной кладки, вскрыли и обомлели. К чести властей Александрии, раскопки моментально взяли под охрану, древние стены со всем содержимым накрыли легким куполом, объект получил статус Исторического музея Александрийской республики.

Время захоронения Праотца точно установлено по кольцам земноморской сосны, из которой была сделана крепь склепа. Линейка колец александрийских сосен протянута аж на 7 тысяч лет назад! Дата захоронения — 2134 год до Земноморской Хартии. Праматерь, судя по дополнительным деревянным подпоркам, захоронена несколькими годами позже, возраст Праотца в момент смерти — 65–70 лет, Праматери — 70–75: настоящие патриархи по тем временам. Кроме останков, в склепе лежал ребристый железный прут метр с лишним длиной, судя по всему, изначально его держала правая рука Праотца. На его груди лежал кожаный мешочек, в нем находилось доньшко от стеклянной бутылки емкостью 0,75 литра. На поясе — сильно ношенный кожаный ремень и остатки дубленой туники. На ногах — великолепные сандалии с толстыми подошвами — хоть бери и надевай. На обоих сохранились остатки тканой одежды. Самая трогательная особенность захоронения — позы скелетов: Праотец лежит на спине, Праматерь — слева на боку, обнимая Праотца, прижавшись лбом к виску, положив колено на его бедро. Видимо, она завещала похоронить себя именно так.

— Слушай, они и правда чем-то похожи на нас. Ведь это наша любимая поза перед сном, вот так.

Мана обняла Сэнка точно так же — подняв колено, прижавшись лбом к виску, для чего ей пришлось встать на носок правой ноги.

— Ведь так, обнявшись, можно лежать сколько угодно, будто в другое пространство попадаешь, правда?!

— Правда. Только здесь люди, неудобно.

— Да ладно, люди. Они, эти люди, такие же, как мы, — Мана перешла на шепот. — Вон, оглянись, за нами молодая пара стоит в той же позе, видимо, с нас пример взяли. Слушай, а ведь когда первая находка костей, возвестившая о появлении нового человечества, — пара в ласковых объятиях, а не череп, пробитый топором врага, у этого человечества есть шанс, как считаешь?

— Ты у меня умница, надо же так подметить! Я еще вот что думаю: этому парню пришлось принять решение того же сорта, что и мне: бросить привычную жизнь и вырваться на свободу. Я подозреваю, что они ушли из племени. Ему было трудней, гораздо трудней: уйти насовсем с горсткой близких, бросить все, уйти в полную неизвестность. У нас — карты, знания, оборудование. У них — только надежда, надежда, что река не подведет и выведет, что неведомые чудовища обойдут стороной. Наш ареал — земной шар, их — пятачок в глубинах Африки. Прародитель хоть и ниже меня ростом, на самом деле сильнее и крепче.

— Ну, думаю, явись ты на свет в глубине Африки, все бы произошло ровно так же. Знаю я тебя. Ну и я бы за тобой потащилась — куда деваться. Ты учти, что и стимул там был сильнее — пустой нехоженый мир. А тут — всего лишь интересный ледник и надежда на сенсационные находки.

— Ты мне льстишь. Я вот о чем подумал. Ты не замечала за собой такой причуды: мысленно общаться с каким-то дорогим тебе умершим человеком, будто ты ему объясняешь, как все стало после него, приглашаешь посмотреть на мир через свои глаза, чтобы он порадовался?

— Еще как замечала! Я так частенько общаюсь с отцом с тех пор, как он умер. Рассказываю про его внуков, про своих подопечных детей.

— Знаешь, я возьму с собой в своей голове этого парня как еще одного члена команды, родственного духом. Его облик сложится сам собой. Будет воображаемый помощник капитана. Он, небось, мечтал бы о том, чтобы кто-то помог ему проложить путь еще дальше на север. Буду ему все мысленно рассказывать и объяснять. Я же его прямой далекий потомок!

— А как же его жена? Тогда я беру ее с собой в своей голове! Будет еще один член команды — воображаемый сменный врач. Я ведь тоже ее прямой потомок!

Дават Харонг пришел в шесть часов тридцать секунд. Еще тридцать секунд заняли приветствия. Длинный стол был накрыт современной картой Европы и Земноморья. Стим склонился над Верхним морем, Крамб измерял проливы между Нижним, Промежуточным и Зёмным морями, Сэнк сидел неподалеку в кресле, изучая географический справочник. Остальные хлопотали на кухне, весело болтая по ходу дела.

— Ну как, проложили маршрут? Показывай.

— Тут более-менее очевидно. Посудина у нас речная, плоскодонная. Значит, придется ползти вдоль побережья, чтобы успеть спрятаться в ближайшую гавань при штормовом прогнозе. Приличные гавани идут не реже, чем через шесть часов хода, так что вряд ли потонем. Огибаем Зёмное море с востока, потом вдоль Малой Азии на запад, вдоль нее же на север к проливам. По проливам и Промежуточному морю идем в Нижнее, оно же бывшее Черное.

— Какая скорость течения в проливах? Там же перепад 20 метров до Нижнего моря.

— По справочнику до 12 километров в час — хорошее течение. Но Крамб уверяет, что посудина легко выдаст 22 километра. Кстати, сегодня неплохо бы придумать для нее имя. А то все калоша да посудина! Ну и что с того, что корабль невелик и плоскодонен! Так или иначе Нижнее море огибаем с юга и востока. Так будет дальше, чем по западу и северу, но там больше цивилизации и легче укрыться. И уж очень хочется посмотреть на горы и лед Кавказа. Потом идем в Межморскую Волгу, На Римской карте этой реки нет вообще, на верхнеморском она называется Кумыч. По этой реке попадаем в Верхнее море, и вот тут самый волнующий момент — 500 километров моря без единой гавани — больше дня хода от ис-

тока Межморской Волги, до входа в губу основной Волги. Мелкое море с низкими берегами, пристать негде. Если начнется сильный шторм, будет плохо.

— А нет ли там окольного сухопутного пути для некоторых трусливых женщин? — спросила Кола, появившись в проеме между гостиной и кухней.

— Есть, но тогда возникнет проблема для некоторых трусливых мужчин — отпускать красивых женщин без охраны в тех краях страшновато, — ответил Крамб. Глупость глупостью, но Кола оценила ответ смущенной улыбкой.

— Потом после Верхнего моря идет Волжская губа, а в ее начале, где губа переходит в реку, стоит город — Ворота Севера. На Римской карте в том месте обозначен город Царицын. Там проштампуют паспорта и заставят подписать бумаги, извещающие, что ответственности за нашу безопасность севернее Ворот никто не несет и мы отказываемся от любых претензий к правоохранительным органам Верхнеморской республики. Там же — последняя заправка. Если сильно повезет, можно дозаправиться в Верхних воротах или Новой Самаре, но лучше на это не рассчитывать. Нам придется залить в баки 25 тонн натуральной солянки — в том числе на отопление и для генераторов. Это, как понимаете, весьма недешево. Но альтернатива лишь одна — плыть на дровах.

— Слушай, Сэнк, — вступил в разговор Дават, — считайте меня восьмым участником. Буду дежурить на подстраховке. Я знаю, где нанять гидросамолет, у меня есть тумбочка, откуда взять деньги. И еще есть помощники, которые сочтут за честь. Если чего-то не хватит, кто-то заболеет или если настолько повезет, что надо будет что-то срочно вывезти для консервации и обработки, — радируй, и все тебе будет. Полторы тонны чего угодно за рейс будут в вашем распоряжении в любое время.

— Спасибо тебе! Твое участие дает нам большой запас прочности. На чем я остановился? На заправке в Воротах Севера? Дальше — Новая Самара, форпост, где еще можно закупить продовольствие. Сразу за ней начинается настоящее путешествие с приключениями, слышишь, Стим! Цивилизация исчезает чуть выше Новой Самары, ее граница проходит по руинам гидростанции. Плотина разрушена не полностью, поэтому там надо карабкаться по внушительной

стремнине — скорость течения до 6 метров в секунду, в паводок — до 12 метров в секунду. Понятно, что регулярная навигация там и заканчивается. В дневниках Крага есть веселая глава, посвященная этой достопримечательности — ее героическому преодолению.

— Как понимаю, дальше живут те самые неприветливые аборигены?— спросил Инзор.

— Да, они — мигранты первой волны, охотники-оленоводы. Живут по старинке, торгуют через Новую Самару мехом и олениной, покупают ружья, лекарства, алкоголь. Пока никого не убили, но всячески демонстрируют свое недружелюбие к любым визитерам — выстраиваются на берегу с ружьями и каменными лицами, могут украсть то, что плохо лежит — по их понятиям это доблесть, а не грех. А что касается Волги, она сейчас самая мощная река Северного полушария и вторая в мире по годовому объему стока. Паводок на ней начинается в конце мая и продолжается, усиливаясь, все лето, а в августе достигает максимума. Хоть тресни, нужно проскочить до паводка — сэкономим много топлива. Особенно важно проскочить плотину за Новой Самарой сразу после ледохода — где-то в первой половине мая, иначе вообще не пройдем. Это обстоятельство и определяет время старта: конец марта следующего, 965 года. Сейчас конец сентября 964-го.

За Новой Самарой остаются еще две тысячи километров, которые между ледоходом и паводком проскочить не успеем — придется ползти против паводка. Путь от третьей плотины до ледника займет пару недель. В принципе, там нет вариантов — вверх по Волге, по ее северной ветви, которая раньше называлась Мологой, по развернутой вспять Мсте до Среднеледникового озера, а там уже можно искать стоянку, сообразуясь с эстетикой и рациональностью. Прибудем в конце мая. На озерах еще останется лед, но уже рыхлый, сквозь который наше судно легко пройдет. В тенистых местах еще будет лежать снег, будут бежать чистые весенние ручьи, цвести подснежники, распускаться березы. И повсюду будет ароматная прелая прошлогодняя брусника! Теперь, Крамб, твое слово.

— Что у нас есть. Речное судно с возможностью ограниченного выхода в море — использовалось для рейсов из Александрии в города Нила. Водоизмещение — 156 тонн, длина — 42 метра, максимальная ширина — 7 метров, осадка — от метра до полутора. Перенесло пожар, надстройки пришли в негодность, но состояние

корпуса хорошее, двигателя нет, палубных надстроек, включая рубку, нет. Борта высокие, может использоваться при волнении до пяти баллов. Что надо? Первое. Установить двигатель, шестьсот сил. Есть в наличии, б/у в хорошем состоянии. Второе. Смонтировать и оборудовать теплые жилые помещения с системой отопления. Третье. Смонтировать рубку и новую систему управления. Четвертое. Оборудовать трюмы, в том числе холодильную и морозильную камеры, теплый отсек, топливные емкости, лебедку. Пятое. Установить генератор, провести сеть.

Необходимый транспорт: два легких вездехода, две надувные лодки с подвесными моторами, три снегохода, лыжи для всех. Важное оборудование: коротковолновый передатчик, компрессор, дрели, перфораторы. Ни по срокам, ни по финансам особых проблем по реализации всего перечисленного не просматривается.

— А воздушный шар, неужели у нас не будет воздушного шара?! — воскликнула Алека.

— А зачем тебе воздушный шар?

— Как зачем?! Подняться и увидеть все то великолепие, что дядя Сэнк живописал, с высоты птичьего полета!

— Я думаю, будет намного проще, если прилетит Дават и прокатит на самолете. Дават, прилетишь, прокатишь?

— Куда же я денусь?! Я тут наслушался и пересмотрел свою роль: я буду не просто на подстраховке, я прилечу, даже если в том не будет нужды. Просто хочется. Ну и свежих фруктов привезу, заодно и центнер красного фаюмского вина захвачу.

— И будет у нас великий праздник! — ответил Сэнк. — А как все-таки назовем корабль? Без имени нет сущности. Без названия экспедиционного корабля нет экспедиции! Ваши предложения?

— «Александрия»!

— У нас уже есть Александрия на борту (Алека помахала руками над головой и раскланялась), кроме того воды Земного моря уже 30 лет бороздит круизный корабль «Александрия».

— «Северная звезда».

— В принципе, годится, но немного банально. Кстати, Кола, как называлась Северная звезда на древнеевропейских языках?

— На всех одинаково — Вега. Правда, тогда она не была такой северной.

— Хорошее название, звучит и интригует. Запомнили. Правда, хотелось бы чего-то более специфического, теснее связанного с целью экспедиции.

— «Волга».

— Боюсь, что суда с таким названием уже существуют там, куда мы направляемся.

— А как называется тот город, остатки которого мы будем искать на леднике? — спросил Стим.

— Санкт Петербург.

— Так давайте так и назовем корабль, только покороче: «Петербург».

— О! — сказала Кола. — В этом что-то есть. На северных диалектах Верхнеморского языка «петербург» созвучно с выражением «идем напролом»: *петар бурд* — грутально и звучно. Нас там будут уважать, они такое любят!

— Вот это мне нравится! И экспедицию так назовем. Представьте газетные заголовки: «Экспедиция „Петербург“ идет напролом!» Голосовать будем? Все согласны. Принято. Итак, с сего момента, 22 сентября 964 года 18:45, начинаем отсчет экспедиционного времени. А сейчас пожалуйста к столу!

— Как хорошо тут у тебя! — сказал Дават в разгаре банкета. — Только кажется мне, вы слишком круто взяли. Вас же всего двое настоящих бойцов. То, что сказал Крамб в нескольких фразах, на самом деле целая эпопея. Он все-таки погорячился насчет «проблем не просматривается». Мне эта кухня хорошо знакома — не одну экспедицию снаряжал. За полгода вам надо из пустого корыта, считай, построить уникальное экспедиционное судно и снарядить его. Может, стоило бы отложить на сезон?

— Дават, за полтора года мы точно с этим не справимся, скинем. А за полгода — сможем. Именно так — либо за полгода, либо никогда. Понимаешь?

— Понимаю. У разных людей разный стиль, разное дыхание.

— Ты веришь, что позавчера ни у меня, ни у Крамба и в мыслях ничего не было?

— Что же, бурный старт, только не сорвите дыхалку! Я буду переживать за вас.

7. За три с половиной моря

День 21 марта 965 года выдался на славу: легкий северный ветерок принес прохладу, солнце грело, но не жарило, в хвое припортовых сосен шумел птичий оркестр, видимо, в честь отлета на север. «Петербург» пришвартовался у пассажирского пирса, полностью снаряженный и загруженный. Крамб стоял у двери рубки, Сэнк, Мана и Стим — перед пирсом на краю пустой площади.

— А где остальные трое? Кстати, Дават тоже обещал проводить.

— Подожди, стоянка у пирса оплачена до двенадцати, еще 45 минут до отплытия.

Из-за ряда припортовых лавок вынырнуло такси с тремя недостающими членами экспедиции.

— А где толпы провожающих? — поинтересовалась Кола.

— А где оркестр с большими барабанами? — спросила Алека.

— Спросите еще, где фейерверк и большое начальство! — сказал Сэнк. — Вы у меня бросьте эти плебейские замашки! Экспедиция должна уходить интеллигентно — скромно и с достоинством.

Из-за лавок вынырнула машина с Даватом и тремя сотрудниками Института географии.

— Привет-привет, ну наконец-то, а то тут уже народ беспокоится из-за отсутствия толп провожающих с оркестром.

Дават лукаво улыбнулся.

Из-за лавок, как из-за кулис, выехал автобус. Из него вышел председатель Александрийского географического общества Нардиаб Каранд и два десятка его членов.

— Сейчас будем вас торжественно провожать! — заявил председатель, потирая руки. — Еще подождем чуть-чуть, пока народ под-

тягиается. Пока принесите, пожалуйста, из автобуса стремянку и мегафон.

Действительно из-за лавок и с набережной потянулся народ — сначала маленькими группами, потом непрерывным потоком. Площадь начала заполняться.

— Это что? — спросил Сэнк, кивнув в сторону площади.

— Это объявление по радио, — ответил Дават.

За лавками послышалось серьезное рычание. На площадь въехал большой грузовик с кузовом, накрытым брезентом. Народ расступился, пропустив грузовик в центр площади.

— А это еще что такое? — спросил Сэнк.

— Это не я, клянусь, не я, — ответил Дават, — это он! — Дават кивнул в сторону председателя.

Между тем площадь заполнилась почти до отказа. Председатель влез на стремянку и взял мегафон:

— Начинаем торжественные проводы экспедиции «Петербург». Прошу членов экспедиции подняться на борт и выстроиться на корме. Итак, мы провожаем в путь уникальную экспедицию, уникальную не только своей целью, своим замыслом, но и своим статусом. Чиновники от науки отказали Сэнку Дардиану в государственной поддержке. Но знаете ли вы, как переводится название экспедиции в краях, куда она направляется? «Иду напролом!» Вот что подходит Сэнку в качестве девиза всей жизни, уж не знаю, осознает ли он это сам. И сейчас вместо того, чтобы впасть в уныние, Сэнк пошел напролом: снарядил экспедицию на свои средства и средства друзей, приложил фантастическую энергию и энтузиазм, и вот экспедиционный корабль разводит пары. Мы все будем с нетерпением ждать результатов экспедиции, с надеждой, что они смогут пролить свет на главную тайну человечества, на причины краха прошлой цивилизации. Для укрепления нашей надежды мы передаем в дар экспедиции нашу скромную лепту от членов Общества (председатель достал из кармана пухлый конверт и передал его по цепочке на корабль). А теперь представим и поприветствуем каждого члена экспедиции по отдельности.

Глава экспедиции, капитан Сэнколин Дардиан, знаменитый географ, автор теории динамики ледниковых щитов, рассчитав-

ший трек юго-западного сектора европейского щита, что и определило цель экспедиции.

Главный инженер и менеджер экспедиции, старший помощник капитана Крамболиан Гурзон, мастер на все руки, воссоздавший этот корабль из пустого корпуса всего за полгода.

Врач экспедиции, преданная супруга капитана Маниова Банга, известная благотворительница, создательница и вдохновительница лучшего в Александрии детского дома.

Офицер, защитник и опора экспедиции Сторгинзор Дардиан. Профессиональный солдат с большой буквы, феноменальный стрелок, защитник отечества теперь будет защищать лучших сынов отечества вдали от родины.

Профессиональный археолог Александрия Акламанда, душа экспедиции, ибо что такое археологическая экспедиция без археолога?!

Анколина Дардиан, переводчик экспедиции, лингвист, знаток живых и мертвых языков — именно она первой поймет письма на артефактах древней цивилизации, именно на нее ляжет бремя контактов с хмурыми аборигенами.

Эстимьян Ардон, юнга экспедиции, сын героя-полярника Андара Ардона, навсегда ушедшего в белую мглу Арктики. Сын, будучи принят семьей Сэнка после безвременной смерти его матери, пошел по стопам обоих отцов, и, несомненно, этот смысленный упорный парень когда-нибудь пойдет дальше них.

А теперь снимите брезент!

Четыре человека в мгновение ока стянули брезент с кузова грузовика. А там в кузове четыре барабана — два огромных, два поменьше, четыре трубы, полутонный оркестровый колокол и семеро музыкантов! Только-только председатель крикнул дирижеру «Давай!», как издали послышались звуки полицейских сирен.

— Подождите-подождите, — сказал председатель. — Кажется, к нам кто-то еще...

Звуки сирен приблизились, за лавками возникло замешательство, оттуда показались пешие полицейские, призывающие народ расступиться, потом медленно выехал черный «шишковоз», далеко проехать не смог, остановился, и из задней двери вылез белобрый взъерошенный мэр Александрии.

— Подождите, дайте сказать,— кричал мэр, пробираясь к стремянке,— я только что узнал от пресс-службы... Дайте, пожалуйста, пройти.

— Извините,— сказал мэр, взобравшись на стремянку и получив мегафон, — мне только что сообщили о замечательном событии, мои помощники узнали о нем из прямого телевизионного репортажа с этого места двадцать минут назад. И вот я здесь, чтобы засвидетельствовать свое восхищение горсткой отважных исследователей, бросивших вызов северным ледникам и консервативным научным авторитетам. Я уполномочен предать также слова поддержки сотрудников мэрии, которые сейчас наблюдают за происходящим через телеэкраны. И сейчас прибудет еще один привет от мэрии (мэр достал из кармана радиопередатчик, приложил к уху), сейчас прибывает. Уж извините, чем он был заряжен, с тем и прибывает.

За лавками раздалось и стихло рычание серьезного транспорта.

— А теперь музыка! И отдать концы! — скомандовал мэр.

И грянул морской марш, с барабанами, трубами и полутонным колоколом. «Петербург»

медленно отчалил, стал разворачиваться по дуге, набирая ход, и тут из-за лавок загрохотали пушки, засветили снаряды и с оглушительным грохотом и ослепительными вспышками стали рваться в вышине над гаванью. Люди втянули головы в плечи и закричали «Ура!», солнечный свет померк, небо покрылось дымом, который освещался изнутри вспышками, как грозовая туча молниями, грохот, шипение, свист, треск, восторг. Наконец фейерверк стих,

люди на берегу вытянули головы из плеч и замахали руками, белыми шляпами, что-то кричали.

— Эй, Алека, Кола, зачем вы все этот тарарам накликали? Неужели нельзя было уплыть спокойно?

— Дядя Сэнк, клянусь, и в мыслях не держали, мы просто пошутили. А про фейерверк и большое начальство ты сам сказал.

— Ну и шуточки у вас... Ну да ладно, я видел, Инзор даже прослезился от этой церемонии. Может, и есть в ней какой-то смысл.

Скоро современная отстроенная Александрия осталась за кормой. Потянулся зеленый берег, а за ним, за длинным пологом подъемом стояли руины древней Александрии. Они тянулись в глубине берега еще час с лишним — где-то присыпанные песком, где-то заросшие лесом, где-то на свет выбивались монолитные бетонные колонны, лишь слегка подъеденные многими тысячами лет. Сэнк стоял за штурвалом и думал.

— Ты ведь видел эти развалины?— говорил про себя Сэнк, обращаясь к Праотцу. — Видел их почти такими же, когда шел от устья Нила. Что ты думал об их былых обитателях? Возникал ли у тебя тот же вопрос: куда они делись, что с ними случилось? Наверняка ведь возникал, ты же обладал таким же разумом и вообще был мне сродни — я прекрасно понимаю те чувства, те страсти, которые двигали тобой, которые выдернули тебя из африканских глубин. Они ведь точно те же... А как звучит твое имя? Звонко или гулко? Предположим, Зедонг, почему бы и нет? И гулко, и звонко. А ведь ты со спутниками наверняка шел вдоль берега через такие же сосны и можжевельник. Наверняка они тебе понравились — смотри, эти деревья и сейчас здесь, почти ничего не изменилось, только вода поднялась метра на четыре — на севере чуть потеплело, ледники подтаяли. Впрочем, ты ничего не знаешь про ледники...

Зедонг, вон впереди устье Нила, его мутный шлейф. Интересно, вы пришли вдоль Нила или приплыли по нему? Я бы на твоём месте сделал плот и приплыл, особенно если у тебя был такой друг, как Крамб. Интересно, вы находили человеческие кости? Наверняка находили, ими усеяна здешняя земля, костями погребенных и не погребенных... Ты ведь наверняка задавался вопросом: куда делись те, кто воздвиг пирамиды и города, ставшие руинами? И мы задаемся этим вопросом и не находим ответа. Вот такие дела, Зе-

донг. И куда мы, по твоему, плывем? На далекий север, о котором ты ничего не знаешь. И есть у нас цель, о которой мы не кричим: найти какую-нибудь подсказку, что случилось с нашими с тобой предками 16 тысяч лет назад. О, кажется Мана идет по лесенке, точно! Ну давай, как только будет что-то интересное, позову.

— Ну что, капитан, наговорился со своим воображаемым помощником?

— Ну, поговорил. Хотя не так уж много интересного я смог ему рассказать — нет у меня сегодня вдохновения. А что там команда внизу делает?

— Кола с Крамбом чирикают на корме. А остальные отсыпаются по каютам. В общем, сонная скука после бурных проводов.

— Все-таки интересно, зачем к нам мэр пожаловал, да еще впопыхах. Не ахти какие мы птицы по их понятиям.

— Он же сравнительно новый мэр, ему надо репутацию зарабатывать. А тут какое-никакое событие с прямым репортажем. Да еще такое романтическое: ученые идут в ледяную пасть Севера за свой счет. И предлог для эффектных кадров: мэр крупным планом под оркестр и пальбу, такое запомнится надолго. Но как он так быстро сообразил?

— А мне не жалко, пусть себе зарабатывает на нас репутацию. Вроде он пока ни в каких злодействах и откровенном свинстве замечен не был.

— Тут интересно другое. До сих пор ты из-за денег нуждался в чиновниках и научных начальниках. Как только ты плюнул на них — тут же они стали нуждаться в тебе. Еще увидишь, как чиновники от науки будут примазываться к вкусным результатам.

— Если таковые будут.

— Вот тут я не сомневаюсь. Я мало чего понимаю в гляциологии и археологии, но в тебе кое-что смыслю. Что-то берег пошел совсем унылый — песок да кусты.

— Часа через три проплывем развалины Порт-Саида, там когда-то начинался канал между океанами. Вот закончится ледниковый период, глядишь, опять прокопают. А часов через десять посреди ночи начнется курортный Восточный берег весь в огнях и набережных. Еще не сезон, но все равно красиво. За штурвалом будет Крамб,

а мы будем отсыпаться, но стоит встать и посмотреть на эту красоту. А пока посиди со мной, а то скучно и в сон клонит.

На третий день пути над легкой дымкой побережья встали снежные горы. Море было спокойным, прогноз хорошим, поэтому Крамб и сменивший его Сэнк вели корабль километрах в пятнадцати от берега, спрямляя путь. Ослепительный хребет, казалось, возвышался прямо над берегом: из-за низовой дымки перспектива как будто сплющилась — прибрежные города, холмы, отроги гор — все съела дымка, а горные снега сияли сквозь кристально чистый воздух.

— Ну что, Зедонг, вот мы проплываем колыбель прошлой цивилизации — восточное Земноморье. Наши с тобой далекие-далекие предки строили здесь города, крепости, дворцы и изобретали алфавит. Это было очень давно — почти двадцать тысяч лет назад. На их фоне ты мой близкий предок, почти современник. А ведь не вылез ты из первобытных саванн со своей арматуриной, так и нас бы не существовало! Ни этих городов, ни этого корабля, ни географов, ни археологов. Ни почти миллиарда жителей Земли. Были бы несколько зачуханных племен где-то в дебрях или на островах. Ну, может быть, через пару-тройку тысяч лет нашелся бы еще один такой вроде тебя, что решил бы вылезти на белый свет... А может, и не нашелся бы. Что там наши с тобой предки делали целых тринадцать тысяч лет? Накапливали мутации, восстановившие инстинкт древних первопроходцев? Ждали, пока он заиграет в полную силу? А если бы не восстановился, не заиграл? Видишь, Зедонг, от каких «мелочей» зависит будущее! На каком тоненьком волоске держится цивилизация! Биологи говорят, что и сама жизнь — результат цепочки невероятных приключений. Вот так!

Зедонг, а как тебе горы? Вряд ли тебя заносило в эти широты, видел ли ты вообще снег хоть раз в жизни? Смотри, как красиво! Но это еще не настоящее величие. Настоящее будет дней через десять. О, узнаю шаги Маны...

— Ну как ты тут? Любуешься горами вдвоем с воображаемым помощником?

— Присоединяйся! Я вот говорю, что этот вид еще ерунда по сравнению с тем, что нас ждет, когда будем проплывать мимо Кав-

казского хребта. Однако до того предстоит еще одно развлечение: проливы.

К Нижнему проливу «Петербург» подошел 28 марта. Вода при подходе к устью будто изменила цвет, яркая голубизна чуть поблекла, шипение за кормой чуть изменило тон — из пролива текла почти пресная вода. Корабль вел Крамб, встав на внеочередную вахту — он единственный ходил по нижнему течению Нила, столь же быстрому и переменчивому. Корабль шел по проливу тяжело и долго, кое-где покачиваясь на стоячих волнах, кое-где рыская из-за турбулентности. Инзор со Стимом в самых сложных местах сжимали кулаки и напрягались, будто пытаются помочь кораблю — точно так же мы напрягаемся, когда кто-то рядом с нами пытается приподнять тяжелое бревно, а ухватиться больше негде. «Петербург» одолел сорокакилометровый пролив за пять с половиной часов.

Промежуточное море пересекли за ночь и ранним утром вошли в Верхний пролив. И сразу же у входа во всем великолепии представили руины «Перекрестка цивилизаций», очищенные от зарослей, от тысячелетних наслоений, с потрохами отданные туристам. И чуть дальше — главное зрелище: остатки моста через пролив. Две широкие дороги, изломанные и волнообразные, огибая холмы вверх-вниз, уходили в воду. На каждом берегу по краям дороги стояло по паре острых бурых столбов — недоржавевшие остатки гигантских стальных пилонов — часовые, охраняющие остатки моста от расчистки, к счастью, так и не состоявшейся.

«Петербург» преодолел Верхний пролив за пару часов и вышел в светло-серое Нижнее море, потерявшее горизонт. Гладкая вода плавно переходила в белесую дымку, а та — в высокие слоистые облака. Все, кроме Крамба, несущего вахту, собрались в кают-компанию.

— Папа, а почему это море называется Нижним? Ведь Промежуточное ниже его, а Зёмное — самое низкое, как Мировой океан.

— Видимо, сначала называли Земное море, потом Промежуточное, а Нижнему дали имя в паре с Верхним. Исторически сложилось, как говорят в таких случаях. Кстати, Кола, откуда взялось название «Земное море»?

— Когда-то на древнем земноморском оно называлось Краеземным. Видимо, то название отражало впечатление первых выходцев

из Центральной Африки, что его южное побережье — край земли. Потом приставка отмерла из-за очевидной несостоятельности. Кстати, на древних языках море называлось «Средиземным». Действительно, море долгое время оставалось центром цивилизации, и название выжило в эпоху, когда море съехало на ее окраину.

Инзор, сняв наушники, сообщил:

— Поймал местный прогноз. На южном побережье Нижнего моря к вечеру усиление северо-западного ветра, волнение четыре балла. Через десять часов хода отличная гавань — Золдион. Придем туда около семи вечера. Предлагаю там спрятаться на ночь, а заодно и хорошо поужинать наконец-то. Хочется жареной свежевыволненной рыбы и чего-нибудь местного крепкого — больше ни о чем думать не могу!

К вечеру и вправду задул крепкий ветер, холодный и промозглый. Вся команда вышла на берег порта Золдион в толстых свитерах и штормовках. Листва здесь и не думала распускаться, на припортовой набережной — безлюдье, но искомые заведения были открыты и источали соблазнительные запахи. И в каждой из забегаловок — и жареная рыба разных сортов, и крепкие напитки.

— Как быстро мы приплыли на север! — заключила Кола, заказав себе на чистом местном наречии две порции рыбы (зря, как выяснилось на следующий день) и две дозы сливовицы. — Давно не попадала в такую холодину.

— Так сейчас же здесь ранняя весна, еще даже апрель не наступил. Это там у нас сезоны такие мягонькие, а здесь все куда серьезней, — ответил Сэнк.

— Весна идет на север, и мы плывем на север. Вопрос: кто кого обгоняет?

— Примерно нога в ногу. Но ты не расстраивайся, сегодня просто холодный день. И мы еще немного притормозим, чтобы дать весне выйти вперед.

Утро оказалось хмурым и ветреным. Инзор прилип к приемнику, надев наушники, Сэнк сообщил, что и без метеорологов видит, что северо-западный, четыре балла, ближе к пяти, чем к трем.

— Плыть можно, если по прогнозу не будет усиления, но как насчет морской болезни? Кто у нас слаб по этой части?

Оказалось, что никто не знает, слаб он или нет, — никто не плавал по морю в приличное волнение, даже Крамб. Инзор поймал прогноз и сообщил, что усиления не будет, наоборот, ветер ослабнет грядущей ночью, волнение к следующему утру уменьшится до трех баллов.

— Ну что, предлагаю плыть. Определим на опыте, насколько каждый подвержен морской болезни.

Самым слабым оказался могучий Крамб. Он было встал за штурвал, но не прошло и часа, как попросил Сэнка заменить его и ринулся в туалет. Потом весь серый явился в кают-компанию, сказав:

— Ну вот и убедился на опыте. Никогда бы не подумал.

— И я бы никогда не подумала, но, кажется, я тоже, — сказала Кола и ринулась из кают-компания.

Вскоре вернулась с лицом того же серого цвета.

— Ох, не могу, пойду к себе страдать, — сказал Крамб.

— Пойдем страдать вместе, — сказала Кола. И они ушли, шатаясь и держа друг за друга.

— Не запирайтесь! — я сейчас приготовлю пойло, которое иногда помогает, — крикнула вслед Мана, — но чаще, нет, — добавила вполголоса.

К ночи «Петербург» снова встал в гавани по требованию Маны — из чисто гуманистических соображений, как она выразилась. Когда утром снова вышли в море, успокоившееся до трех баллов, порозовевшие Крамб с Колой предстали перед командой, но от завтрака отказались. Вскоре в коридоре раздался стук и скрежет. Мана пошла взглянуть, что там происходит. Крамб тащил кровать из каюты Колы в свою.

— Никак наша экспедиция превращается из полусемейной в сугубо семейную, — съехидничала Мана.

— Мы страдали вместе, теперь будем вместе радоваться жизни! — ответила Кола.

«Петербург» продолжил свой путь вдоль южного побережья Нижнего моря — свинцовая вода, тяжелые облака, лежащие на заснеженных склонах прибрежных гор, небольшая качка. Что делать тем, кто не несет вахту и не открывает медовый месяц? Готовить обед, как Алека (сегодня свежие крабы с Золдионского рынка с сыром и оливками в винном соусе, а макароны с тушенкой пусть му-

жики готовят!)? Или ловить новости и прогноз на коротких и средних, как Инзор (плотная облачность, волнение три балла, главы Александрийской республики и Атлантического Союза подписали договор о коллективной безопасности)? Или обложиться книгами, как Стим? А может, просто смотреть через окно кают-компания на унылый простор и думать, как Мана?

— Ну что ж, Мать-Прародительница, мой Сэнк всю вахту проводит в общении с твоим мужем, а нам ведь тоже есть о чем поговорить. Как тебе без малого миллиард твоих прямых потомков? Как тебе мир, который они построили, — города, машины корабли? Конечно, твой муж вывел вас на свет, но потомство — оно же выехало на твоей спине! На спине твоих дочерей, внучек, воспитанниц. Жаль, что ты не увидела новый мир своими глазами, — это же твой триумф! Ты можешь себе представить, что такое миллиард? У меня вот не получается. Они всякие, твои потомки. Кто-то с придурью, кто-то с ленцой, кто-то малость спесив. Но в целом они неплохие и обустривают неплохой мир, мне он нравится. Уж не знаю, что получится потом, но пока из них вышел толк. А у меня вот мало потомков, пора бы уже и внукам появиться, да дети не спешат. Зато у меня есть двести детей, которым не повезло с родителями. Но чем они хуже родных? Они смотрят на меня, слушают меня, верят мне. Разве так важно передать черты лица, рост, цвет глаз? Важно передать душу. Ведь душа наследуется не через хромосомы, она передается, когда смотрят, слушают, верят. Сейчас я, уж прости меня, оставила детей на полтора года, но они под хорошим присмотром, а Сэнку нужна моя поддержка. Он же весь на пределе, на грани полного износа, и сам этого не осознает. Мягкие женские флюиды — лучшее средство от срыва. Твой ведь тоже, небось, был на пределе, когда вы выбирались из африканских задворков к морю. Ты ведь тоже хранила его, как могла. Ты ведь своего тоже любила! Я точно знаю это по тому, как вы лежите в склепе. Мы ведь так же лежим перед тем, как заснуть. Мне кажется, я многое унаследовала от тебя каким-то таинственным способом. Все-таки между нами больше ста поколений. Пойду-ка в рубку, Сэнк там, наверное, уже носом клюет — девятый час его вахты, как-никак.

Третьего апреля «Петербург» встал в устье реки, текущей с ледников Кавказского хребта. Южный и восточный берег Нижнего

моря остались позади, теперь предстояло плыть на северо-запад. Но корабль не сдвинулся с места ни четвертого, ни пятого апреля. Экспедиция остановилась совсем не по технической, а скорее по эстетической причине: сплошная низкая облачность закрывала Кавказский хребет, который все мечтали увидеть.

Все, включая Сэнка, видели его только на фотографиях, передающих лишь жалкое подобие сияющей реальности. Они не могли пропустить такое зрелище, не могли оставить его на обратный путь — на осень следующего года. Запас по времени оставался, поэтому решили ждать погоды. Инзор по три раза в день выуживал из эфира прогноз погоды и по три раза в день разочарованно качал головой.

Экипаж, однако, времени не терял. Днем все, кроме Крамба с Колой, невзирая на периодический дождь, делали далекие вылазки — перелески, пашни, зеленые озимые, недавно освободившиеся из-под снега. Небольшие деревни, хутора, дубы, клены, березы. Перелетные птицы на деревьях. Даже в столь мерзкую погоду — хорошо. На берег выгрузили оба вездехода, на них добрались до первых горных отрогов, покрытых еловым лесом. Двинулись дальше вдоль реки — в долину между отрогами, доехали до мрачного грозного ледника, который уходил в облака, а горы оставались в безнадежном тумане.

Вечерами сидели в кают-компании, смотрели фильмы под стрелот проектора или говорили. Много говорили, будто наверстывали недоговоренное за всю жизнь.

— Кажется, Инзор топает по трапу, интересно, с добычей?

Инзор ввалился в кают-компанию с тяжелой сумкой.

— Вот, десять килограммов парной свинины! Кто там мечтал о шашлыке?

— Все мечтали! Уже давно только об этом и мечтаем.

— Где подстрелил и почему?

— На хуторе. За тридцать патронов.

— Давайте жарить прямо сейчас на берегу, потом зажжем большой костер и будем прогонять облака! — предложила Алека.

— Как ты думаешь их прогонять? — поинтересовался Инзор.

— Да уж не сидеть у приемника часами на ловле прогноза, как ты. Будем танцевать, петь и бить в барабаны! Дядя Сэнк, придумай слова песни для разгона облаков!

— У нас разве есть барабаны?

— В хозяйстве Крамба есть толстое листовое железо, повесим лист у костра и будем бить в него.

Когда стемнело, развели огромный костер, Крамб приварил ушко к тяжелому железному листу, его подвесили к высокой треноге из жердей, и началось действо.

— *Эй, духи небес!* — запела Алека сильным грудным голосом. Все вздернули брови — никто, кроме Инзора, никогда не слышал ее пения.

— *Эй, духи небес!*

Эй, рулевые ветров,

Боссы воздушных масс!

И все хором, пританцовывая, двигаясь вокруг костра:

— *Хватит гнать эту хмарь!*

Хватит гнать эту хмарь!

Хватит гнать эту хмарь!

Крамб, раздетый до пояса, похожий на сказочного бога кузнецов, отбивал конец каждой фразы ударом кувалды по листу, отзывавшемуся гудением, от которого в трепете замирала вся округа.

— *Эй, духи небес!* — продолжала Алека. —

Эй, рулевые ветров!

Повелители изобар!

Требуем, наконец...

И все хором:

— *Ан-ти-циклона!*

Ан-ти-циклона!

Ан-ти-циклона!

Потом в том же духе про синее небо, солнце и весну. Потом просто сидели у костра, а перед сном Инзор все-таки прилип к приемнику, долго крутил ручку и наконец сообщил:

— Над югом Западной Сибири сформировался антициклон и движется на юго-запад, оттесняя циклон на юг. Через пару дней может оказаться здесь.

На следующий день с северо-запада неслась все та же низкая серая рвань. Зато через день облака остановились, поднялись и прояснели. И на утро еще через день, 9 апреля 1965 года, над Западным Кавказом открылась глубокая синева.

Крамб, вставший за штурвал, вывел корабль подальше в море. Остальные собрались на палубе, ежась от холода под утренним солнцем. Дождались! Большой Кавказ, ради которого торчали неделю в промозглости, явился во всем великолепии, да еще свежепобеленный! Только снизу по подошвам хребтов тянулась бесснежная темная буро-синеватая полоса. А выше и еловые леса, и горные луга, и скалы, и жирные ледники, заполнившие долины — все в пышном снегу предельной свежести, в снегу, который сыпал и сыпал из тяжелых толстых облаков, пока команда «Петербурга» убивала время в устье реки. Голубовато-белая зазубренная стена тянулась из конца в конец мира, перекрывая его половину. Белизна чуть нарушалась лишь на зубцах и острых гребнях, где обнажились розоватые скалы, на которых не смог удержаться снег. А из-за снежной стены выглядывал еще более снежный огромный двуглавый купол, гладкий и чистый, без единого изъяна.

У каждого был свой бинокль, но до биноклей дело дошло не скоро — члены команды пожирали всю ширь панорамы невооруженными глазами. Весеннее солнце начинало пригревать — все перешли на корму, спрятавшись от встречного ветра, сняли брезентовые куртки и удобно расположились, обеспечив себя завораживающим зрелищем на весь день.

Снизу под снежным царством кое-где у самой воды приютились небольшие оттаявшие пригревшиеся на солнце городишки.

Кола внимательно рассматривала в бинокль один из них:

— Никак, там есть гостиницы и пляжи — бр-р-р! Неужели тут кто-то купается?!

— Почему бы и нет? — ответил Сэнк. — В июле и августе вода немного прогревается, так что те, кто не любит толкучку на курортах, неплохо проводят здесь время.

Сэнк с Крамбом решили не останавливаться и идти всю ночь. На берегу зажглись огни, замерзшие путешественники разбредлись по каютам, а утром проснулись в устье огромной реки.

— Сейчас мы поплывем по дну бывшего мелкого моря, — объяснял Стим, досконально изучивший маршрут и замещавший Сэнка в роли гида, когда тот нес вахту. — Мы находимся в промежутке между Кавказским и Крымским хребтами. Когда-то здесь был пролив, где-то здесь должны быть остатки опор моста через пролив, но я ничего не вижу. Межморская Волга, чье местное название Кумыч, по которой мы плывем, в пятнадцать раз больше Нила по годовому стоку — она собирает воду с большей части восточноевропейской равнины, с части Южной Сибири и Средней Азии, с Восточного Кавказа и Иранского нагорья. Часть этой воды испаряется в Верхнем море, но бóльшая часть — вот она: справа по борту и слева по борту. Сейчас мы поплывем на северо-восток, потом резко повернем на юго-восток и дней через пять-шесть окажемся в Верхнем море. К сожалению, река протекает по плоской унылой местности, поэтому надо придумать коллективное развлечение дней на пять.

— Лекции! — предложил Инзор. — Пусть отец прочтет курс лекций про климат и ледяной щит, Алека расскажет что-нибудь про археологию, Кола научит нас верхнеморскому языку, а Крамб даст уроки электросварки. Мана пусть научит оказанию первой помощи.

— Ишь, всех трудоустроил, а сам-то? — съязвила Кола.

— Если надоест все время плыть и мы пристанем где-то в безлюдном месте, научу пользоваться автоматом и дам уроки стрельбы из гранатомета.

Стим оказался прав. План Инзора пришлось принять.

— Мы точно знаем одно, — рассказывала Алека, открывая свой курс лекций. — С прошлой цивилизацией случилось что-то ужасное между осенью 2226 года и весной 2227-го, настолько плохое, что она вскоре погибла. Спасибо деревьям за датировку!

— Но как определили дату с такой точностью? Ведь прошло шестнадцать тысяч лет! Ты же сама говорила, что радиоуглеродный метод может давать ошибку в тысячу лет и что линейка древесных колец не дотягивает и до 10 тысяч.

— Стим, молодец, хорошие вопросы задаешь, только лезешь поперед докладчика. Дело в том, что мы не знаем, когда произошла катастрофа по нашему летоисчислению. Примерно 16 тысяч лет

назад, а может быть все 17 тысяч. Но мы знаем, когда она произошла по их летоисчислению. А связать их летоисчисление с нашим мы не можем — ошибка получается лет 500.

— А откуда мы знаем точный год по их летоисчислению?

— Стим, представь себе: идет по шикарному природному парку приехавший издалека идиот, вандал, придурок, а в руке у него нож. И видит он шикарный вековой дуб. Что, по-твоему, сделает этот идиот?

— Метнет нож в дуб.

— Иной может и метнет, но тогда он лишь полупридурок. Полный — счистит кору и вырежет на дубе: «Здесь был Поль. 2195». И благодаря этому идиоту у нас появилось датированное годовое кольцо дуба. Дуб с проплешинной прожил еще 70 лет, потом свалился в болото и прекрасно сохранился в нем. Это только половина истории. А вторая половина — много деревьев были срублены после катастрофы на перекрытия землянок, на временные дома, построенные на скорую руку, причем по кольцам видно, что срублены в один и тот же год — люди спасались из городов и строили себе убежища. Осталось сопоставить кольца деревьев, срубленных беженцами, с кольцами дуба, изуродованного Полем и — о-ля-ля — вот вам и 2226 год или зима-весна 2227 года.

— А если бы тот вандал ошибся годом? Сама сказала, что он идиот.

— Вот, именно это беспокоило археологов. Пока не нашли один клен. Кола, как будет феминитив от слова «придурок»?

— Придурочка.

— Замечательно. Так вот, какая-то придурочка вырезала на клене: «Хочу счастья в новом 2219 году! Бетси». Все совпало.

— Но что все-таки произошло в этом 2226 году? Мировая война? — предположил Стим.

— Такой была первая гипотеза, но никаких следов большой войны нет, — ответил за докладчицу Сэнк. — Ни ядерной войны, ни обыкновенной. Все разрушения — дело пожаров и времени. Все свидетельства выглядят так, будто жители густонаселенных районов внезапно сошли с ума. Найдено много скелетов с множественными переломами, как от падения с большой высоты. Много автомобильных завалов на дорогах — как будто все ринулись из городов

и застряли. Среди останков машин немало человеческих костей. Что за катастрофа? Почему народ как будто рехнулся и самоуничтожился? Людей охватил некий ужас? Что могло привести к полной гибели человечества?

— Дядя Сэнк, но все-таки полная гибель случилась далеко не сразу. А как же новые поселения? С ветряками, паровыми электростанциями, добротными избами, ведь они до 2280-х строились.

— Ты права, Алека, тут столько вопросов. Почему те же самые новые поселения со временем загнулись, а не возродили цивилизацию? Что заставило их захиреть, хотя вокруг было полно инструментов, уцелевших механизмов, металлов?

Сэнк молча смотрел из-за штурвала на огромную невразумительную реку. Чахлые полоски деревьев по берегам, сухая холодная степь по сторонам, голые острова. Одна радость — норки береговушек в глинистых обрывах. Скоро пожалуют с Нила и внесут немного жизни...

— Кумыч дурацкий! — выругался Сэнк и позвал Крамба — пора читать лекцию.

— Вполне возможно, что оледенение началось с резкого потепления, — рассказывал Сэнк в кают-компании, пока Крамб вел корабль меж унылых берегов. — Это сейчас самая популярная гипотеза. Предполагают, что потепление вызвал человек, сжигая огромное количества ископаемого топлива. От этого в атмосфере накапливался парниковый углекислый газ, из-за чего средняя температура на Земле выросла на четыре градуса. Скорее всего, оледенение произошло бы и без потепления, но позже. Северный океан растаял, что вызвало грандиозные снегопады на севере Евразии и Америки, а теплое течение, гревшее Северную Европу, остановилось из-за опреснения Северной Атлантики — пресную воду обеспечил тающий Гренландский щит. Еще раньше вместе с человеком исчезла и антропогенная эмиссия парниковых газов. Оттаявший океан побелил Север, снега выпадало столько, что он не успевал растаять коротким летом — альбеда Земли выросло, нагрев уменьшился. Северный океан скоро замерз, но похолодание уже запустилось. Есть и другие гипотезы, но пока остановимся на этой.

И выросшее альbedo, и прекращение океанской циркуляции, и уменьшение парникового эффекта — все сработало в одну сторону, и потепление сменилось быстрым похолоданием. Сейчас теплое Атлантическое течение восстановилось и ледники отступают, Север немного потеплел, но до прекращения ледникового периода еще далеко.

Небольшая аудитория слегка приуныла, переводя взгляд с жизнерадостного лектора на печальный пустой пейзаж по берегам широкой реки, оживляемый лишь небольшими деревеньками. Солнце затянулось сплошными облаками, и мир окрасился в нечто серо-бурое.

— Не расстраивайтесь,— продолжил Сэнк,— нынешнее оледенение относительно скромное. Было дело — ледники доходили до этих широт, где мы сейчас плывем.

— Для археолога всякие там находки предметов и раскопки развалин сами по себе малоинтересны,— рассказывала Алека. — Важно, чтобы древность заговорила. Поэтому все охотятся за текстами. Какой материальный носитель текстов лучше всего выдерживает многие тысячи лет?

— Камень! — хором ответила аудитория.

— Правильно — камень и керамика. Именно поэтому первой заговорила самая древняя древность, когда было модно высекать тексты на камне и писать на глиняных табличках. Многие из этих текстов оказались в европейских музеях, из развалин которых и были откопаны в отличной сохранности. А вот музейные комментарии к этим текстам не сохранились — поскольку для них использовались менее архаичные носители — древние тексты пришлось расшифровывать заново.

Беда в том, что более поздние носители информации — телячья кожа и бумага — любимая пища многих видов бактерий. Единственный шанс для них пережить тысячелетия — крайняя сухость или холод. А где взять сухость, когда за прошедшие тысячелетия климат много раз менялся? Любой уголок мира в ту или иную эпоху был обильно полит дождями. Зато остались отпечатки несъе-

добной типографской краски на несъедобном бетоне. Остались зеркальные отпечатки газет, которыми кое-где оклеивали голые бетонные стены во второй половине XX века, и это главный клад — ценнейший исторический материал, по которому были восстановлены основные древние языки в их письменном виде, а также история XX века и в меньшей степени предшествующих веков. Из отпечатков газет мы знаем, что до конца XX века цивилизация была на подъеме — летали на Луну, делали всякую технику, которую мы еще не умеем делать, с придыханием писали о роскошном будущем.

Бетонных стен, как и наклеенных на них газет, существовало огромное количество. Конечно, сохранилась лишь небольшая их часть, там, где стены удачно сложились оклеенными сторонами вниз, избежав сырости и лишайников, но и малой части хватило, чтобы обеспечить хорошей работой тысячи историков и лингвистов. Кола, что скажешь?

— Что сказать? Спасибо Донсу Амполану, мир его праху! Случайно ведь обнаружил первый отпечаток — они же не видны без обработки! Без него бы я, наверное, стала учительницей атлантического. Правда, это лишь газетный язык. Сдается, что он сильно отличается от естественного языка, о чем можно судить по нынешним газетам.

— Вот! К сожалению, к концу XX века традиция оклеивать стены бумагой прервалась. Основным источником текстовой информации остались могильные памятники. По ним можно проследить демографию, смену традиций, статистику имен. Но самая песня — керамические фотографии на памятниках. Тысячи и тысячи портретов, такие симпатяги! Расовые и национальные типы, одежда, прически — все как живые, будто и не было между нами 16 тысяч лет.

— Алека,— спросил Инзор, выждав до конца доклада.— А не осталось ли каких-то надписей, нацарапанных на стенах при катастрофе? Ведь есть же примеры из недавнего прошлого, когда солдаты писали: «Истекаю кровью, прощайте...» Если люди умирали в своих домах, неужели никто ничего не вырезал на стенах?

— Есть, но только единичные случаи. 16 тысяч лет — не шутка, там же потом все горело и рушилось. Я слышала про три таких на-

ходки. В двух из трех упоминается тьма «умираю во тьме», «ничего не видно, это конец».

— Может быть, люди внезапно ослепли? — предположил Стим.

Все промолчали, поскольку сказать было нечего.

— Верхнеморские языки отделились от земноморских всего лишь две с половиной тысячи лет назад, — рассказывала Кола. — Однако развитие языков шло с такой скоростью, что между этими двумя группами не осталось почти ничего общего. Так что придется осваивать верхнеморский с чистого листа. Как понимаю, у нас еще почти две недели в запасе. Сегодня учим первые сто слов и десять фраз. Итак, вот список слов. Начнем с важнейших фраз: «Как пройти к рынку? Сколько стоит эта рыба?»

— Европейский ледниковый щит потек около 10 тысяч лет назад, — продолжал свой цикл Сэнк, — когда лед на скандинавских горах потолстел до полутора-двух километров. Его язык двигался медленно — 70–100 метров в год, а нижний слой еще медленней. Сейчас лед продолжает двигаться, но язык тает быстрее, поэтому ледник отступает метров на 50–100 в год, оставляя все, что принес собой, в виде моренных отложений. Среди них могут быть и артефакты. Насколько я уверен, что мы найдем обломки города? Как всегда, шансы пятьдесят на пятьдесят — либо найдем, либо не найдем. Но мы же оптимисты, поэтому давайте готовиться к тому, что на нас свалится огромное количество тяжелой работы.

Артефакты Петербурга могут оказаться в двух средах: в морене, если они уже оттаяли, и во льду, если еще нет. В морене можно без труда обнаружить, например, танк. Нас интересуют танки? Правильно, нас интересуют гораздо более тонкие и хлипкие вещи: носители информации. При попадании в морену они исчезают почти мгновенно, особенно бумага. Бумагу и диски есть шанс найти и спасти, пока они не оттаяли. Нам предстоит научиться их находить и доставать.

Время хоть и кое-как, но шло, спасибо лекциям и урокам, включая электросварку и стрельбу из гранатометов на пустынном степном берегу. Наконец корабль подошел к истоку Межморской Волги, откуда предстояло плыть пятьсот километров по открытому морю

до Волжской губы вдали от берегов, мелких и болотистых. Прогноз был так-сяк: ветер северо-западный, волнение четыре балла, видимость два километра. Решили плыть, дождались раннего утра 17 апреля и вышли в пустоту: ни неба, ни берегов, лишь серое пространство и свинцовые волны. Крамб выдержал первые пять часов вахты, что с его стороны стало подвигом — он дал Сэнку как следует выспаться и ушел страдать от морской болезни вместе с Колой. Сэнк, ведя судно сквозь серую муть по гирокомпасу, вновь обратился к Праотцу:

— Ну что, Зедонг, небось, не плавал в таком молоке? Нил-то, он повеселей. Хотя приключений на твою голову, наверное, выпало побольше. А как вы, сколько вас там было, нерасчищенную Асуанскую плотину проскакивали? Плот ведь не обнесешь по берегу. А развалины Фив видели? А пирамиды? Я все-таки завидую тебе. Я их тоже видел, но сначала мне рассказали про них в школе — все уши прожужжали. Когда неожиданно встречаешь такое, сердце должно прыгать выше плеч. Но я бы больше поразился руинам Асуанской гидростанции. Собственно, я им и так поразился, когда увидел впервые. Так и веет от них поверженной истлевшей мощью. Да и от руин Александрии веет тем же самым. А уж про бетонные иглы, оставшиеся от небоскребов Дубая, и не говорю — мурашки по коже. А вот пирамиды невыразительны. Ничем, кроме огромных толп потных рабочих от них не веет.

Ты знаешь, Зедонг, ведь та прошлая мощь истлела или подгнила раньше, чем рухнула. Иначе, что бы там ни произошло, человечество тут же возродилось бы, отстроилось заново. Какими же хрупкими или гнилыми должны быть ноги цивилизации, если она рухнула в одночасье! Что подточило ее бывшее могущество в XXII и начале XXIII века того летоисчисления? И ведь во всех доступных документах, во всех этих отпечатках газет на бетоне — ни малейшего намека на грядущую болезнь! Зедонг, нам как воздух нужны более поздние тексты! Мы не найдем ключ к разгадке, но мы должны найти, научиться искать поздние документы в любом виде. В каком? В замороженном! Единственная надежда — на холод. Книги должны были сохраниться во льду, только они, и никакие магнитные носители. Эх, Зедонг, ты ведь не можешь этого понять, что-то меня понесло не в ту сторону.

Пожалуй, сегодня самая тяжелая вахта — ведешь эту посудину в колеблющейся пустоте, то и дело начинает что-то мерещиться. Ты мне невольно помогаешь: говорю — и мозг работает, глюки рассеиваются. Скоро, наверное, Мана придет, кофе принесет. Она меня всегда выручает: как придет — сразу теплеет на душе. Твоя, небось, тоже о тебе заботилась изо всех сил. О, Мана, легка на помине!

— Ну как, белые ангелочки тут у тебя еще не порхают?

— Почти что начали, было дело, но вот о серьезных вещах задумался — и разлетелись в туман как голуби.

— Выпей кофе, а я, пожалуй, подежурю тут с тобой. А то ангелочки вернутся — злющие и зубастые.

Мана оскалилась и изобразила пальцами страшные когти.

— Да, пока ты здесь, эти твари точно не вернутся. Садись поближе, мне одной руки для штурвала хватит. Сейчас только с сыном свяжусь. Инзор, возьми пеленг радиомаяков, дай координаты — не снесло ли к востоку, — распорядился Сэнк по громкой связи.

Начало темнеть, Сэнк включил прожектор. В его свете волны стали казаться больше, а барашки — яростней.

— Осталось ночь продержаться — утром войдем в Губу, там Крамб очухается и меня сменит.

— Значит, вместе держаться будем. Жаль, я не понимаю, в какую сторону штурвал крутить, а то бы постояла за тебя.

— Слушай, принеси из каюты книгу Крага про Волгу, почитай вслух — хочу освежить в памяти.

Мана вернулась вместе со Стимом, сразу вслед за ними в рубку поднялась Алека, а за ней и Инзор с новыми координатами, записанными на листке бумаги, — собрался весь способный держаться на ногах экипаж.

— Какую главу читать?

— Давай про плотины гидростанций.

— Хорошо: *«Все без исключения волжские плотины прорваны одинаковым образом: через шлюзовые каналы. По-видимому, ворота шлюзов оказались самым слабым местом. Когда они разрушились из-за коррозии, хлынувшая вода быстро смыла борта шлюзов и промывала в земляных насыпях широкие русла со спокойным течением»*. Правильно? Это место ты хотел послушать?

— Да, продолжай.

— «Более сложный случай — третья по счету волжская плотина выше Новой Самары. Там прорыв тоже произошел по шлюзовому каналу, но поток оказался зажат между прочной водосливной плотинной из монолитного бетона и крупным городом с обилием бетонных зданий и дорожных развязок. Обрушившиеся бетонные конструкции укрепили берег, и река не смогла промыть широкое русло. Поэтому протока через третью плотину отличается небольшой шириной, большой глубиной и буйным течением. Данное обстоятельство препятствует регулярной навигации выше Новой Самары: для коммерческих судов протока проходима снизу вверх только в узком временном окне между ледоходом и паводком, продолжающимся все лето, и в аналогичном окне между концом паводка и ледоставом. Четвертая, пятая и шестая волжские плотины смыты практически полностью...»

— А у нас разве коммерческое судно? — перебил чтение Стим.

— Самое, что ни на есть, — ответил Сэнк. — «Петербург» — бывший типовой пассажирский корабль, предназначенный для речной и ограниченной каботажной навигации. Послушаем дальше. Мана, продолжай.

— «Мы со своим „Морским коньком“ хлебнули лиха при пересечении створа третьей плотины. Когда мы арендовали его в Воротах Севера, нам сказали, что у него мотор триста сил на пятьдесят тонн водоизмещения, что „Конек“ проскочит створ, не поперхнувшись. Может быть, там когда-то и было триста сил. Но створ мы не одолели. Перед нами встал выбор: с честью отступить или с позором преодолеть. Мы выбрали позор. Вернулись в Новую Самару и зафрахтовали пятнадцать легких быстрых лодок с подвесными моторами. Соорудили упряжку веером... Это было стыдно, но они нас вытащили».

— А можно, я немного поведу корабль? Я внимательно смотрел, как ты ведешь его по волнам, и все понял.

— Ну попробуй, — ответил Сэнк, почесав в затылке. — Только я буду стоять за твоей спиной.

— Правильно реагируешь на волны, только увел на десять градусов влево, смотри на гирокомпас, — резюмировал Сэнк через пять минут.

— Папа, поспи хоть чуть-чуть. Я буду вести, а Инзор будет следить за курсом. Неужели ты думаешь, что мы вдвоем не справимся?

— Хорошо, разбудите меня через пятнадцать минут.

Сэнк проспал час, сидя на откидном стуле, положив голову на стол. Проснувшись свежим и бодрым, потребовал немедленно взять пеленг. После чего все остальные один за другим заснули прямо в рубке: Мана — на откидном стуле, Стим — на верхних ступеньках лестницы, Инзор — сидя на полу, прислонившись к стене, Алека — поверх Инзора. Все немного ерзали вправо-влево в такт качке, но спали крепко и сладко.

Ранним утром вахту принял оклемавшийся Крамб, а слева по борту появился отчетливый надежный берег, вскоре далеко справа показался и второй. Это была Волжская губа.

8. Холодная река

Ворота Севера, город с почти сотысячным населением, стоял на правом берегу Волги, вытянувшись на десять километров вдоль берега. Основу архитектуры города составляли темные сосновые, еловые, лиственничные срубы от двух до пяти этажей с красными черепичными крышами. В результате город выглядел немного литературным, его облик гармонировал с названием: именно такими изображались северные города в книжных иллюстрациях. Правда, основное население обитало на задворках за речным фасадом города в тривиальных кирпичных пятиэтажных домах.

Несмотря на недельную стоянку, «Петербург» шел с опережением графика, рискуя столкнуться с суровым ледоходом на средней Волге. Поэтому решили отсидеться здесь до конца апреля — пополнить запасы на полтора года вперед и почистить перышки. Для начала стоило пройти все таможенные процедуры — мало ли что.

Пожилой инспектор, прекрасно говорящий на земноморском, долго лазил по кораблю:

— Где тут у вас скрытая проводка? Нет, говорите? А емкости для горючего алюминизированы?

Наконец инспектор признался Сэнку с Крамбом:

— Все в порядке, нарушений нет... Я не понимаю, как это вам удалось, редчайший случай.

— Мы читали инструкции и выполняли их, — ответил Крамб.

— Но это нечестно! Знаете, какая у нас, инспекторов, зарплата в этой дыре?

— Понимаем, но все-таки ваша зарплата — не наша проблема.

— Слушайте, а почему у вас на борту нет бани?

— Мы как-то не привыкли, баня — не наша традиция.

— Знаете, все бывалые географы, археологи, охотники, плывущие на север, имеют на борту баню. Она запрещена правилами пожарной безопасности. Конечно, дурацкие правила, но мы входим в положение всего за сотню — баня в тех краях действительно нужна. Я предлагаю следующую сделку: я объясняю вам, как сделать баню на борту, не нарушая реальных правил пожарной безопасности, объясняю, где купить нужные материалы и печь, как вывести трубу, а вы поощряете меня той самой сотней, в которую включено и последующее вхождение в положение. Поверьте, это хорошая сделка. Вы еще не раз помянете меня добрым словом.

Командование было отнеслось к предложению равнодушно, но...

— Баня! Это же песня! — возбужденно доказывала Алека, размахивая руками. — Шипение воды на раскаленных камнях! Пар, пробирающий до костей, душистые веники! А потом — бултых в ледяную воду! Древние источники будоражат душу описанием банных процедур — я всю жизнь мечтала попробовать.

— Пожалуй, баня будет хоть какой-то компенсацией за постоянную промозглость, — поддержала Кола.

— Ну ладно, вроде у нас есть место в носовой части трюма, — согласился Сэнк.

Инспектор сдержал свое слово: дал точные адреса, где купить печь, осину для облицовки, утеплитель и железо для внешней обшивки в соответствии с реальными правилами пожарной безопасности, и тут же подписал все таможенные документы.

Крамб с помощниками соорудили баню за четыре дня, на пятый день успешно опробовали всем экипажем с окунанием рычащих мужчин и визжащей Алеки в ледяную волжскую воду. На седьмой день «Петербург», заправленный и загруженный всеми видами припасов, включая четыре кубометра березовых дров для бани, вошел на территорию Севера через широкие ворота, пробитые рекой в плотине древней гидростанции, руины которой остались слева по борту.

Все-таки лед по реке еще шел, но уже достаточно рыхлый, так что каждая встреча с льдиной отзывалась лишь мягким ударом и шипением рассыпающихся ледяных «карандашей». Через несколько дней экспедиция прибыла в Новую Самару — форпост цивилиза-

ции — те же бревенчатые дома с красными крышами, только жили здесь всего десять тысяч человек. Смотреть там оказалось особо нечего, покупать — тоже.

А за Новой Самарой, когда Волга повернула на запад, по правому берегу пошли небольшие, но симпатичные горы: снизу ельники, сверху — березовое криволесье, в распадках — снежники, кое-где по отрогам — отвесные известняковые скалы. Наконец впереди показалась древняя плотина, вставшая поперек реки. Та самая третья плотина. Проход через нее виднелся справа по ходу у левого берега. Слева от прохода стояла былая водосливная плотина — мощная бетонная стена с контрфорсами, справа — крутой берег, издали казавшийся скалистым, на самом деле — заваленный разнообразными бетонными конструкциями, обточенными паводковыми водами. Протока между ними с виду не сулила никаких проблем.

Сэнк с Крамбом, посоветовавшись, решили проходить ворота сходу. Все-таки «Петербург» сильнее «Морского конька». Напролом — так напролом! Еще за километр до плотины стало ясно, что проблема все-таки есть — корабль еле полз относительно берега: течение лишь немного уступало ходу «Петербурга». В конце концов он дополз до створа плотины и остановился. Крамб попробовал прижать корабль ближе к левому берегу, но нос отшвырнуло отбойным течением; Крамб сделал вторую попытку — корабль стало мотать по сторонам, пришлось увести его подальше от берега и сдаться.

Пришвартовались к правому берегу в километре под плотинной. Некоторое время все молчали.

— Совсем чуть-чуть не хватило ходу! — прервал молчание Крамб. Все посмотрели на Сэнка.

— Я немного боялся этого, но был почти уверен, что пройдем. Может быть, мы упустили время, и паводок уже начался? Хотя еще начало мая, не должен. Или просто такой год выдался — ранняя высокая вода. Дальше будет только хуже: вода будет прибывать, течение — усиливаться. Первый раз в жизни я допускаю такой промах. Ведь можно было найти двигатель посильней, черт с ними, с деньгами! Идиот!

— Сэнк, жизнь всегда преподносит сюрпризы и всегда разные. Ты опирался на отчеты прошлых экспедиций и сделал все правильно. Не надо клясть себя! — ответил Крамб.

— Ну что, выбираем позор? — спросил Сэнк. — Возвращаемся в Новую Самару и собираем стаю в тридцать моторок?

— Только через мой труп! — ответил Крамб.

— Крамб, я понимаю твои чувства, но не пройдем мы без позора.

— Папа, пройдем! — неожиданно вскричал Стим.

— Как? — грустно спросил Сэнк.

— Ведь был встречный ветер, я только сейчас понял: когда корабль остановился, встречный ветер был точно такой же, как если бы он плыл. Никто не обратил на это внимания, и я тоже поначалу — ведь всегда, когда плывем, есть встречный ветер. Смотрите, даже здесь есть легкий ветерок с запада, а там, в воротах, он должен быть намного сильнее.

— А ведь точно! Парусность у «Петербурга» приличная. Попробовать дожидаться смены ветра?

— Конечно! — опять вскричал Стим. — Да еще парус надо сделать — при попутном ветре точно пройдем!

— Парус хорошо бы, да не из чего.

— Есть из чего! — в третий раз вскричал Стим. — Вон сосняк на том берегу. Взять сосну и поставить на растяжках, да еще ткани какой-нибудь на ветки!

Сосну водрузили в тот же день, укрепив на верхней палубе сразу за рубкой. Инзор стал ловить прогноз. Глобальный прогноз на земноморском, как оказалось, не покрывал далекий север, пришлось ловить местный верхнеморский прогноз, который включал Новую Самару. Теперь Инзор дежурил у приемника вместе с Колой, поскольку сам не понимал по-верхнеморски почти ни слова.

Коротая время в ожидании ветра, Сэнк со Стимом и Алекой совершили вылазку на правый берег к развалинам гидростанции. Они поднялись на безлесный, поросший мхом и вереском отрог ближайшей горы. Руины сверху предстали как на ладони. Бетонный хаос, поросший ивняком и березняком. Остатки стен машинного зала протянулись на многие сотни метров — зубы, торчащие меж былых оконных проемов. Березовая роща в машинном зале подернулась легкой зеленью, но оставалась прозрачной, за ней виднелись остатки противоположной стены, поверженные истлевшие опоры электропередач, груды ржавчины, оставшиеся от рухнувших козловых кранов.

— Грандиоз! — произнесла Алека полупрошептом.

В долине недалеко от разрушенной гидростанции, у подножья противоположной горы приютилась живая деревня с самой настоящей ветряной мельницей. А дальше — опять следы развалин. Конечно, здесь был город, небольшой, но, видимо, уютный и приятный — разве город в такой красивой долине может быть неприятным?! Когда Сэнк с Алекой и Стимом прошли по гребню горы на ее другую сторону, они увидели, что долина идет подковой, огибая гору, и также выходит к Волге своим другим рукавом. Остатки древнего города виднелись по всей долине. А гора оказалась «съеденной» на одну треть: они уперлись в почти отвесный обрыв известнякового карьера — за карьером стоял огрызок той же горы. Далеко внизу на дне карьера распласталось светло-зеленое болотце, уступы поросли чахлым березняком и редкими сосенками.

— Хорошее место было когда-то, — сказал Сэнк. — Стим, наверное, можно позавидовать твоим сверстникам, жившим этом городе 16 тысяч лет назад в теплую эпоху. Великая река, уютная долина, могучая гидростанция, огромные карьеры, где можно лазить, плотина водохранилища — представь разлив выше плотины — какая там была красота! Не то, что у нас, — только море, да большой шумный город на плоском месте.

— А что, я готов переселиться сюда. Сделаем новый форпост для изучения Севера. Построим аэродром.

— О! — поддержала Алека. — Еще построим шлюз и будем брать плату с проходящих судов.

— Но сначала надо сюда тепло провести, ну или конца ледникового периода дожждаться, а то не потянутся корабли через шлюз. Что им делать в холодной тайге?

— Дождемся, мы терпеливые.

— Сначала нужно дожждаться восточного ветра, а там посмотрим.

Восточного ветра дожидались три дня: шесть метров в секунду, порывы до десяти. «Петербург» с торчащей сосной, на ветвях которой была растянута брезентовая палатка, выглядел нелепо и жалко. На левом берегу оказался сторонний наблюдатель — местный человек, шедший по своим делам. Глядя на отчаливающий «Петербург», он покрутил пальцем у виска. А когда корабль поплыл и начал раскачиваться вместе с сосной, человек произнес:

— Ну и идиоты!

Действительно, поперечные растяжки держали неважно и со-
сну при порывах ветра изрядно болтало, но «Петербург» доволь-
но весело пошел против течения. В створе плотины он замедлился,
но продолжал двигаться рывками, немного рыская и раскачива-
ясь — человек на берегу сжал кулаки, стиснул зубы весь в пережи-
вании — чем кончится дело. Наконец странный корабль преодолел
створ и пошел быстрее, окончательно победив стремнину.

— Ишь ты! — сказал человек и пошел дальше по своим делам.

«Петербург» шел на север в ногу с весной. Навстречу плыли ред-
кие рыхлые льдины, прибрежные рощи чуть-чуть подернулись зе-
леной дымкой. И так на протяжении полутора тысяч километров.
Тайга становилась жиже, ели, березы и сосны — ниже, жилье на
берегу, в отличие от следов развалин, попадалось все реже, дома
становились все приземистей. Зато следы древних городов попа-
дались постоянно: то бетонные плиты торчат из подмытого берега,
то между елок высовывается угол обрушенного дома, то целая кре-
постная стена маячит на вересковом косогоре.

Люди на берегу, потомки давних переселенцев из Земноморья,
хоть изредка, но все-таки попадались. Они не проявляли никакой
агрессии, скорее выражали полное равнодушие — бросив взгляд на
корабль, продолжали заниматься своим делом — примерно так же
народ встречает суда на Ниле — чего там смотреть, когда они про-
ходят раз в пять минут. Но здесь-то корабли попадают раз в ме-
сяц! А один раз на берег выбежал возбужденный человек с ружьем,
стал кричать, махать руками, выстрелил вверх из ружья.

Крамб, стоявший у штурвала, сбавил ход и повернул корабль
к берегу, Инзор на всякий случай приготовил пулемет и светошу-
мовые гранаты. Когда подошли ближе, на берегу появились еще
трое — двое мужчин и женщина. Один из мужчин и женщина дер-
жали детей, укрытых одеялами.

— Они кричат про больных девочек, — сказала Кола.

«Петербург» мягко ткнулся носом в берег. Сэнк с Колой вышли
на нос.

— Спроси, в чем дело.

— Они говорят, что девочки больны, и просят, чтобы мы их вы-
лечили.

— Инзор, спусти трап, пусть поднимутся с девочками на борт. Мана, иди сюда!

— Ой-ой-ой,— сказала Мана, осмотрев девочек.— Цинга, рахит, педикулез, у одной острое респираторное заболевание, у другой — подозрение на воспаление легких. О кожных болячках я уж и не говорю.

— Спроси, чьи это девочки.

— Мужчина говорит, что его. Он купил их у кочевых сибирских торговцев.

— Ого, тут работоторговля процветает! Спроси, за сколько купил.

— За двуствольное ружье.

— Девочек надо забрать во что бы то ни стало. У них не выживут.

— Предложи ему продать их за два двуствольных ружья, скажи, что у них они помрут, мы не сможем их вылечить в один присест.

Мужчина явно озадачился и стал совещаться с остальными. Подошла Алека, внимательно посмотрела на девочек, да так и застыла с открытым ртом. Затем полушепотом произнесла:

— Они монголоиды. Ярко выраженные. Монголоиды, полностью исчезнувшие с лица земли... Если мы сейчас же повернем назад с этими девочками, наша экспедиция уже войдет в историю.

— Он требует три двуствольных ружья.

— Это тот случай, когда нельзя уступать не торгуясь. Предложи два двуствольных и одно одноствольное.

Сделка состоялась.

Когда «Петербург» отчалил, на берегу раздался шум, стрельба в сторону корабля — видимо народ захотел пересмотреть сделку. Инзор послал ответ в виде двух светошумовых гранат, разорвавшихся по сторонам. Люди на берегу упали ничком, затем бесшумно поднялись и разбрелись.

— Откуда они? — размышлял вслух Сэнк. — Какое-то затерянное монголоидное племя до сих пор живет где-то в Азии? Полудикие работоторговцы добрались до этого племени раньше, чем исследователи? Их ведь должно быть немало, если они пережили в изоляции 16 тысяч лет, сохранив фенотип. Мы-то не сохранили никаких признаков древних рас. Алека, что скажешь?

— Говорят, наши далекие предки были гибридом негроидов и европеоидов, но мы — совершенно новая раса. Ни одна из древних рас не сохранилась. Так думали до сегодняшнего дня.

На палубу вышла Мана.

— Первую медицинскую помощь оказала, покормила. Девочкам на вид около четырех, хотя подозреваю, что на самом деле больше. Не говорят ни на одном языке, на попытку общения и просто на улыбку не реагируют. Видимо, находятся в глубоком стрессе. Пошла заниматься пациентками, прощайте, друзья: эти девочки на первых порах потребуют полной занятости.

Через неделю, 20 мая, Мана привела девочек в кают-компанию. Они выглядели гораздо лучше, но были немного напуганы.

— О, наши генетические сокровища идут на поправку! — отреагировала Кола.

— А можно посадить вот эту на колени? — спросила Алека.

— А мне эту! — добавила Кола.

Через пять минут девочки заулыбались.

— Как тебя зовут? — спросила Кола девочку, сидевшую у нее на коленях.

— Лема.

— А тебя как зовут? — спросила Алека другую девочку.

— Кана.

— Это кто? — спросила Алека, показав на Ману.

— Мама, — ответила девочка.

23 мая «Петербург» подошел к большой развилке, где сливались три широких Волги: Правая, Центральная и Левая. Они примерно соответствовали древним рекам Волга, Молóга, Шексна́, но были гораздо полноводней. По расчетам Сэнка, Центральная Волга была самой перспективной для поисков артефактов Санкт-Петербурга. Вскоре корабль достиг свежих моренных отложений, уже поросших чахлым лесом и пышным мхом. Центральная Волга начала дробиться на рукава. Сэнк, ориентируясь по аэрофотосъемке двадцатилетней давности, вел корабль к длинному безымянному озеру, доходившему прямо до ледника. 25 мая корабль вошел в озеро, и на горизонте показался ледник — грязно-серый, тяжелый, обрывающийся прямо в озерную воду. Корабль поставили на якорь, спусти-

ли надувную лодку с мотором, и Сэнк с Крамбом и Стимом отправились выбирать место для капитальной стоянки.

Они нашли уютное место в четырех километрах от ледника: узкий залив, долина между двумя моренными грядами, естественный пирс из плоской отшлифованной скалы, круто обрывающейся в воду, песок на дне долины, серый лишайник, красный лишайник, мох, трава, пушица, иван-чай, багульник, чуть дальше от воды во впадинах меж бараньих лбов — тонкие кривые березки и небольшие сосенки, ельник на склоне гряды. Вдалеке на пригорке паслись северные олени, никак не отреагировавшие на прибытие «Петербурга».

— Вот вам причал и юдоль на полтора года, — объявил Сэнк.

— Юдоль на полтора года бытовых страданий, — вздохнула Кола.

— Щемящая северная пастораль, красотища! — заключила Алека. — А запах! Я сейчас сойду с ума!

— Это всего лишь багульник, — уточнил Сэнк.

— Смотрите, здесь мы будем жить, — сказала Мана, ведя за руки девочек в наскоро сшитых комбинезонах, а Стим, не сказав ни слова, выпрыгнул на берег и пустился почти бегом вверх на ближайшую гряду.

9. Книги древнего Петербурга

Сэнк со Стимом шли вдоль края ледника, перешагивая, иногда перепрыгивая с камня на камень. К удивлению Сэнка среди камней довольно часто попадались ломаные стволы деревьев. Сосны и ели, засохнув до наступления ледника, не успели сгнить, пока их окончательно не завалило снегом, пока снег не спрессовался в лед, который унес их на сотни километров. Первый артефакт они увидели с расстояния в километр: искореженные рваные рельсы. Много рельсов, клубки хорошо сохранившихся рельсов, согнутых ледником, — ржавчина съела лишь несколько миллиметров стали. Похоже, ледник шел вдоль железной дороги и сгреб ее, скрутив рельсы, как проволоку. Под торчащими взрывающимися рельсами лежали бетонные шпалы — отдельный моренный бугор из шпал.

Через несколько километров разведчики наткнулись на смятые опоры высоковольтной линии передач — ледник сгреб линию в исковерканную кучу, уцелели даже спутанные провода. Вполне обнадеживающие находки — «тепло», но еще не «горячо» — и железная дорога и линия передач свидетельствовали лишь о том, что остатки древнего мегаполиса где-то неподалеку.

— Эти железяки сохранились намного лучше любых других стальных конструкций того времени. Нам нужны не железяки, но они сулят надежду, что где-то уцелеет и бумага, — сказал Сэнк.

— Если железная дорога и линия передач шли с нашей стороны от города, значит, городские артефакты надо искать ближе к леднику, — предположил Стим.

— Завтра отправимся в ледниковое ущелье.

Инзор с Алекой вернулись с первой добычей: образцы древней одежды и обломки небольших пластиковых дисков.

— Похоже, мы нашли вынос свалки. Там уйма всего — пластик, стекло, тряпье, деревяшки — и побитое, и целое. Посмотрите, какая классная куртка! Ведь ничего сравнимого не находили до сих пор. А как на мне смотрится? — Алека отряхнула синтетическую куртку, надела и встала в позу модели, подняв руку.

— Фу, она же грязная! — отреагировала Кола.

— Она стерильная! Тысячи лет стерилизации во льду.

— Бактерии легко переносят тысячелетний холод и сейчас ожидают от твоего тепла. Снимай сейчас же! — распорядилась Мана.

— Эх вы, зануды, — пробормотала Алека, снимая куртку.

— А вот эти диски — интересная вещь, — сказал Крамб, вертя пластиковый диск в руке, — кажется, на них записана информация. Сейчас посмотрю под микроскопом, хотя подозреваю, что тут нужен электронный микроскоп.

— Интересно! — отреагировал Сэнк. — Мы вряд ли сможем прочесть эти диски — они отсвечивают цветными переливами, значит, там информация записана с шагом порядка длины волны света. Такие диски надо отправить на материк с Даватом. Но, может быть, мы найдем обычные диски звукозаписи и услышим древнюю речь, древнюю музыку.

— Их уже находили, обычные диски, — уточнила Алека, — точнее, их отпечатки на глине. Даже удалось воспроизвести несколько минут речи. Но это слезы...

На следующий день сразу две группы — Сэнк со Стимом и Крамб с Колой и Алекой — отправились на двух лодках в дальнюю часть озера — там начинался глубокий залив, ведущий в ущелье, промытое талой водой в леднике. Сначала разведчики плыли по заливу между ледяных берегов, которые становились все выше и круче. Потом залив превратился в реку, текущую по ледяному ущелью меж низких берегов, местами усеянных крупным булыжником, местами покрытых крупнозернистым темным песком. Берега упирались в почти отвесные ледяные стены. А потом стены сомкнулись над рекой, образовав огромный тоннель.

— Страшно! — сказала Кола.

— Грандиозно! — возразила Алека.

— Чего бояться? Я тут с вами, и вон Сэнк со Стимом плывут впереди,— Крамб попытался успокоить Колу.— Не в преисподнюю плывем, а всего лишь внутрь ледника.

Становилось все темней. По бокам туннеля стали попадаться шумные водопады — вода падала сверху через колодцы, через них же проникал свет. Каменно-песчаные берега сузились, Сэнк причалил и махнул рукой Крамбу, чтобы тоже причаливал. Все вышли на берег. Сэнк присел на светлый окатанный камень и грустно спросил:

— Ну и где же Санкт-Петербург?

— А почему ты решил, что его обломки должны быть здесь, а не в пяти километрах западнее? — спросил Стим.

— Он же был огромным, на Римской карте город отмечен как мегаполис, так что может быть и здесь, и там.

— Дядя Сэнк, посмотри, на чем ты сидишь! — вскричала Алека.

Сэнк встал и обернулся. То, на чем он сидел, оказалось пышными ягодицами мраморной статуи, обломанной по талии и середине бедер.

— Вот мы и нашли его! — сказал Сэнк.

И началась захватывающая рутина. Каждый день две группы на лодках или вездеходах добирались до ледника, залезали в расщелины, копались в обломках зданий, резали лед бензопилами, разгребали гальку и песок, отковыривали ломом бетонные блоки. Под вечер возвращались с грузом. Лема и Кана встречали добытчиков на палубе, прыгая и радостно смеясь. Потом все вместе сортировали и разбирали находки. Чего там только не было!

— Книги, чаще их обрывки и лохмотья. Поначалу книги находили редко. Их вырезали из льда и складывали в морозильной камере в виде ледяных брикетов.

— Маленькие тонкие диски с информацией, записанной в неизвестном, по-видимому, в цифровом формате.

— «Плитки» и «дощечки» — плоские коробки разного размера со стеклянным окном и с кремниевыми прямоугольниками (вероятно, полупроводниковыми микросхемами), предположительно электронно-информационные устройства.

— Экземпляры одежды и обуви.

— Пластиковые диски с дорожками звукозаписи.

— Мелкие предметы быта.

— Экземпляры огнестрельного оружия.

Это то, что можно и стоило везти в лагерь. Гораздо больше нашлось того, что привезти нельзя:

— Три сплюснутых скрученных железнодорожных вагонов.

— Остатки автомобилей разного размера и назначения.

— Обломки чугунных оград.

— Нос крупного судна, торчащий из морены.

— Генератор крупной электростанции с содраным кожухом и обнаженными медными обмотками статора.

И, конечно, повсюду останки людей, кости, куски костей. Первая находка на третий день разведки вызвала шок — неповрежденный скелет, даже сохранился застегнутый ремень с лохмотьями брюк. Никто, кроме Алеки, никогда не видел непогребенных скелетов. Человека похоронили в морене, навалив холмик из камней и постояв в молчании. А потом уже не хоронили никого.

Ледник основательно перемолол и перекорежил большую часть того, что захватил с собой из северного города. Судьба каждой вмороженной вещи зависела не только от прочности, но и от того, насколько ламинарным был поток льда вдоль ее трехсоткилометровой траектории. Если лед срезался, скручивался, рвался, тоже самое происходило и с предметом. Если вещи повезло вморозиться в спокойный объем льда, избежавший пертурбаций, она могла приехать к месту встречи с солнцем вполне в приличном состоянии. Находили и трак карьерного экскаватора, скрученный пропеллером, и совершенно целую фаянсовую кружку, даже ручка была на месте.

Кстати, Сэнк, по его словам, приватизировал эту кружку и с тех пор пил чай только из нее. Находили и переломленный пополам корабельный кнехт, и совершенно невредимую книгу, раскрытую по середине. Конечно, исковерканного и искореженного было больше: путь был длинным и не простым.

Книги — что рваные, что целые — попадались реже, чем плитки и дощечки. Если считать, что на каждого древнего жителя приходилось по два электронных устройства, то из статистики находок получалось, что он в среднем держал меньше одной книги. Сэнк предположил, что электроника полностью вытеснила бумагу. И все же Инзор с Алекой в один прекрасный день нашли месторождение книг.

Оно располагалось в ледниковом распадке в трех километрах к западу от озера. Внимание Алеки привлек угол металлического ящика, торчащий изо льда. Довольно быстро ящик вырубили с помощью перфоратора и отвезли на базу: ждать было невозможно. Весил он килограмм сто, внешний осмотр показал следующее: стенки — сварные из пятимиллиметровой стали, немного вдавлены внутрь. Два угла ящика чуть смяты. Крышка — из той же стали, крепится болтами. На крышке выбита аббревиатура ACK, BSA и дата 2137. Крамб срезал болты, подождали, пока крышка оттаит от содержимого, открыли ящик и ахнули. Он был плотно забит аккуратно сложенными книгами одного формата — целыми и невредимыми. На следующий день приехали с миноискателями и нашли еще три похожих ящика. Один был сильно деформирован. Размер одного из ящиков немного отличался: в нем были книги другого формата, похоже, ящики варились под определенный размер книг, которые складывались аккуратно стопками, вплотную прижатыми друг к другу.

Всем не терпелось взглянуть на книги. Крамб разрезал два ящика: книги в стопках оказались разной толщины, с разными названиями на корешках. Можно ли было аккуратно разделить смерзшиеся блоки на отдельные книги? Крамб обещал попробовать, а пока надо было срочно искать еще.

Четверо мужчин (Стим работал почти наравне со всеми) и Алека прочесали глубинными металлоискателями несколько соток поверхности льда вокруг первой находки, отметив желтыми флажка-

ми «мелкие», до полутора метров, и синими флажками «глубокие» объекты. И началась тяжелая изнурительная добыча. Каждый день впятером вырубали, выпиливали и отвозили три-четыре слабо поврежденных ящика. Сильно поврежденные оставляли в леднике. Никто не мерил температуру воздуха — казалось, стоит жара. Когда светило солнце, мужчины работали, раздевшись до пояса, иногда окатываясь ледниковой водой. Так не работают ни кладоискатели, ни старатели — только спасатели.

Команда приостановила самозабвенную добычу книг лишь к концу июля, когда морозильная камера была до отказа заполнена ледяными книжными блоками. Да и другие артефакты уже не помещались в трюме — их складывали в палатке на берегу. Настало время осмыслить, что же они обнаружили, и решить, что с этим делать дальше. Всего было добыто около двухсот ящиков. Год упаковки, выбитый на крышке, отличался от ящика к ящику, даты покрывали интервал от 2120 до 2145 года, максимум приходился на 2130-е.

То, на что наткнулись герои, не могло быть ни библиотекой, ни обычным книгохранилищем — там незачем упаковывать книги в пятимиллиметровую сталь. К тому же книги укладывались вразнобой по тематике и по жанрам — сортировались только по формату, чтобы плотней уложить их в ящики. Кола попробовала расшифровать аббревиатуру, выбитую на крышках.

— Я думаю, там трехбуквенная аббревиатура на двух языках с одним и тем же значением. Скорее всего, на русском и английском. Если использовать эту гипотезу как ключ, то что-то можно подобрать. Кажется, есть один разумный вариант. АСК — Армия спасения книг, BSA — Book Salvation Army.

— Точно! Браво Кола. Это сразу все объясняет. Люди спасали книги, тогда понятно, зачем пятимиллиметровая сталь. Спасали для какого-то будущего, где книги могут снова понадобиться, спасали от современников, от гниения, потопов, пожаров, от войны. Какие же они молодцы! Те люди ведь наверняка понимали, что все электронное достояние человечества может охрестить в один прекрасный день.

— Интересно, кто эти люди?

— Уж точно не государственные служащие и не рабочие крупной фирмы. Тогда бы ящики были штампованными, а не сварными. Варить — сложнее и дольше, зато для сварки достаточно любого гаража. Видимо, это какое-то низовое общественное движение. Они не могли сделать большой промышленный заказ и варили ящики по мере добывания книг. Видимо, добровольцы работали как пылесос, размещали объявление о вывозе ненужных книг, договаривались с закрывающимися библиотеками и книжными магазинами, если таковые еще существовали в то время.

— Если бы я пытался уберечь книги от ядерной войны, я бы как следует пересыпал ящики песком, — заявил Стим.

— Песок во льду есть, но он есть и в других местах. Мне интересней, где «спасатели» складировали ящики? Судя по контексту, в каком-то большом корпусе из железобетонных панелей. Наверное, купили старый склад.

— Пора вызывать Давата. Он увезет только небольшую часть книг, одну тонну из двадцати, и эту часть надо отобрать.

Крамб, как и обещал, освоил неразрушающую резку книжных блоков сначала на столбики, потом и на отдельные книги. Пока что разрезали на столбики, так, чтобы читался любой корешок. Кола в мыле переводила с них названия, печатая списки на машинке: книги столбика 4/10, столбика 8/3 и так далее. В такой ситуации название книги — единственный доступный критерий ценности. Грустное обстоятельство, облегчавшее селекцию книг, заключалась в том, что большинство из них, судя по названиям и рисункам на обложке, было мусором.

Чтобы разделить труд, решили, что каждый независимо пройдет по списку названий и составит свой черный список книг — те, что надо вообще выбросить для экономии места в морозильной камере, белый список для транспортировки на материк и серый список для хранения в морозилке.

Вот начало черного списка Колы: «Сладкое клеймо сатаны», «Мечь зомби», «Мои 20 мужчин», «Дневники красивой стервы», «Замок дракона», «Народ великого духа», «Миссия дракона: вернуть любовь», «Как спасти душу и вернуть любовника», «Мечь охотника на ведьм», «О пользе проклятий», «Я — дрянь», «Мой рогатый дура-

чок», «Терновый ведьм», «Космическая красотка», «Девственница на четыре дня» и т.д.

Сэнк браковал книги по другим признакам: «Добрая и злая память воды», «Квантовый воин», «Могущество биополя», «Кармический ход судьбы», «Активация жизненной энергии», «Самоучитель астрологии», «Квантовая биомеханика тела», «Техника боя на световых мечах», «Моя прекрасная попаданка» и т.п.

Список Маны был едва ли не самым длинным: «Тета-исцеление», «Метафизика болезней и недугов», «Апокрифический трансферинг», «Диагностика и моделирование судьбы», «Мысли, творящие стройную фигуру», «Код исцеления», «Обнаженные гормоны», «Да здравствует вагина!», «Самоисцеление силой подсознания», «Здоровье через силу стихий», «Йога в час Бога», «Как похудеть, объедаясь и не парясь», «Татуировки для менеджеров».

По названиям отсеялась половина книг. Эту половину перегрузили на поляну под навес — может быть, что-то удастся прочесть, когда оттают, а нет — так и не жалко.

При сортировке пришлось разделять мерзлые книжные столбики на отдельные книги. При этом стали видны рисунки на обложках, и они в большинстве были пошлы и унылы, даже у тех книг, которые прошли первый отсев по названиям. Первыми в «мусор» пошли книги с рыцарско-драконо-зверско-дикарско-средневековыми сюжетами на обложке. За ними — сексуально-обнажено-вооруженные. Далее страшилки с черепами и ожившими трупами. Потом голубо-белокуро-нимфо-обворожительные. И еще несколько категорий. Эти книги, конечно, тоже в своей массе были интересны, не своим содержанием, качество которого отражалось в названии или оформлении, а статистикой — тут будет над чем поработать социологам, исследующим массовые вкусы начала второго тысячелетия.

Дальше составили первый белый список: книги, которые непременно надо отправить на материк. Основу списка составляли все книги, которые удалось идентифицировать как познавательные — около 400 штук. Среди них те, что сулили надежду на сведения, до которых новая цивилизация еще не дошла (микроэлектроника, томография, чтение генома, космология, молекулярная биология).

Такие книги (около пятидесяти) составили группу под названием «драгоценности».

Около семисот книг, посвященных социологии, политике, экономике, истории, пошли во второй белый список. Эти семьсот назвали «группой надежды», предполагая, что именно эти книги прольют свет на причину краха той цивилизации. В этой группе Сэнка больше всего воодушевило название «Радостные и грустные итоги XXI века». И еще в морозильной камере осталось около двух тысяч книг «серого списка». Сэнк предположил, что именно там, среди книг с ни о чем не говорящими названиями, скрывается настоящая литература.

Инзору снова удалось связаться с Даватом. Тот пообещал прилететь послезавтра, 5 августа. На 4 августа измотанная экспедиция взяла выходной.

Только в этот день все смогли оглядеться и восхититься. Оказалось, многое изменилось — исчез гнус, западный косогор стал сиреневым от цветущего иван-чая, на дне долины созрела морошка, песок нагрелся, словно приглашая разлечься на нем и задремать под легкими плывущими облаками. Сэнк со Стимом и Алекой так и сделали. Мана с девочками и с Колой пошли по морошку, Крамб с Инзором разожгли костер и хотели было запечь рыбу, но тоже разлеглись и задремали. Потянулся долгий-долгий безмятежный день. Если кто-то и думал о чем-то, то в стиле расслабленных мечтаний — о завтрашних свежих фруктах, о теплом море, о грядущей встрече с друзьями, о долгой солнечной жизни.

Алека, повернувшись на правый бок и приоткрыв левый глаз, увидела собаку на косогоре. Или волка? Окончательно проснувшись, она села и внимательно присмотрелась. Если это был волк, то явно не чистокровный — гибрид с собакой. Если собака, то с примесью волчьей крови. Так или иначе — крупный серый с белым зверь, стоячие уши, хвост колечком. Алека встала, зверь не уходил и спокойно смотрел на нее. Она взяла рыбу из ведра у костра и медленно пошла к зверю, остановилась на полпути, присела и показала рыбу. Собака медленно осторожно пошла к Алеке, размахивая кончиком чуть поджатого хвоста. Метрах в пяти остановилась. Алека положила рыбу, отошла на три шага и снова присела. Собака подошла к рыбе, съела с хрустом за считанные секунды и с энтузиазмом замахала чуть приподнявшимся хвостом.

— Иди за мной! — сказала Алека и пошла за следующей рыбой. Собака действительно пошла следом, опустив голову, прижав уши и подобострастно виляя хвостом вместе с задом.

— На! На сей раз только из рук!

Собака, прижав уши и виляя задней половиной тела, подошла и взяла. И уже не ушла. Через минуту она сидела у ног Алеки с поднятыми ушами и приоткрытым в собачьей улыбке ртом.

— Инзор, иди сюда, я тут тебе помощника нашла.

Инзор поднялся, протер глаза, подошел. Собака встала и прижалась к его ногам, облегченно вздохнув, когда Инзор потрепал ее за ушами. Сэнк тоже проснулся и подошел.

— Девочка, совсем молоденькая. Прошлогодня — год с небольшим. Видимо, выгнали из стаи. За что?

— Как за что? Извечный сюжет: вожак кладет глаз, жена вожака соответственно реагирует, — изложила свою версию подошедшая Кола.

Подошла и Мана с девочками, которые остановились неподалеку с открытыми ртами и вытаращенными глазами.

— Не бойтесь, она добрая, можете подойти ближе, — сказала Алека.

Кана и Лема сделали шаг вперед. Когда собака уткнулась в колени Маны, Лема подошла и осторожно дотронулась пальцем до ее спины, то же самое проделала Кана, уже более уверенно и с нажимом. Собака обернулась и лизнула Кану в лицо, последовал визг — в нем звучал страх, переходящий в восторг.

Собаку назвали Глоня. К вечеру в экспедиции стало ощутимо больше тепла, радости и веселья. Неужели это все принесла с собой молодая псина, изгнанная из стаи? Как столько добрых чувств помещается в существе непонятного происхождения?!

К середине следующего дня Инзор принял вызов Давата с бортовой радиостанции — самолет уже давно вылетел из Ворот и находился в паре часов пути. Инзор включил радиомаяк, Стим с Крамбом раскатали рулон тонкой ярко-желтой ткани на косогоре, придавив ее камнями. Погода была ясная с легкими облаками, ветер — юго-восточный, пять метров в секунду.

Глоня услышала самолет первой — вскочила, уставилась на юг и заскулила. Действительно, в небе низко над горизонтом на фоне облака показалось инородное тело и вскоре застрекотало.

— Ну вот и фанероплан Давата! — провозгласил Сэнк.

На самом деле в конструкции самолета не было никакой фанеры — в основном алюминий, хотя его очертания биплана отдавали глубокой авиационной архаикой, ассоциирующейся с фанерой и парусиной. Самолет сделал круг над озером, приводнился на небольшую рябь, лихо проскользил двести метров и затем не спеша подрулил к каменному пирсу за кормой «Петербургга». Из двери на пирс выпрыгнул молодой парень, зачалил самолет, откинул трап, по которому тут же спустился грузный улыбающийся Дават, за ним вышел парень постарше.

— Разгружайте! — зычно выкрикнул Дават после непродолжительных объятий и рукопожатий.

Члены экспедиции и пилоты выстроились в конвейер, из дверей самолета на корму «Петербургга» один за другим поплыли ароматные ящики, многообещающе позвякивающие ящики — десятки ящиков с волнующим содержимым. Потом был пикник на поляне, потом банкет в кают-компании, а наутро Сэнк спросил:

— Неужели не прокатите нас вдоль края ледника?!

— Мы бы рады, — сказал первый пилот, — да топлива в обрез на обратный путь.

— А если в трюме «Петербургга» найдется сто литров авиационного бензина? — спросил Сэнк.

Через час самолет вылетел на экскурсию. Сэнк, Стим, Алека и Инзор прилипли к иллюминаторам. Они увидели то, что никак не могли увидеть в наземных вылазках, — увидели всю картину. И ее главную деталь, скрытую от наземного наблюдателя, — обширную темную долину среди льда. Это была впадина четыре на пять километров, протаявшая метров на двести в глубину, — впадина, заваленная крупными исковерканными плодами человеческой деятельности, ледниковый Армагеддон. Повсюду бетонные торосы — плиты, балки, целые и переломанные, связанные железными лохмотьями, ошетилившиеся арматурой. Холмы, гряды бетонных обломков — оттаявшие, перемешанные с булыжником, торчащие из ледника. Повсюду железо! Искореженное, ржавое, страшное —

обломки ферм, рельсы, сложенные каркасы зданий, сплюснутые подъемные краны, опоры. Там и тут — машины, смятые, скрученные, спрессованные — легковые, грузовые. Все — темно-бурые от ржавчины, такие же вагоны, суда, строительная техника. Еще и еще — в каждом распадке, в каждой промоине, а сколько оставалось подо льдом! Куски кладки, кирпичное крошево, куски асфальта, столбы, провода... Сотни миллионов человеко-лет труда, вложенного когда-то в этот поверженный раздавленный хлам, вытаскивали на свет божий после многотысячелетнего заточения.

Самолет сделал два широких круга над окрестностями. Огромная ржавая долина соединялась с внешним миром узким ущельем, прорезавшим ледник. По ущелью текла бурная мутная река, сливающаяся с чистыми потоками, текущими по поверхности серо-голубого льда. Дальше эта река через цепочку плесов и порогов соединялась со Средней Волгой — мирный ландшафт, успокаивающий после увиденного кошмара.

— Ну как тебе все великолепие, что дядя Сэнк живописал перед экспедицией? — спросила Мана, когда Алека спустилась на пирс с каменным лицом.

— Да так... — ответила Алека. — Жуть! Пробирает до кишок.

— Я тогда, год назад, совсем другое имел в виду, — сказал вышедший следом Сэнк. — Природу, а не это эпическое месиво. Если честно, я не был уверен, что мы вообще что-то найдем, не говоря уж о таком буреломе, — я вполне мог ошибиться лет на пятьдесят. Эта жуткая Железная долина, судя по всему, появилась недавно и протаяла очень быстро — темные железяки, оказавшиеся на поверхности, покрасили ржавчиной все вокруг и сами растопили лед — они отлично греются солнцем и проводят тепло. На аэрофотосъемке двадцатилетней давности никаких намеков на Железную долину нет. И вообще не видно никаких следов мегаполиса.

— Ты хоть снял панораму? — поинтересовалась Мана.

— Пять кассет отщелкал. Сейчас засяду проявлять и печатать, пока Дават не улетел. Такого еще никто не видел. Первый и последний раз в истории ледник выносит город такого размера. Лет тридцать назад все, что мы увидели, скрывалось подо льдом. С тех пор здесь не было никого, кроме, может быть, местных охотников. Краг был гораздо восточней — во времена его экспедиции тут уже

кое-что торчало, он просто промахнулся. Это чистая случайность, что мы увидели остатки города первыми.

— Папа, а то, что именно ты все первым рассчитал, — тоже чистая случайность? — возразил Стим. — Мы же не наобум сюда приплыли!

— Да, но случайность в том, что никто из исследователей не появился здесь до нас за последние лет двадцать, — хоть наобум, хоть по наитию.

Сэнк заперся в тесной лаборатории в трюме, остальные, включая Давата с пилотами, девочек и Глоню, пошли в поход по мореным гривам, которые уже окрасились в теплые тона, в золотистые, сиреневые, красноватые оттенки, предвещающие конец короткого лета. Морошка, брусника, клюква — плевали все эти ягоды на близлежащий ледник! Они чувствовали себя замечательно в уютных распадах среди вереска и багульника под лучами высокого солнца и потому созрели. Одиннадцать человек паслись на южных склонах пологих грив, у берегов небольших прозрачных озер, не успевших превратиться в болота. А пасла их гордая Глоня, пребывая в статусе аборигена, принявшего неопытных гостей под свое покровительство.

Наутро из трюма «Петербург» в самолет по конвейеру поплыли ящики, обложенные сухой травой, закутанные в ткань.

— Дават, доверяю тебе все ледниковое богатство с единственной просьбой: не забывать, чье оно, кем добыто.

— Само собой!

— Еще одна важная просьба. Все, что остается там, — Сэнк взмахнул рукой в сторону ледника, — достояние человечества. Но я бы хотел, чтобы человечество не успело массово ринуться за этим достоянием до конца следующего лета, пока мы тут работаем. Поэтому, давай наложим эмбарго на любую существенную информацию до конца марта. Такой задержки достаточно, чтобы на следующий сезон никто не успел снарядить сюда полновесную экспедицию. А на гидропланах пусть себе прилетают. Надеюсь, прогрессивное человечество простит нас за эту уловку.

— Годится, но что мне говорить журналистам, которые жили из меня вытянут: как там экспедиция «Петербург» поживает?

— Так и скажи: хорошо поживает, питается свежими фруктами, пьет вино, роет лед, ищет артефакты, а карты раскроет чуть позже. Можешь показать наши фото и рассказать про Кану с Лемой и про Глоню обязательно. Вот тебе пакет с фотографиями, которые можешь публиковать хоть завтра. А вот пакет с фотографиями, которые можешь опубликовать 31 марта 966 года. Теперь по поводу книг. Можешь заняться реставрацией и переводом, но в подполье за семью замками. Любые публикации — по согласованию с нами. Годится?

— Само собой!

— Хорошо, Дават. Ну, счастливого пути! Будь здоров, береги себя!

— Счастливо, Сэнк! Удачи. Она уже у вас есть, пусть станет троекратной!

Самолет пошел в разгон на взлет сразу же, как отчалил от пирса и развернулся, быстро оторвался от воды и пошел на юго-восток, затихая и уменьшаясь. Минут через десять от него не осталось ничего — ни жужжания, ни соринки в небе.

— Чувствую, не очень-то ты доверяешь Давату, — сказала Мана.

— Вообще-то доверяю. Дават прекрасный порядочный человек. Но человек слаб. И больше всего человека ослабляют забрезжившие лучи славы. Кстати, две самые интригующие книги из белого списка я все-таки оставил. «Радостные и грустные итоги XXI века» для себя и «Откуда взялась Вселенная» для Сtima.

— Чтобы читать их долгими зимними вечерами? Но как?

— Я не предусмотрел заранее, что нам придется реставрировать книги, но мы с Крамбом придумали, как обойтись подручными средствами. У нас есть три необходимых вещи: мощный фен, медная фольга и крахмал. Дуем на книгу холодным воздухом под ярким светом — лед испаряется, не переходя в жидкое состояние. Через некоторое время у нас несколько верхних страниц сухие. Затем самое трудное — осторожно отделяем верхнюю страницу и потихоньку вставляем между ней и следующей страницей лист фольги. Потом аккуратно смазываем верхнюю страницу клейстером, прессуем и сушим. Потом отделяем, дуем феном на следующую, и так далее. Уже пробовали на книге из черного списка — работает. Типографская краска жива! Потом Кола переводит. Потом зачи-

тываем вслух перевод Колы, и долгие зимние вечера наполняются смыслом!

Работа возобновилась прежним темпом, хотя стала менее лихорадочной. В сентябре начались заморозки, напомнившие о предстоящей зиме. Решили перейти с открытых разработок на закрытые: частично заложить вход в месторождение книг, сделать дверь и продолжить работу подо льдом в относительном тепле.

В октябре выпал снег — выпал, растаял, снова выпал и лег уже основательно. Спасатели книг пересели с вездеходов на снегоходы, выложили ледяными кирпичами купол, прикрывший вход в разработку, сделали тамбур с двумя дверями, привезли генератор, вывели выхлоп наружу, повесили лампочки. Бензиновые инструменты заменили на электрические и продолжили. Озеро покрылось льдом, «Петербург» застыл у причала, вместо трапа насыпали и утрамбовали снежный пандус, по которому снегоходы заезжали прямо на палубу. Крамб смастерил сани для Каны с Лемой и упряжь для Глони. Молодая резвая псина поначалу опрокидывала визжащих и смеющихся девочек, когда вдруг бросалась куда-то вбок

и неслась с пустыми санями, заведев оленя или зайца, но суровая Мана навела дисциплину и приучила Глоню следовать строго за ней по следу. Так они уходили довольно далеко: впереди Мана на лыжах, за ней Глоня, запряженная в сани с девочками, за ними — дежурный, обычно Инзор или Кола, тоже на лыжах. Инзор проторил десятикилометровую прогулочную петлю, проехав пару раз на снегоходе, и освежал ее после каждого снегопада. Получилась не просто петля, а север-

ная Сказочная дорога — розовые валуны, елки, сосенки с пухлыми снежными лапами, замерзшие озера, прорези сквозь сугробы, плавные спуски, подъемы, олени вдалеке, перевал через высокую гряду с чудесным видом, если специально не вглядываться в странности ландшафта на северо-западе. А на перевале ждал привал у корявой сосны и большого валуна, на который Кана с Лемой обязательно забирались по пологому скату, стояли и смотрели назад — на выющую дорогу, на залив, на «Петербург», оставшийся далеко внизу.

По вечерам Сэнк с Крамбом священнодействовали в лаборатории, разрешая посторонним лишь посмотреть через приоткрытую дверь. Кола, освобожденная от всех работ и дежурств, села за перевод. Каждое утро она получала по десять драгоценных страниц, просушенных за ночь, и весь день стучала на пишущей машинке, прерываясь на поиски в словарях. Она не могла найти многих слов — словари составлялись по газетным отпечаткам XX века, приходилось догадываться по контексту. Но дело шло. В один из длинных зимних вечеров все собрались в теплой кают-компании и Мана начала чтение первой в истории реставрированной и переведенной книги XXII века прошлой цивилизации.

«Радостные и грустные итоги XXI века». Автор — Василий Игнатьев, издательство «СПб Андеграунд принт», 2112 год, тираж 200 экземпляров.

— Ну что, читать введение?

«Эта книга не рассчитана ни на какой круг читателей. Ее целевой аудитории не существует, поскольку книга как таковая давно мертва. Не только бумажная книга — она умерла первой, — но и любая книга в любом виде, будь то анализ происходящего, документ эпохи или художественный вымысел, — мертва с момента замысла, поскольку современный человек не в состоянии одолеть длинный текст и воспринять его как единое целое. Так что данный архаичный предмет из бумаги — мой персональный акт неповиновения реальности, к сожалению, воцарившейся надолго, если не навсегда».

— Подождите! — перебил Ману Стим. — А как же все эти тысячи книг? Их же напечатали для кого-то!

— Мы не знаем, когда их напечатали: на обложках нет даты выпуска, — ответил Сэнк. — Выясним со временем.

Мана продолжила:

— «Поскольку я не уверен, что эту книгу кто-нибудь прочтет дальше предисловия, сразу начну с основных выводов по итогам ушедшего столетия в порядке от хорошего к плохому — от оптимистических фактов, лежащих на поверхности, к новым подспудным проблемам.

Наилучший итог века — мы еще существуем! Мы существуем и неплохо живем, несмотря на десятки апокалиптических пророчеств последних двух веков. Мы пережили XXI век и нацелились пережить XXII, несмотря на новые пророчества. На нас не упал астероид, не сгубил новый вирус, мы избежали перенаселения планеты: подошли к черте 10 миллиардов, но не переступили ее. Мы избежали чрезмерного парникового перегрева, притормозив выбросы углекислого газа, не замусорили планету окончательно и даже кое-что прибрали за собой. Мы не перебили друг друга запасенными в XX веке ядерными боеголовками, что можно считать самой большой удачей.

Да, мы неплохо и долго живем, хорошо питаемся, мало работаем, много отдыхаем. Мы в своей массе, спасибо медицине, здоровы, веселы и спортивны. Мы стали терпимей друг к другу. Никто не готов убивать за идею или за религию. Мы стали гуманней. Мы не пали жертвой мятежных роботов, поскольку не сумели создать искусственный интеллект сложнее муравьиного. Появилась надежда, что мы как биологический вид проживем еще века и даже тысячелетия. Мы уверенно глядим в будущее, с чем можем себя поздравить.

Вопрос в том, что такое „мы“. Мы, которые неспособны воспринять текст длиннее десяти тысяч знаков, это те же самые „мы“, которые создали нашу комфортную цивилизацию? Мы, которые почти ничего не умеем, кроме того, что входит в наши прямые профессиональные обязанности, — это вершина эволюции или ее нисходящая ветвь? Почему, ступив однажды на Марс, человек туда не вернулся за прошедшие с тех пор 60 лет?»

— Они были на Марсе! — снова перебил Стим. — Это же первое свидетельство!

— В газетах конца XX века писали, что человек побывал на Луне и вот-вот высадится на Марс. А здесь получается 2052-й — совсем не «вот-вот». Я же перевела кучу этих газетных текстов!

— Это замечательно, что они были на Марсе, но почему один раз? Давайте послушаем дальше.

— *«Представим, что нас изучает некий внешний наблюдатель — инопланетянин или очень далекий потомок».*

— О, прямо про нас!

— Стим, не перебивай!

— *«Что он скажет, ознакомившись с нашей историей? Ну, хотя бы осилив последние три века — от Просвещения, через кровавые трагедии, через прорывы в познании к технологическому процветанию и потребительскому благополучию. Я подозреваю, что он презрительно сплюнет и скажет: „Как можно так деградировать после столь многообещающего начала?!“»*

— Интересно! — на сей раз сама Мана прервала чтение. — Интересно, что представляет из себя сам автор? Брюзга-неудачник или пронизательный скептик?

— Да, — согласился Сэнк, — чтобы понять цену книге, нужны факты. Один важный факт я уже услышал — человечество побывало на Марсе и бросило это дело. Красноречивый факт. И еще мне понравился пассаж про акт неповиновения реальности.

— Но мы же знаем, что он ошибся. Автор же пишет, что цивилизация проживет еще века, а она грохнулась уже через век!

— Стим, как раз эта ошибка скорее подтверждает его правоту, когда он пишет про деградацию. Мана, прочти, что там дальше.

— Дальше идет обзор книги:

«В главе „От созидания к потреблению“ анализируется дрейф общественной и индивидуальной мотивации в эпоху относительного изобилия и благополучия.

В главе „От экспансии троечников к революции двоечников“ описываются методы реванша растущего малообразованного большинства, оттеснившего от „штурвала цивилизации“ просвещенное меньшинство, утратившее бывшее значение из-за неактуальности дальнейшего развития.

В главе „От постмодернизма к метапостмоду“ обсуждаются основные принципы философии, обслуживающей общество потребления с его гегемонами, и эволюция этих принципов — от отрицания истины к отрицанию знания, от отрицания общечеловеческих ценностей к отрицанию индивидуальных достоинств».

— Что такое постмодернизм, метапостмод и что такое гегемон? — спросил Стим.

— Постмодернизм — такой стиль в архитектуре и литературе, где не надо ничего выдумывать, достаточно взять старое из разных мест и намешать, — ответила Кола. — Но здесь что-то другое имеется в виду, более общее. Про метапостмод не слышала. Наверное, нечто вроде «после постмодернизма», а что такое гадкое слово может означать, даже гадать не хочу.

— Наверное, означает такую философию: «Не парься, все уже создано, ешь и веселись», — предположила Алека.

— А насчет гегемона: я встречала это слово только в комбинации «пролетариат — гегемон революции». Контекст такой, что гегемон первым все громит и захватывает, — сообщила Кола.

— А, понятно, значит гегемоны общества потребления — те, кто первыми опустошают магазины и сметают прилавки при больших распродажах. Видела я такое: гегемоны в большом количестве — страшное зрелище! Мана, продолжай!

— *«В главе „От защиты чувств к свержению культуры“ прослеживается, как стремление погасить социальные конфликты выливается в благообразную цензуру и добропорядочный террор.*

В главе „От Ното sapiens к Ното officium“ исследуется процесс ультраспециализации, потери общих навыков, эрозии рационального мышления и утраты восприимчивости к культуре — так массы тихо глупеют. Показано, как экономика и политика поощряют деградацию населения».

— О, стоп! — на сей раз Сэнк перебил Ману. — Вот уже третий раз автор употребляет слово слово «деградация» — оно и раньше все время у меня вертелось в голове, когда я ломал голову над этим тотальным, как это сказать... охрястом. Деградация вполне объясняет...

— Да не совсем объясняет, — возразила Мана, — ведь не могли же все как один деградировать. Кто-то наверняка жил вне города и умел работать руками и головой. Ну, пусть произошло что-то совсем ужасное, и что — умирать? Вышел мужик из дому, нарубил дров, прорубил лед, принес воды, где-то наверняка есть запасы еды — дотянуть до весны...

— Тетя Мана, ведь все так и было — новые поселения как раз основаны такими мужиками, — ответила Алека. — В новых поселениях спаслись миллионы. Почему они через два-три поколения вымерли, не возродив цивилизацию — отдельный вопрос.

— Да, я согласен, повальная глупость и беспомощность объясняет только часть случившегося. Должно быть что-то еще. Мана, прочти эту главу про деградацию. Может быть, там есть какие-то факты и цифры.

Цифр в главе было немного: если верить автору, цифрам была объявлена война. Всякие тесты на интеллект в большинстве стран попали под законодательный запрет, как и оценки успеваемости в учебных заведениях. Судя по всему, неспроста. Еще в начале XXI века в проведенных исследованиях проявилась крайне неприятная вещь: отрицательная корреляция между числом детей и уровнем образования человека. Как пишет автор, теперь (в начале XXII века) за публикацию подобных данных предусмотрена административная ответственность, но результат виден на глаз.

В дополнение автор привел длинный список административных запретов — от самовольного ремонта и установки бытовой техники до купания в естественных водоемах вне специально оборудованных мест. Не менее впечатляющим был список видов деятельности, подлежащих лицензированию, — от содержания домашних животных до высказываний в социальных сетях. А чего стоили примеры человеческой беспомощности?! Типичный случай: человек куда-то ехал, вышел из машины и уронил смартфон в кювет, полный воды. Навигатор в автомобиле затребовал пароль, который человек не помнил — он всегда передавал его со смартфона. Водитель-робот отказался ехать без включенного навигатора. Человек водить машину без навигатора не умел. Он сел за руль и заплакал. На следующий день его обнаружили полицейские — живого, но голодного и замерзшего.

— Ну что, поверим автору? — спросил Сэнк. — То, что он пишет, кажется маловероятным, но то, что произошло через сто лет после него, — вообще неправдоподобно. Но ведь произошло!

— Есть одно утверждение, которое можно проверить прямо сейчас, — сказал Стим. — Автор пишет в 2112 году, что книга давно

умерла. Значит, все остальные книги, которые у нас есть, должны быть изданы гораздо раньше. Мы ведь можем это легко проверить!

— Можем, но придется размораживать и снимать обложки. Ну почему никто не печатал на обложке дату издания?

— А сейчас печатают?

— И сейчас не печатают. Но от этого не легче. Начнем с мусорных книг.

Василий Игнатьев был прав. Последняя из двухсот книг, с которых были аккуратно сняты обложки, была датирована 2105 годом («10 лучших диет для молниеносного похудения»). Подавляющее большинство издано до 2080 года. Сэнк, конечно же, нарисовал распределение числа книг по времени издания. Распределение круто шло вниз после 2070 года — примерно по падающей экспоненте.

Грянули морозы, но добыча книг продолжалась при комфортной температуре около ноля. «Книжный рудник» все увеличивался, каждый день наружу вывозились десятки тачек пустого льда и дватри книжных ящика, прокладывались штольни — кривые и местами узкие, поскольку тут и там попадались бетонные плиты, которые приходилось обходить.

«Мы книжно-ледовые черви», — любил повторять Крамб, работавший главным забойщиком.

Наступил март, еще морозный, но уже светлый. Произошло печальное событие — первое за всю экспедицию: исчезла Глоня. Когда Мана с девочками стали собраться на прогулку, собака в радостном возбуждении запросилась на улицу, Мана выпустила ее, надев упряжь, а когда через пару минут вышла с девочками, Глоня исчезла. Сколько ни звали собаку,

сколько ни срывали голос — попусту. Через час с ледника приехал Инзор с грузом и сразу же рванул на снегоходе в погоню. Но из-за крепкого наста след был едва заметен и вскоре потерялся. Инзор долго кружил по гривам, но без толку.

На «Петербурге» наступил траур. Глоня унесла с собой те самые тепло, радость и веселье, что принесла летом. Девочки то рыдали, то тихо плакали, Мана ходила с каменным лицом, мужчины обсуждали план поисков собаки. Наутро Сэнк с Инзором на снегоходах отправились на поиск. Сэнк, поднявшись на очередную грядку, увидел в километре на другой гряде двух собак. Посмотрев в бинокль, он опознал в одной из них Глоню. Упряжь была на ней. Через полторы минуты он был там, но собаки исчезли. Остался легкий след, теряющийся в ельнике. Вскоре он снова увидел собак, гораздо ближе, — уже трех и Глоню среди них. Сэнк заорал: «Глоня!!!» — собаки, включая Глоню, дали деру.

— Бесполезно, — сказал Сэнк, вернувшись на «Петербург». — Она удрала и будет удирать от любого из нас. Это у нее свадьба — тут человек бессилен. Будем надеяться, что вернется сама.

Через несколько дней погода испортилась — потеплело, но поднялся ветер, метель. Сказочную дорогу замело, никто и не пытался ее обновить — казалось, она потеряла смысл. Прошло десять дней с момента исчезновения Глони.

— Наверное, она нашла себе стаю, — сказала Мана. — Собака выросла в дикой природе, зачем ей мы? И что она будет делать в жаркой Александрии, если останется с нами насовсем? Пусть уж гуляет на свободе в родной среде. А нам пора успокоиться и заняться делом.

Все шло как обычно — работали в забое, по вечерам реставрировали книгу «Откуда взялась Вселенная» 2022 года издания, Кола села за ее перевод. И вдруг вечером в дверь жилого отсека постучали — стук с царапаньем. Это была Глоня, которую уже перестали ждать — без упряжи, худющая, но веселая. Кана и Лема повисли на ней, лицо Маны будто оттаяло, а Кола провозгласила:

— Все, требую каникул! Мы испереживались и устали! Наши мужчины ни на что не способны — каждый вечер валяются с ног. Все стали бледные как призраки, вот уж воистину книжно-ледяные черви!

— Поддерживаю! — присоединилась Алека. — Завтра же проторить Сказочную дорогу — и всем в поход, а потом — грандиозная баня! Уже месяц не парились. Хотим веселья и любви.

— Что же, девочки, я тоже присоединяюсь к вам, — сказала Мана. — Сэнк, слышишь, к тебе сказанное тоже относится, и тебе необходима реанимация. Так что и я требую каникул.

— Тут уж я не могу противостоять, — ответил Сэнк. — Пять дней хватит?

10. Второе лето

Наутро наступил настоящий апрель с высоким ярким солнцем и ослепительным снегом. Инзор со Стимом и Крамбом отправились на трех снегоходах заново прокладывать Сказочную дорогу — на скорости, в тучах искрящейся пыли прошибали сугробы, неслись по озерам, взлетали на буграх. Потом впервые все вместе отправились в поход по этой дороге на лыжах и санях. Глоня усердно демонстрировала, какая она паинька, — ни разу не засмотрелась в сторону, тянула ровно и аккуратно. К вечеру Инзор со Стимом нагребли у борта «Петербурга» большую кучу пушистого снега и затопили баню. Стим с Инзором и Крамбом прыгали в снег с верхней палубы, остальные — с нижней. Мгновенно выскакивали с криком и неслись в парную, теряя по дороге мокрые снежные ошметки, опадающие на палубу и пол в коридоре.

— Знаешь, Сэнк, — сказала распаренная Мана, когда они улеглись в любимой позе. — Все-таки ты у меня молодец. Я думаю, этот мир бы выиграл, если бы в нем жило побольше носителей твоих генов. Между прочим, еще вполне в наших силах увеличить их количество в полтора раза.

— Ты хотела сказать: наших с тобой генов? Неужели думаешь, что я могу возражать?

— Да, наших с тобой. Мы же почти молодые! Представь, когда нам будет по семьдесят, как мы будем вспоминать то время, когда нам было сорок восемь и сорок шесть! Сейчас максимальная вероятность, давай уж поработай как следует! — последнюю фразу Мана произнесла шепотом на ухо Сэнку, будто не желая, чтобы какой-нибудь случайно пролетающий мимо ангел подслушал этот секрет.

— А я когда-нибудь работал спустя рукава? Думаю, наша молодежь прямо сейчас трудится над той же самой задачей. Если у них получится, число носителей наших генов возрастет еще больше.

В одиннадцать утра, когда все, кроме Сtima, еще спали, раздался крик:

— «Маяк»! Быстро бегите слушать «Маяк»!

Стим включил приемник на полную мощность и стал барабанивать в двери комнат. Глоня заскулила, потом залаяла. Народ, одетый во что попало, стряхивая сон, собрался в кают-компанию.

— Внимание, говорит радио «Александрийский маяк». Теперь послушайте выпуск новостей полностью. Профессор Дават Харонг опубликовал феноменальные фотографии юго-восточного края Европейского ледяного щита. На фотографиях, сделанных с самолета, видны остатки огромного города, которые вытаскивают из отступающего ледника. По словам профессора Харонга, это древний город Санкт-Петербург с десятиллионным населением. Изначально он располагался в трехстах километрах к северо-западу от места, где экспедиция обнаружила его остатки. Снимки сделаны профессором Сэнколином Дардианом, руководителем экспедиции «Петербург», которая в настоящий момент продолжает свою работу. Фотографии опубликованы в сегодняшних газетах и будут показаны по телевидению в вечернем выпуске новостей. Мэр Александрии и президент Атлантического Союза выразили намерение срочно подготовить новые экспедиции для исследования сенсационных артефактов древней цивилизации. Президент Союза народов высказал мнение, что над территорией ледника и прилегающей полосой срочно должна быть установлена юрисдикция Союза. В настоящее время на территорию претендует Верхнеморская республика, но данная претензия не признается международным сообществом.

— Дават выдержал срок, — заметил Сэнк, — но я не думал, что в игру вступят такие боссы. Летом здесь может оказаться жарко. Насчет юрисдикции Союза народов — хорошо бы успели. Нам же вывозить кучу артефактов через таможенную Ворот.

Тем временем подоспел перевод книжки про Вселенную. На сей раз зачитывал Сэнк. Начиналась она с общеизвестных вещей, которые учат в школе, — звезды, туманности, галактики. Когда Сэнк

дошел до главы с названием «Почему ночью небо темное», Стим вскричал:

— А я знаю — потому что Вселенная расширяется!

— Ух ты, прямо знаток! А знаешь ли ты, Вселенная холодная или горячая?

— Конечно, холодная!

— А вот и нет! Здесь написано, что Вселенная — горячая. Это предположил некто Георгий Гамов. Потом подтвердили, зарегистрировав космическое микроволновое излучение, его назвали реликтовым. Оно идет со всех сторон, в точности совпадает с тепловым излучением при температуре три градуса. Реликтовое излучение — остывший свет ранней Вселенной, нагретой до тысяч градусов.

— Три градуса у них — это сколько?

— В книге они называются «градусами Кельвина», отсчитываются от абсолютного нуля. Как я понял, совпадают с нашими абсолютными градусами.

— Папа, я слышал про три градуса! Атлантйские инженеры говорят, что они не могут избавиться от микроволнового шума в антеннах космической связи. Я читал про это в журнале «Человек и космос». Они пишут, что интенсивность этого шума как раз соответствует трем абсолютным градусам, а его природа непонятна.

— Стоп! Здесь написано, что реликтовое излучение так и обнаружили — по шуму в антенне космической связи, и поначалу не могли понять, откуда он идет.

— Папа, мы сделали великое открытие! Надо передать радиogramму в редакцию «Человек и космос»!

Долгую минуту все молча переглядывались.

— Я ничего не поняла, но, кажется, мы ухватили фортуны за хвост! — нарушила молчание Кола.

Сэнк тяжело покачал головой.

— Никаких хвостов и никаких фортуны! Никаких радиogramм! Это не наше открытие. Мы нашли книгу, пусть нам за нее скажут спасибо. Нашли по своему расчету и, можно сказать, за свой счет — пусть нам скажут двойное спасибо. Но это не наша книга. Не мы ее писали, не мы открывали то самое излучение. И не нам кричать об открытии, мы не вправе примазываться к тому, что написано

в книге! Тоже мне, соавторы! А представьте, что будет, если все начнут охотиться за древними книгами, чтобы урвать свой кусок славы на достижениях той цивилизации?! Будут предлагать кому-то: у меня в руках решение твоей задачи, бери в соавторы, а я приторможу публикацию древней книги с этим решением. Тьфу, дерьмо козлиное!

— Но ты сам сказал Давату, чтобы публиковал переводы лишь по согласованию с нами! — сказала Мана. — Мне показалось, ты понимал как раз то самое — немножко примазаться.

— Тяжело жить с мудрой женщиной! Да, мне стыдно, что я потребовал от Давата дурацких согласований. Это был момент слабости — рефлекс собственника. Я слишком трясся за эти книжные ледышки, когда их грузили в самолет. И эмбарго до конца марта — тоже слабость. Там, на Большой земле, наверняка есть люди, которые криво ухмыльнулись в мой адрес, сопоставив дату публикации и время съемки. Не слишком достойная уловка, даже если за нее нас простят. От Давата надо было требовать совсем другого — быстрой публикации переводов и воздержания от любых предварительных комментариев. Понял, Стим! Вернемся, опубликуем перевод книги, и когда она попадет в библиотеки, можешь писать в «Человек и космос», можешь писать, звонить тем радиоинженерам, ссылаясь на книгу. Надо срочно связаться с Даватом, отменить договоренность и принять новую. Чтобы пресечь грядущее козлиное дерьмо в зародыше.

— Сэнк, ты не забыл, что у нас каникулы? А то, чувствую, сейчас поставишь всех на уши. Ты прав, но давай поспокойней.

— Хорошо, до завтрашнего вечера расслабляемся, а потом вызываем Давата. Инзор, слышишь? А я пока немного подумую.

Вечером Дават сам появился в эфире.

— Сэнк, хорошо слышишь?

— Да, нормально.

— Сэнк, я нарушил договоренность. В Новых Афинах идет конференция по атомной энергетике. Позавчера мне попала на глаза программа — там оказался доклад от Атлантического института атомной энергии, где предлагается новый, соблазнительно простой в изготовлении тип реактора — с графитовым замедлителем, с обычной водой в первом контуре, никакого корпуса и высокого

давления — такой реактор, грубо говоря, может собрать простой водопроводчик. А теперь внимание! В одной из найденных вами книг описано, как однажды рванул реактор — именно такой: я почитал проект — в точности такой. Погибло много народа, пришлось городить огромную запретную зону. Я полетел в Афины и вчера выступил с комментарием после того доклада, сославшись на твою книгу. Пытался связаться с тобой, но не успел. Народ взволновался, началась ругань, возможно, проект похоронят. Извини, я не удержался, лучше бы подождал, пока не свяжусь с тобой, но не вытерпел.

— Ну и правильно сделал! Нашел, за что извиняться! Я отменяю свои идиотские требования. И книга — она вовсе не моя. Мы тут вчера нечаянно разыграли в лицах ситуацию, которая будет развиваться, если каждый усядется своим толстым задом на найденные книги и попытается торговать чужими знаниями. Поэтому сразу же публикуй все, что переведено, без всяких согласований и как можно быстрее. Я думаю, надо срочно сочинить декларацию о статусе древних книг и предложить подписать ее приличным людям.

— Согласен. У тебя есть идеи по поводу текста декларации?

— У меня есть даже черновик. А у тебя есть бумага и карандаш? Записывай: *«Мы, нижеподписавшиеся, считаем, что любые книги, любая текстовая информация прошлой цивилизации является достоянием всего человечества вне зависимости от того, где и кем она найдена. В связи с этим мы намерены придерживаться следующих принципов: каждый из нас, найдя книгу прошлой цивилизации, прилагает все силы к ее скорейшей реставрации, копированию и к открытой публикации оригинала, воздерживаясь до публикации от любого использования информации».*

— Подожди, Сэнк, почему «каждый из нас», а не просто «каждый нашедший»?

— Это важный момент. Кто мы такие, чтобы требовать от каждого? Если мы напишем «каждый», то с какой стати этот самый каждый не пошлет нас к ялдобородам? Тогда надо добиваться, чтобы где-то в заоблачных верхах приняли закон насчет «каждого нашедшего», иначе наша декларация останется филькиной грамотой. А если написано «каждый из нас», то декларация звучит. А если подпишутся люди с репутаций, да побольше, то и у документа репутация появится, да такая, что посильней иного закона.

— Да, согласен. Текст понятен, допишу сам.

— Да, и сообщи остальным, что посадим на леднике Инзора с крупнокалиберным пулеметом для отстрела неподписавших. Если серьезно, с конца мая люди будут нужны позарез — хоть откуда, хоть из Атлантического Союза, хоть из преисподней. Книжки начнет заливать, надо пробивать дренаж и спасать те, что начнут вытаивать. И у нас тут уже накопилось — твоей стрекозой на полторы тонны не обойдешься. Нужен турбовинтовой брюхоплан-амфибия. Он сможет сесть на озеро в конце мая — начале июня. Организуешь?

— Ну что, Сэнк, ты вроде повеселел. Полегчало? — спросила Мана.

— Полегчало! Еще с лета на душе висело ощущение некой слабо осознаваемой неправильности. Теперь осознал, сбросил с души камень, и каникулы продолжаются! Завтра идем по бруснику!

— Какая еще брусника?! Снег кругом.

— Самая потрясающая прелая прошлогодняя брусника. Апрельская, только что оттаявшая. Смотри — повсюду на южных склонах проталины, а на них полно брусники. Ее надо не собирать, а есть с куста. Запомните на всю жизнь!

Наступила распутица. Вездеходы зарывались в снежную жижу, у снегоходов гусеницы забивались грязью. Ящики с книгами складировали в ледяной выработке, тепло туда еще не добралось. Однажды четверо мужчин шли пешком от озера вдоль самой кромки ледника.

— Смотрите, что тут торчит! — прокричал Стим.

Изо льда торчал край ржавого диска. Пришлось бежать в «книжный забой» за инструментами, чтобы выковырять диск. Это были довольно крупные электромеханические часы — с рисками и стрелками и еще с календарем. Откуда такая архаика в Санкт-Петербурге XXIII века? Одна стрелка отсутствовала, но на циферблате остался четкий ржавый след от нее. Часы показывали 18:17. Крамб попрыскал растворителем ржавчины на окошко с датой и протер его тряпкой. Часы показывали 15 января неизвестного года. Это могло быть что угодно — время и дата, когда часы сломались, или время, когда они были выведены из эксплуатации и заменены на новые. Или, наконец, время катастрофы, если она воздействовала не

только на людей, но и на электромеханические часы. Если так, то на других часах Санкт Петербурга... Если так, то ясен и год — 2227. Но где они, другие часы?

В первых числах июня западный ветер отогнал от берега озера подтаявший лед, освободив широкую полынью длиной километров пять. Этого с нетерпением ждали здесь и в Александрии, где стоял снаряженный самолет. Инзор сразу же связался с Даватом, и самолет вылетел, на сей раз — серьезный самолет. Уже через пять часов Глоня заскулила и выскочила на палубу, а за ней неуверенно с тывканьем выкатились семь пушистых щенков: на востоке медленно разворачивался, заходя на посадку, тяжелый турбовинтовой гидроплан.

На сей раз «Петербург» пришлось выплывать из заливчика из-за ледяного припая — хоть и трухлявого, но колючего для нежного брюха гидроплана. Экипаж самолета открыл хвостовой портал и выкатил надувной плавучий мост — к нему и пришвартовался корабль. Первым на его борт поднялся Дават.

— Ну, привет зимовщикам! Ой, да вас прибыло!

Вместе с ним прилетела команда александрийских волонтеров под предводительством гляциолога Савена Лендара.

— О, рад тебя видеть!

— Рад видеть вас всех! А это что за чудо?! И эта, и эти! Откуда они взялись?! Какая тут у вас красота! Сэнк, ты молодец, попал прямо в точку с этими книгами. На Большой земле всеобщий восторг. И скажи Инзору, что не надо меня отстреливать — я одним из первых подписал вашу декларацию.

— Знаю. Разгружайтесь. Сначала давайте вездеходы погрузим лебедкой на корму, легкое барахло — руками на нос. А потом грузите в самолет книги в палетах из трюма — двадцать тонн. Савен, ты тут надолго теперь?

— Полагаю, что навсегда.

— Тогда к тебе большая просьба: если найдешь здесь часы, городские электромеханические часы, и если на них будет читаться время и дата, обязательно немедленно сообщи мне, что они показывают.

— Ну что же, Сэнк, — сказал Дават, когда разгрузка-погрузка закрутилась полным ходом, — я привез хорошую команду — пятнад-

цать крепких ребят, а Савена ты сам прекрасно знаешь. Когда они наковыряют на следующий рейс? Может быть, снова прилечу.

— Недели через две. А ты не хочешь остаться у нас до следующего рейса?

— Не могу. У меня медицинские проблемы — надо постоянно шляться в больницу. Старость не радость.

— Да ладно «старость» — вон какой крепкий еще! Ну, ты лечись и прилетай следующим рейсом в полном здравии.

Прибывшая команда попросила забросить их поближе к леднику, чтобы разбить лагерь в пешей доступности от книжного месторождения. Работа ускорилась в несколько раз. Ящики с книгами складировались прямо в леднике в специально вырубленной хорошо дренированной камере. Через две недели, когда их накопилось 20 тонн, прилетел второй рейс, и с ним — Дават, далеко не в полном здравии.

— Через неделю ложусь на операцию. Правое легкое, потом — химия. Шансов на выздоровление мало, но еще несколько месяцев покопчу белый свет.

— Эх, Дават... Что тут сказать... Держись!

— Да подожди ты сокрушаться! Держусь. Рассчитываю дождаться тебя в Александрии будучи в ясном уме и, может быть, даже на ногах. На связи в Александрии вместо меня будет Сардон — он переключится на работу в режиме моего секретаря. А вообще я счастлив, что дожил до этих книг. Сэнк, благодаря тебе мир стал другим. Я не знаю, хорошо это или плохо, но захватывающе интересно. И я еще доживу до перевода новых сорока тонн! В университете сотня студентов учит русский, а десятки сотрудников переводят. Правда, получается через пень-колоду, но и на том спасибо. Копии оригиналов, которые мы разослали по миру, переводят еще десятки людей. Так что увижу еще много интересного!

— Держись, Дават, все впереди. Я тоже не знаю, хорошо это или плохо. Мы тут читали книгу про происхождение Вселенной — она уже опубликована во второй партии. Там написано о реликтовом излучении Вселенной. Стим сразу сообразил, что неустрашимый микроволновый шум, про который писали радиоинженеры, как раз оно и есть. Хорошо это или плохо? Вроде состоялось великое открытие, но оно не наше. Люди станут больше понимать про Вселен-

ную, но они не пробили это понимание своими лбами, а вычитали в чужой книге. Хорошо или плохо? Вроде как грядет революция в науке и технологиях, но она импортирована, не прочувствована на собственной шкуре. У нас не будет той закалки.

— Однако квантовую механику и теорию относительности наш народ открыл заново, все-таки умеем кое-что. Но ты сам сказал — надо все срочно публиковать, даже если чужие знания ослабят чью-то закалку — черт с ней, потомки наверстают. Им придется куда-то дальше пробиваться.

— Ты молодец, оптимист! Пусть будет по-твоему.

— Если мне с моей болячкой еще и впасть в пессимизм, тогда вообще все пропало! Когда домой собираетесь?

— Думаю, в конце сентября. Сдадим книжное месторождение следующим зимовщикам — и домой. Назад будет быстрее — по течению и без задержек. Думаю, к середине октября будем дома.

— Хорошо, я подумал, что неплохо бы прокатиться с вами на обратном пути. У вас хорошо и весело — много цветущей жизни, и молодой, и зрелой: вон совсем свежая жизнь прямо носится под ногами, — Дават кивнул в сторону Каны и Лемы, играющих со щенками. — Мне будет очень приятно хлебнуть этой жизни под занавес. Ну и поговорим. Если буду транспортабелен — прилечу последним летним рейсом.

— Отлично! Будем ждать. И читая побольше захвати — не только сами переводы, но и что пишут про них, и свежих газет побольше.

В июле на озеро сели два самолета с экспедициями из Атлантического Союза. Обе прислали парламентариев на «Петербург». Договорились, что вновь прибывшие встанут лагерями неподалеку от стоянки Александрийского университета, будут сотрудничать в быту, а работать в разных местах: одна команда — в Железной долине, другая — разведывать новые участки ледника. Почти каждую неделю под детский и собачий восторг на озеро садился тяжелый серебристый или темно-серый гидроплан, открывал задний порт, из него спускались на воду надувные моторные лодки, плыли с грузом к базам экспедиций, некоторые заглядывали в гости на «Петербург» с подарками — свежими фруктами и мясом, которое тут же запекали на костре. Потом лодки везли к самолету упакованный груз — книги и прочие ценности, возвращались, везли снова. Когда

самолет улетал, лодки оставались. На озере становилось все оживленнее. Ночи стали по-настоящему темными, в поздних сумерках на берегу зажигалось несколько костров — народ сидел у них до полуночи, несмотря на раннее начало рабочего дня. Все были молоды, полны сил, энтузиазма и будоражающего чувства причастности к творящейся Истории.

Когда начались первые заморозки, из самолетов стали выгружать толстые легкие панели и алюминиевые стропила, из них собирали треугольные дома для зимовщиков. Летние смены улетали, прилетали зимние, приветствовали друг друга, прощались, обнимались, жали руки, хлопали по плечу. А с последним самолетом прилетел похудевший и как будто помолодевший Дават.

— Прекрасно выглядишь! Все удачно?

— В какой-то степени. Приговор не отменяется, но некую отсрочку получил. О, никак у вас не только молодая жизнь бурлит, но и будущая проклеивается? — сказал Дават, глядя на Алеку и Колу с явно обозначившимися животами. — О, боже, и ты?! Ну вы даете! Все трое! Молодцы! — воскликнул он, когда Мана вышла на палубу.

Два молодых новобранца погрузили на борт ящики с чтивом и вкусностями, попрощались и уплыли на свою базу зимовать. Последний самолет взревел, разогнался, спугнув две стаи гусей, приготовившиеся к отлету, и был таков. А гуси, даже не сев, чтобы оправиться от испуга, выстроились в два цуга и взяли курс на юг вслед самолету. На озере стало тихо и пусто.

Последний день перед отплытием, 25 сентября, оказался последним днем золотой осени: солнечно, безветренно, красочно. На поляне, ставшей за год с лишним чем-то вроде уютной лужайки перед родовым гнездом, развели прощальный костер.

— Даже грустно стало оттого, что уплываем, — сказала Алека, подбрасывая сухие сосновые ветки, — пожалуй, я провела здесь лучший год в жизни. Нет, даже больше, почти полтора года. Инзор, что насупился, тебе есть, что возразить?

— Мне по определению нечего возразить тебе. Да я и не насупился, просто дым в глаза. А год и вправду был неплохим. Пожалуй, да, хорошо, когда ты нужен не обобщенной родине, а людям во плоти.

— А я жду не дождусь теплого моря и настоящей ванны. Хочу в цивилизацию! У меня уже слюни текут, как представляю еду в ресторане на набережной, ее вид и запах. А какой я сделаю доклад у себя в институте! Аншлаг! — Кола встала и обвела руками воображаемую огромную аудиторию.

— Со своим животом ты всех сразишь наповал! — добавил Крамб.

— И мне грустно уезжать, — сказала Мана. — Здесь было душевно и тепло, даже в самые морозы. А для девочек наша стоянка стала родиной. Здесь они научились говорить и думать. Они ведь почти ничего не помнят из своей прошлой жизни — лошадки, костер да какие-то обрывки, словно из кошмарного сна. А эту поляну и эти гривы, и запах этих ягод, и цвет этого неба запомнят навсегда. Наверное, девочки, как и я, будут всю жизнь тосковать по Северу. Когда подрастут, надо будет вернуться сюда. А сейчас мои двести друзей детей уже щебечут в голове.

— Вернемся! Крамб, давай сгоняем сюда на том же «Петербурге» лет через двадцать.

— Обязательно вернитесь! Мне сейчас самое время готовить завещания. Поэтому завещаю вам вернуться сюда в назначенное время.

— Но почему через двадцать лет? — вскричал Стим. — Мы еще не были в Железной долине! Мы не забирались на восток дальше озерного берега. Давайте вернемся через три года!

— Стим, ты через три года будешь взрослым мальчиком, — ответил Сэнк, — ты можешь завербоваться в любую экспедицию, отправляющуюся в эти края. Тебя возьмут хотя бы из уважения к «Петербургу». Но мне кажется, ты никуда не завербуешься. Ты увлечешься чем-то другим, какой-нибудь серьезной наукой, скорее всего, физикой. Наверное, это будет правильно — с мозгами у тебя все в порядке, а если в придачу окажется крепкая задница — добьешься многого.

Никто не хотел идти спать. Инзор принес из трюма три охапки березовых поленьев и подкидывал одно за другим. Мана уложила девочек, вернулась и села молча на раскладной стульчик. Она больше не участвовала в общем разговоре, у нее был свой собеседник:

— Что же, Мать-Прародительница, можно я тебе похвастаюсь? Я не люблю хвастаться на людях, но поскольку ты внутри меня,

то можно. Какое чудесное вышло путешествие! Книги — понятно, Сэнк у меня молодец, и я ни секунды не сомневалась, что он откопает нечто важное. Но спасенные девочки! Ты бы знала, какое это счастье — видеть, как дети превращаются из запуганных зверьков в веселых проказниц, как умнеют и развиваются не по дням, а по часам. Впрочем, может быть, ты это и без меня знаешь? Мне кажется, спасти и воспитать даже важнее, чем родить самой. Но и забеременеть в сорок шесть после двадцати двух лет простоя — это ведь тоже счастье? А внуки?! Сколько лет я ждала их! Кола, не подвернись Крамб, могла бы еще много лет привередничать и издеваться над ухажерами. Давно мне не было так хорошо, Мать-Прародительница. Интересно, а когда вы пришли к развалинам Александрийского маяка и сели усталые и сказали: «Здесь будет наш дом», — ты была так же счастлива? Уверена, что да, или даже счастливей, потому что не примешивалась грусть расставания с любимым местом, на котором успели пустить корни. Но, пожалуй, это светлая грусть, и мы еще вернемся сюда, я уверена.

Сидели долго, за полночь, говорили о чем попало — о Большой земле, о вкусной свежей еде, о встрече, о коллегах и друзьях, о газетных заголовках, посвященных их прибытию. Рано утром Инзор отчалил корабль, запустили двигатель, вся невыспавшаяся команда собралась на палубе. Обе девочки зарыдали.

— Мама, куда мы уплываем? Здесь так хорошо!

— Кана, там, куда мы плывем, еще лучше. Там большие дома, теплое море, много людей. Я же рассказывала тебе про Большую землю!

— Подождите! — рыдала Кана. — У меня там клад остался!

— Где, какой клад?

— Там, под елкой, шишки камушки, ягоды! — крик, слезы.

Инзор спрыгнул на берег, подтянул корму к причалу, Сэнк передал ему Кану, клад был найден и спасен. «Петербург» двинулся в долгий путь, разбивая свежий ледок. Команда, ежась на легком утреннем морозце, смотрела назад: домашняя поляна, заливчик, красно-желтые гривы, спокойное озеро, серый ледник на горизонте... Вскоре все чуть замерзло и ушли досыпать, а проснулись уже неподалеку от Большой Развилки.

— Ну, рассказывай, — предложил Сэнк Давату, — мы тут совсем одичали. Кроме новостей по радио ничего не слышали, что происходит на Большой земле.

— Студенты и выпускники исторических и филологических факультетов перевели около тысячи книг — перевели ужасно, но важные книги перевели вторично более матерые лингвисты. Самое интересное — микроэлектроника, вычислительная техника, космос, генетика. Большинство с энтузиазмом предрекает взрывное развитие вычислительной техники и всяческой информационной среды, меньшинство пугает катастрофой, к которой якобы привело предков это самое развитие. Я думаю, как бы кто ни пугал, назад в ледник это все уже не запихнешь, и нас ждут веселые времена. Собственно, уже вкладываются большие деньги и плодятся фирмы по производству больших интегральных схем.

— А какой-нибудь толк от плиток и дощечек есть?

— Тут целая душещипательная история. В дощечках и плитках основной элемент — кремниевые пластины. Народ пытался разглядеть на них какую-то структуру, но видел только контакты по краям. Что только не делали — снимали слои, полировали срезы, травили всякой химией, смотрели в самые сильные микроскопы. И ничего! Совершенно однородный кремний с небольшими примесями. Наконец догадались сунуть протравленную пластинку в самый сильный электронный микроскоп. И обомлели, поскольку увидели структуру в десять раз тоньше длины волны света — больше десяти тысяч шагов на миллиметр — сотни миллионов элементов на квадратном миллиметре. Как?! Как такое возможно?! И уже потом прочли в одной из отреставрированных книг про ионную имплантацию и прочие выкрутасы. Самое интересное, что один парень, не помню имени, догадался, что такие вещи можно делать пучком ионов, еще до того, как опубликовали ту книгу.

— А диски? От них есть какой-то толк?

— Пока больше толку получилось от больших пластиковых дисков. Они устроены проще простого — там аналоговая дорожка звукозаписи. Удалось отреставрировать около полусотни. Там есть музыка, там есть пение и речь. Теперь мы знаем, как звучат древний русский и древний английский языки. Надо сказать, звучат они не очень, особенно английский — просто отвратительно! Зато музыка

великолепна — иногда до костей пробирает. Жаль, что этих дисков сохранилось так мало.

— А с блестящими дисками что-нибудь получилось?

— Там сложнее. Удалось снять длинные фрагменты данных. Но расшифровать их неимоверно тяжело, поскольку неизвестны не только способы кодировки, но и что там закодировано. Народ трудится над этим — огромные толпы по всему миру, думаю, поборют. Но и эти диски — начало XXI века. Потом вся цифровая информация ушла в эти кремниевые пластинки в виде ничтожных электрических зарядов.

— Но ведь это ненадежно! Заряд может рассосаться, он же совсем эфемерен! А если что-то сломается?

— Не совсем так, Стим. Все эти зарядики дублировались, переписывались с одного места на другое, хранились в так называемом «облаке» в разных частях мира. Сломается здесь — останется там. Это надежно, пока все работает. Пока не случится Большой Охряст, про который предки ничего не знали.

«Петербург», идя вниз по течению, обгонял осень. Желтизна становилась все ярче, появились красные тона. Буйство красок достигло предела в горах близ Новой Самары — желтые и красные языки пламени меж темно-зеленых елей. Стремнину на створе древней плотины проскочили буквально с ветерком — вся команда собралась на носу, застегнув куртки, поеживаясь, уворачиваясь от брызг, поднятых носом «Петербурга» на стоячих волнах. Постепенно становилось теплей — осень шла вспять.

В Воротах экспедицию проинспектировал тот же пожилой таможенник. С доброй, чуть ироничной улыбкой он протянул Сэнку бланки деклараций, на первом из них была легкая карандашная надпись «100». Получив указанную сумму, он подписал и проштамповал все листы, выдал подписанный протокол осмотра, спустился на катер и с той же доброй улыбкой помахал рукой.

Верхнее море на сей раз было спокойным и солнечным, но скучным. Все собрались на верхней палубе за рубкой и разлеглись кто как — Глоня на спине лапами вверх, щенки — клубочком, девочки уснули, свернувшись рядом со щенками, Крамб с Инзором загорали лежа на спине, остальные уткнулись в книги — кто с открытыми, кто с закрытыми глазами.

— Эй, сонное царство, что приуныли? — нарушил молчание Дават. — Успеете выспаться — у вас вся жизнь впереди. Лучше скажите, кто что видит в ней. Давайте по очереди. Алека, что тебе видится впереди?

— У меня впереди Темный век. Копаться в XX и XXI веках уже неинтересно — про них все написано. Эти века теперь — работа историков, а не археологов. Темный век, его кладбища и мертвецы — вот мое лучезарное будущее! На могильных плитах продолжали писать имена, ставить даты рождения и смерти — единственная значимая информация, что осталась воплощенной на долговечных носителях. Все остальное ушло в эти зарядики в кремниевых пластинах, как рассказал Дават. И мертвецы, их кости — только они и могут что-то сообщить: как менялись от поколения к поколению, чем болели, как питались.

— Они могут сообщить гораздо больше, — добавил Дават, — в книгах говорится о том, что древние умели полностью читать геном по обрывкам геномных молекул, содержащихся в костях, — геном любых живых существ, даже тех, что жили сотни тысяч лет назад, — всю последовательность. Лет через двадцать и наши научатся. Ты как раз наберешься опыта. Я верю в твоё лучезарное будущее. А ты, Кола, что думаешь о своей карьере?

— Карьера будет толстой и блестящей, но прежде всего я должна унять свою ярость от качества перевода книг, которые ты, дядя Дават, привез. Это возмутительно, преступно! Придется написать гневную статью и самой заняться переводами. А потом уже научной работой по русскому языку и литературе XX–XXI веков. Там пропасть работы. Должна же существовать приличная русская литература XXI века! Ну не может все быть таким бараклом, как то, что лежит в кают-компани!

— Инзор, вернешься ли ты в армию?

— Не уверен. Скорее наймусь к Алеке подсобником и охранником в экспедициях. Мне понравилась эта роль.

— Стим, а ты чем бы хотел заняться?

— Всем!

— Ответ, достойный юного дарования! Но все-таки, чем именно «всем»?

— Физикой. Я так и не понял, откуда взялась Вселенная, и еще хочу разобраться в ядерной физике. Еще археологией — хочу поехать в Железную долину. Еще электроникой — хочу участвовать в информационной революции. Биологией тоже, потому что не понимаю, как возникла жизнь.

— А неужели не хочешь стать писателем? Ведь тебе с твоими интересами будет, о чем рассказать людям.

— Это, может быть, уже смешно, но хочу!

— Ну и правильно, нет тут ничего смешного. Сэнк, у тебя впереди тоже прорва всего. Что скажешь?

— Прорва прорвой, но если серьезно, свою лебединую песню я уже спел. Больше в мире нет таких городов во льду. Скандинавские города съедут в море, под Североамериканским ледяным щитом нет крупных городов. А если где-то что-то и найдут, то прекрасно обойдутся без меня. Да и надо переключиться на что-то другое — не дело пытаться чирикать продолжение лебединой песни, надо начать что-то новое. Пока не решил, что именно, есть смутные идеи, но не более того.

— Мана, тебя не спрашиваю, с тобой и так все ясно.

— Да уж, ясней некуда!

Кавказ снова предстал во всем великолепии — на сей раз темная полоса между снегами и морем стала шире, скалы — контрастней, ледники — голубей. Когда проплывали вдоль южного берега Нижнего моря, мимо Золдиона, экипаж испытал внутреннюю борьбу между тягой к родной гавани и зовом свежих морепродуктов. Морепродукты победили, зато потом «Петербург» шел без остановок до самого конца. С ветерком проскочили проливы и промежуточное море, за полтора дня прошли Северный архипелаг, повернули на восток, а еще через полтора дня Сэнк, воспользовавшись хорошей погодой, взял курс прямо на рог Носорога-острова, срезая десять часов пути. Вскоре на горизонте показался знакомый хребет.

— Ну что же, Зедонг, вот и снова снежные горы древней Финикии. Вот мы и возвращаемся. Вроде с триумфом, но без ответа на главный вопрос: что же случилось с предками. Так уж вышло — мы не нашли ключа к разгадке. Жаль, но что делать — он закопан глубже, чем думали. Раскопали лишь смутную подсказку: предки стали слабаками, почивая на достижениях прежних поколений. По-

том что-то выбило их из колеи. Но об этом мы и так догадывались. Не очень-то внятный результат, да и то он основан лишь на паре книжных свидетельств. Других находок хватит на сорок монографий, на десять самых сиятельных научных премий — кто-то их наверняка получит. Но мне эти премии не греют душу. Я хочу понять, отчего случился Большой Охряст, и буду искать дальше тот самый ключ. Понимаешь, почему это важно? Да потому, что он может повториться, если мы не поймем... Впрочем, если поймем, все равно может повториться, но тогда будет ясно, что надо делать, чтобы хоть совесть была чиста. У меня есть идеи, но пока лишь смутные, что-то едва-едва проклевывается. Успею ли? Вон Мана поднимается в рубку, наверное, кофе несет. Она, конечно, скажет, что успею. А черт его знает!

За день до прибытия Дават по рации передал просьбу к мэрии: не устраивать фейерверка, поскольку часть экипажа боится взрывов и выстрелов. На траверсе древнего Порт-Саида за «Петербургом» увязались три моторных лодки, вскоре еще три лодки и два катера, а километров за двадцать до Александрии за кормой образовался огромный эскорт — пестрый шумный гудящий шлейф разнокалиберных судов с развевающимися флагами государств, городов и сообществ. А впереди всего, на носу «Петербурга», — Глоня с подростками щенками, Мана с девочками, Алека с Колой и чуть сзади Стим с Инзором.

На припортовой площади полторы тонны духовой и ударной меди и четыре кубометра барабанов грянули морской марш. Толпа что-то закричала, замахала головными уборами. Сэнк, стоящий за штурвалом, сморщился.

— Не бери в голову, — сказал Дават, — вы заслужили пышную встречу. Да и не для тебя весь этот восторг, он для них, для людей. Каждому хочется хоть капли причастности.

— Дай-ка посмотреть, — попросила у мужа бинокль женщина в роскошной шляпе с широкими полями. — Спасибо... Странная какая-то экспедиция. Вместо суровых мужчин — в основном дети, звери да беременные женщины.

ЧАСТЬ III
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

11. Возвращение

Эх, Зедонг, давно я не отчитывался перед тобой. Куда ухнули эти двадцать лет? Ну, последние десять — еще куда ни шло. А первые десять? Называется «почивал на лаврах». Конечно, это тоже своего рода работа — две книги, статьи, лекции, конференции, приемы, телепередачи. Аж забронзовел слегка. И ничего нового все десять лет. Правильно сделал, что десять лет назад после звонка Савена, нашедшего вторые часы, сменил микрофон на лопату, с ней вся бронза быстро осыпается. Хоть и спина уже побаливает, зато чутье окрепло в разъездах и в раскопах на свежем воздухе. И вот, Зедонг, могу доложить: наконец кое-что проклюнулось. Спасибо за помощь Алеке с Инзором и десяткам «часовщиков» — волонтеров и рабочих! Мы еще не нашли ответа, мы не нашли настоящую причину, да и не найдем ее — там сразу много причин. Но, кажется, мы нашли триггер! Мы нашли тот спусковой механизм, который запустил Большой Охряст. Кажется, нашли. Не хватает последних штрихов. Надо собрать старую семейную команду, я так соскучился по ним! Прямо сейчас позвоню всем!

— Стим, привет, ты где?

— Привет, папа. В яме. Копаю яму для септика на участке. Лема помогает вынимать грунт.

— Достойное занятие. Но ты же еще дом не построил.

— Сначала надо подготовить отвод дерьма, а уже потом делать великие свершения! Таков мой принцип.

— Хорошо. Вы в отпуске?

— Лема в отпуске, я нет — просто мертвое время в институте. Работая дома в режиме совы.

— Слушай, помнишь, мы лет двадцать назад мечтали вернуться на Север?

— Да, помню, я еще рвался через пару лет приехать.

— Я думаю, пришло время. Тем более, как еще мне собрать всех вас? Кроме того, есть о чем поговорить по делу. К тебе есть вопросы и к другим есть вопросы — вполне серьезные. Короче, хочу устроить поездку на несколько дней с докладом на станции и с пикником на той самой поляне. Первая половина августа — идеальное время.

— Хорошо, я готов. Подожди... Лема говорит, что она тоже с радостью.

— Отлично, перезвоню послезавтра.

— Привет Алека, как вы там с Инзором? Наша с вами статья про часы уже на выходе. Как ваши мертвецы?

— Хорошо. Мы дома, отдыхаем после экспедиции. Мертвецы вот-вот заговорят.

— А я договорился о полете всех нас на станцию «Петербург». Сделаю доклад, может быть, кто-то из нас еще сделает. Но в любом случае они готовы пригласить всех девятерых, причем полный комплект их обрадует больше всего.

— Ура! Дядя Сэнк, ты добрый волшебник! Давно мечтала туда вернуться хоть на денек, а вчера весь день вспоминала, ностальгия прямо заела. Когда?

— Вторая неделя августа. А как Инзор?

— Конечно, Инзор согласится, гарантирую! Он у меня паинька, мой верный солдат. Следующую экспедицию чуть подвинем.

— Отлично, позвоню через пару дней.

— Крамб, привет, ты где?

— На площадке в Гриане. Через четыре дня запускаем вторую «Марсианку».

— Ох, а я и забыл! У тебя горячая пора. А что с первой?

— Мир ее праху. Но я точно знаю, что мое шасси тут не при чем. Похоже, программистская ошибка, выключившая прием команд. Несколько снимков все-таки получили.

— Видел. Слушай, я договорился о рейде на станцию «Петербург» для всех «петербуржцев» — вторая неделя августа. Вырвешься?

— Хорошая идея. Вырвусь. Как раз запустим и настанет общий расслабон на первые месяцы полета.

— А Кола?

— Кола дома сидит, книгу пишет. Позвони ей лучше сам, а то она вчера на меня нарычала.

— Кола, привет! Ну как литература XXI века поживает?

— Если ты о русской литературе, то смотря как глянуть. Если считать литературой наличие хороших текстов и авторов — то вполне поживает, точнее, поживала. Даже в начале XXII века теплилось нечто приличное, а потом уже не проследить. А если считать литературой национальное явление, влияющее на развитие социума, то ни черта она не поживала — ютилась в щели под забором.

— Расскажешь более подробно при личной встрече, для нее появилась хорошая оказия. Летим на «Петербург», все мы, кто там был. Летим и живем за их счет. Крамб согласен.

— Эх, получит он от меня в лоб при этой оказии! Уже два месяца мотается в командировках — «Марсианка» у него вышибла из головы все остальное. Хоть бы звонил почаще, хоть бы сказал что-нибудь...

— Хорошо, заодно дашь Крамбу в лоб. Вторая неделя августа. Позвоню через пару дней, скажу точнее.

— Привет Кана, как поживает ваш гербарий?

— Привет, дядя Сэнк. Отлично. Надеюсь, скоро сильно пополнится. В подошве сандалий Праотца в щели между слоями кожи полно травы — соломинки, семена, пыльца. Пока не дают достать их оттуда, при встрече расскажу. Ты был прав, он носил эти сандалии многие годы и даже чинил их, не выпотрошив все это богатство. Там, похоже, есть злаки, которые растут только в горах Экваториальной Африки. Так что спасибо за идею!

— Ты умница, и я хотел бы обсудить с тобой все вышесказанное. Скорую личную встречу гарантирую. Помнишь Север, «Петербург», поляну? Хочешь слетать туда?

— Ой, конечно! Еще как хочу! Я прекрасно помню наше место. Помню, как клад забыла, когда отплывали, а дядя Инзор спас его. А у меня ведь там еще один тайник остался! Дядя Сэнк, возьмите меня!

— Обязательно. Всех возьму!

— И Лему?

— И Лему. И Глоню бы взял, жаль, они столько не живут... Позволю послезавтра и скажу все точней.

Сэнк сунул телефон в задний карман брюк, но вспомнил, что он уже раздавил два телефона таким образом. Он переложил его в нагрудный карман рубашки, но вспомнил, что, наклоняясь, многократно ронял телефоны из этого кармана, причем один раз в коштер, другой раз в бассейн.

— Мана, шей мне мешочек на шею для телефона, как у Праотца! Кстати, надо сказать Кане, чтобы хорошенько проверили швы этого мешочка. В общем, я всех обзвонил, все согласны.

— Ну и славно. А младшее поколение будем звать?

— Я думаю, им не столь интересно туда лететь — вряд ли их терзает внутриутробная ностальгия. Сын из похода еще не вернется, а его племянницы в Америке до середины августа.

Встретились прямо на взлетном поле. Алека бросилась на шею Сэнку, Кана с Лемой с двух сторон обхватили Ману, Крамб со Стимом долго трясли друг другу руки и хлопали по плечу, проверяя на крепость, Инзор обнялся с Колой. Четырехмоторная турбовинтовая амфибия, как будто та же самая, что летала в те давние времена, загружалась с заднего порта всяческим оборудованием. Темно-серая, страшная, как химера на древней крепостной башне, страшней, чем на воде из-за разлапистых шасси, выпущенных по бокам, — хищное чудовище, готовое ринуться на врага. Дорогих гостей пригласили на посадку по трапу через переднюю дверь. Компания уютно расположилась вокруг небольшого круглого стола в носовом салоне. Обычно в этом салоне летали всяческие начальники со свитой. Но для такого рейса Сэнк был намного круче любых начальников. Да и другие участники экспедиции были важными птицами, а уж все вместе — эпохальное событие: экипаж легендарного «Петербурга» в полном составе посещает международную станцию «Петербург». Сэнк выразил надежду, что у них там нет ни фейерверков, ни духовых оркестров.

— Не надейся, — сказала Мана, — они еще что-нибудь придумают. Люди любят праздники, и радуйся, что твое прибытие для кого-то хороший повод пошуметь и повеселиться. И не надо из себя скромницу строить.

Когда самолет набрал высоту, двигатели чуть утихомирились — их шум не мешал спокойному разговору. Наверное, расспросов, воспоминаний и рассказов о бурно текущей жизни хватило бы до конца пятичасового полета — кто-то не виделся несколько месяцев, а кто-то и три года, но Сэнк уже через час прервал беседу:

— Поговорили, а теперь — к делу. Я вас собрал не только для семейной встречи и утоления ностальгии. Я хочу мобилизовать вас на новый мозговой штурм, а может быть, и не только на мозговой. Задача, как вы понимаете, та же самая: выяснить, что произошло после 2226 года прошлого летоисчисления. Есть подвижки и есть идеи, будет интересно, и мне не хочется, чтобы вы остались в стороне.

Итак, серьезная новость в двух словах. Шестнадцать тысяч лет назад в один день, в один час почти по всей Земле, исключая низкие широты, рухнули электросети. Это мы выяснили по электро-механическим часам, остановившимся почти в одно время: 15 января 2227 года около 3 часов вечера по нулевому поясу. Нам опять повезло: электро-механические часы в то время стали чем-то вроде ретро-моды, видимо, людям надоели электронные табло. Примерно в то же время на дорогах Земли образовались завалы — может быть, парой часов раньше. Одно из возможных объяснений — внезапно рухнула система глобального позиционирования. Что скажешь, Стим?

— Папа, ну что тут сказать? Все очевидно до безобразия: аномальная солнечная вспышка. Все симптомы налицо.

— Есть такая гипотеза, мы обсуждаем ее в статье. А почему не гамма-всплеск, например, или не сверхновая? А может быть, ядерная атака в космосе?

— Сверхновая никак, иначе бы мы сейчас видели ее остаток. Ничего похожего нет. Гамма-всплеск в Галактике может сжечь все спутники, но электросети вышибить — вряд ли. Он не затрагивает магнитосферу, гамма-кванты прошивают ее насквозь и устраивают некий тарарам в стратосфере — но без большой электрической наводки. Да и бывает такой гамма-всплеск раз в десять миллионов лет. Космическая ядерная атака может уничтожить систему глобального позиционирования, но не электросети по всей Земле. Да и остался бы осевший плутоний — он хоть из стратосферы, хоть из

ближнего космоса осядет — ты же сам говорил, что его следов нет в сезонных слоях льда.

— Да, почти весь плутоний осел в XX веке. Поигрались с испытаниями и закончили. В начале XXIII века чисто.

— А как часто бывают такие вспышки на Солнце?

— Вполне возможно, раз в тысячу лет, может быть, раз в десять тысяч. Их видят на других звездах, похожих на Солнце, — звезд много, поэтому не надо ждать тысячи лет. Они могут быть в сто или даже в тысячу раз сильнее тех, что наблюдались за две коротких истории наблюдений.

— У них другая природа?

— Да как сказать... И да, и нет. Да, у них та же физика — пересоединение магнитного поля, тот же физический механизм. Нет, в том смысле, что это другой сценарий. Объяснять?

— Подожди, — вмешался Инзор, — расскажите сначала, почему получились завалы на дорогах? Я не понимаю, ну, отключился навигатор, и что с того?

— Если у тебя одного отключился, ничего не произойдет. Поедешь по памяти, по указателям, или остановишься на заправке и спросишь дорогу. А если у всех сразу, у всех, кто не умеет ездить без навигатора, и кто-то там перед тобой, нервный и возбудимый, вдарит по тормозам от страха? Ты тоже станешь сразу нервным и начнешь куда-то выруливать. И пошло-поехало. Хуже того, больше половины машин управлялись роботами. Адская смесь из туповатых роботов и паникующих людей на загруженной трассе! Что будет делать робот, если он потерял ориентацию? Тот, что попроще, начнет тормозить, где ехал. Тот, что поумнее, станет выруливать на обочину, пользуясь своими видеокамерами. А туда уже выруливают десятки машин, там негде встать, там не успеешь затормозить, там половина вынуждена лететь за обочину. А другая часть, никуда не успев вырулить, останавливается или сталкивается на проезжей части, некоторые фуры переворачиваются — все живы, если не вылетели на встречную, но не могут никуда ехать — дорога безнадежно забита. А чуть позже из городов хлынет поток беженцев на дачи, в деревни, куда угодно, лишь бы из гиблых каменных джунглей! И негде заправиться или зарядиться!

— А что раньше, сгорают спутники или встает энергосистема?

— Сначала спутники — через восемь минут после вспышки прилетают гамма-кванты и вырубают спутники на дневной стороне. Вспышка сразу не заканчивается и добивает спутники, залетающие на дневную сторону. Потом доходит волна солнечного ветра и плющит магнитосферу, наводя индукцию в электросетях. При обычной вспышке волна доходит примерно через сутки или чуть больше. При аномальной вспышке она могла прийти, например, через час.

— Да, это объясняет, почему не восстановили энергосистему — ремонтные бригады попросту не могли никуда добраться, да и сколько их было, этих бригад?!

— А на вертолете?

— А как добраться до вертолета?

— А у ремонтников были вертолеты? А если нет своих — как связаться? Связь-то тоже наверняка грохнулась.

— Самое правильное — разгрести завалы бульдозерами.

— И кто будет разгрести? Кто отдаст команду при потерянной связи? А если и найдутся добровольцы-бульдозеристы, где им заправиться, когда горючее израсходуют?

— Кто-то рванет из городов и застрянет в дороге, а те, что останутся, ринутся в магазины — кассы не работают, света нет, но товары-то на полках стоят! А на всех не хватит, и что тут начнется?!

— Воды ведь тоже не будет! Из магазинов мигом растащат. Хорошо, если река рядом. А если нет?

— Это же был январь. Значит, в городах через пару дней все начали замерзать в своих квартирах в темноте. Канализация не работает. Пить нечего. Большинству нечего есть. Большую часть суток — крошечная тьма. И абсолютная неизвестность, ни единой весточки. Телевизор мертв, компьютер мертв, телефон еще светится, но связи нет.

— Я бы выпрыгнула из окна, если бы осталась одна, как весь последний месяц, — проворчала Кола.

— Так многие и выпрыгнули, судя по находкам ломаных костей в городах, — ответила Алека.

— Первые дни, наверное, на что-то надеялись, — предположил Сэнк. Но шло время, люди начали умирать, тьма не рассеивалась. Правительства нет — они там бегают в панике, не могут связаться

друг с другом. Допустим, собрались — пришли пешком, и что дальше? Ни рычагов, ни нитей, ни исполнителей. И службы спасения сидят по домам в потемках или на дежурстве, обездвиженные без связи, без топлива. Армия? А что может поделывать армия?

— Тут разве что моторизованная пехота могла бы что-то поделать, если у нее был приличный запас горючего, — ответил Инзор, — но я не уверен, была ли в то время полноценная пехота. Да и что она могла сделать? Одна дивизия могла бы спасти один город среднего размера, каких сотни и тысячи.

— Но почему люди не организовались сами? Почему не создали домовые, дворовые бригады спасателей? Почему не взяли под контроль продовольственные запасы? Зачем уповать на государственную власть, когда можно создать свою в пределах квартала?

— Крамб, ты — здоровенное дитя молодой румяной цивилизации, поэтому тебе это странно. Они — отпрыски состарившегося, напроць зарегулированного мира, где на каждую функцию, на каждое действие есть свои специально обученные люди. Потому и не самоорганизовались — атрофировалось у масс это «само-». Но все-таки где-то люди сплотились и действовали — ведь ушла часть людей из городов в новые поселения и тем спаслась.

— А в городах никого не осталось? — спросила Лема.

— Города наверняка превратились в ад, где невозможно не то, что жить, а находиться, — ответил Сэнк. Гниющие трупы, вонь, инфекция, крысы. Люди, скорее всего, пытались согреться огнем, значит, пожары. У меня не хватает воображения представить, что стало с населением многомиллионного города, с людьми, которые не смогли его покинуть. И все-таки парадокс, просто не лезет в голову. Казалось бы, такая ерунда — пропало электричество. Вон, почти весь Балканский полуостров восемь лет назад остался без электричества, так восстановили за полтора дня и не поперхнулись. Завели резервные генераторы, ни один больной, привязанный к электроприборам, не успел помереть. А тут — полный охряст. На словах понятно, а в голову все равно не лезет.

— Ох и жуть вы рассказываете! — вступила Мана. — Страшно представить, что испытали те люди. Какими бы он ни были — слабыми, неумехами, — все равно ужасно жалко их. Они жили как

могли, как несло течение, и не заслужили такой участи. Давайте что ли помолчим минуту.

Помолчали. За окнами медленно уплывали горы и наплывала синь Нижнего моря.

— Стим, Расскажи все-таки, что могло произойти с Солнцем, — предложил Сэнк.

— Внутри Солнца по сторонам от экватора наматываются два огромных жгута силовых линий магнитного поля, — Стим изобразил процесс вращением рук в противоположные стороны. — Силовая линия — как резинка, которую можно бесконечно растягивать вдоль, а поперек вещества она двигаться не может. Вот она и растягивается, наматываясь по широте из-за того, что звезда на разных широтах вращается с разной скоростью. Эта намотка создает два магнитных обруча по сторонам от экватора, причем полярность у этих обручей противоположная. При нормальном режиме эти обручи остаются в глубине. Верхние слои Солнца бурлят — это называется конвекцией. Восходящие конвективные потоки отщипывают магнитные петельки от этих глобальных жгутов и выносят на поверхность. Так получаются солнечные пятна. Там, вне Солнца, эти петельки пересоединяются и аннигилируют. Так получаются солнечные вспышки. Это обычный режим и обычные вспышки. Но изредка беспорядочные конвективные потоки перестраиваются в глобальные упорядоченные, и эти два магнитных обруча всплывают на поверхность — частично или целиком. И тут начинается ужас — они пересоединяются друг с другом, выделяя в сотни, а то и в тысячи раз больше энергии, чем обычные вспышки. Вот и вся премудрость.

— Если такие вспышки происходят раз в тысячи лет, значит, они были по Земле много-много раз, — заметила Кана.

— Ну и что? Если у обитателей планеты нет спутников и длинных проводов, наплевать им на такие вспышки. Просто не заметят, точнее, увидят феноменальное полярное сияние и порадуются. Кстати, а радиоуглеродный анализ древесных колец вокруг 2227 года делали?

Наступило молчание. Сэнк с Алекой переглянулись. Алека посмотрела на Кану.

— Ты думаешь, это будет видно?

— Еще как! За одну такую вспышку в стратосфере может образоваться столько углерода-14, что он перекроет годовую норму его наработки от нормального облучения. Этот цэ четырнадцать в виде углекислого газа съедается растениями и откладывается в годовых кольцах деревьев. Значит, в кольцах того самого года и нескольких последующих лет должно быть много цэ четырнадцать, как будто эти слои на тысячу лет моложе следующих. У этого углерода период полураспада пять с лишним тысяч лет, но в воздухе он исчезает гораздо быстрее — меченый углекислый газ уходит в океан в обмен на обычный.

— Я не слышала, чтобы кто-нибудь делал радиоуглеродный анализ отдельных колец, — сказала Алека, — хотя не понимаю, почему. Очевидно же!

— Это тебе сейчас очевидно. Насколько я помню, искали главным образом свидетельство ядерной войны — следы плутония, — искали в годовых слоях льда, в слоях ила, может быть, и древесных кольцах. Не нашли и успокоились. А радиоактивный углерод не проверили. Хорошо, что у нас в семье ни одного дендрохронолога, а то бы всыпал я ему сейчас на правах патриарха!

— Кана, а где взять образцы древесины из этих колец? — спросил Стим.

— В Историческом музее Александрии есть два среза — но они будут жадничать. Гораздо больше в археологическом музее Тира, там целые бревна, но Тир — Атлантический Союз, а у них драконовская бюрократия. Я думаю, легче попросить у какой-нибудь археологической экспедиции, пока деревяшки не оприходованы. Алека лучше знает, у кого их выпросить.

— Да, я знаю. Как только появится связь, позвоню.

— Стим, масс-спектрометр можешь обеспечить?

— Нет проблем, но там все равно кто-то из спецов потребуется, чтобы правильно отнормировать, внести поправки.

— Ну, это я могу, неплохо знаю эту кухню. Так что проверим, когда вернемся. Смотрите, внизу справа опять горы.

Справа открылся северный берег Нижнего моря — отросток Кавказа, в далеком прошлом — Крымский хребет. За ним потянулись лоскуты полей с вьющимися через них речушками, с перелесками; деревни, небольшие городишки. Далеко на востоке заблестела

Межморская Волга (помните, мы там плыли двадцать лет назад?). Вскоре самолет пересек внушительную реку, а потом пошла тайга — безлюдная и бесконечная. Лишь небольшие поселки и вырубки вдоль большой реки. Огромная таежная равнина, куда лишь тысячу лет назад добрались отчаянные переселенцы, осев на берегах рек. Что их выгнало из благодатного Земноморья?

Самолет снова пересек ту же самую большую реку. По ней крошечный буксир тянул вниз по течению длинную связку плотов. Через неделю эти бревна будут перегружены в порту на морской сухогруз, затем привезены в Александрию, распилены на брусья и доски, двадцать кубометров из которых через полгода купит Стим для дома, который они с Лемой к тому времени начнут строить. Капитан буксира долго провожал взглядом самолет, гадая: «Отчего уже третий за неделю? Что происходит у них там на Севере? Какой-то ледяной город опять обнажился?..»

Возобновлять разговор уже не хотелось, все смотрели в окна — тайга продолжалась. На востоке в дымке остался погруженный в леса огромный город, где высоко над деревьями торчат островерхие холмы из бетонного и каменного лома, где до сих пор стоит знаменитый двухсотметровый обломок телебашни. У археологов еще руки не дошли до этого холодного таежного мегаполиса — пока что есть горы работы в более теплых краях. И снова большая река, не просто большая — огромная, вышедшая из берегов, затопившая пойменные луга и даже участки тайги — Западная Волга. Самолет начал снижаться, далеко впереди справа показался серый ледник, знакомое озеро. Еще издали открылся глубокий темный залив в светло-сером леднике. Вскоре Стим опознал в этом заливе Железную долину. Она стала намного больше, глубже и темней. Железная щетина как бы опала, пригладилась — торчащие во все стороны изо льда конструкции вытаяли и легли.

Самолет подрулил к длинному понтонному пирсу. Сэнк, подходя к дверям, инстинктивно зажмурился и втянул голову в плечи, и точно — на берегу все-таки грянул оркестр: пустые бочки из под горячего, алюминиевые канистры и колокол. Да, самый настоящий тяжелый медный санкт-петербургский колокол, висящий на ажурной звоннице у входа на пирс. А духовые инструменты имитировались громкоголосым хором: «та-та-та, бу-бу-бу». Как только

Инзор, будучи замыкающим, ступил на пирс, раздался залп двух десятков ружей, и в воздух взмыла дюжина самодельных ракет.

— Ну вот,— сказала Мана,— а ты сомневался!

У трапа команду «Петербурга» встречали начальники отрядов во главе с председателем Совета станции, атлантийцем Алоном Цирканом. Легкий, быстрый в движениях Ал обнял всех дорогих гостей и провозгласил, вытянувшись по-военному и подняв правую руку:

— Республика Петербург приветствует членов экспедиции «Петербург»!

— Ал, ты здесь прекрасно сохранился, не в пример мне!

— Сэнк, я все-таки на три года моложе, да и здешний климат способствует консервации.

У выхода с пирса толпились около сотни человек. Перестав трубить в сложенные рупором ладони и барабанить по железным емкостям, они встали по сторонам и зааплодировали. Гости разулыбались и замахали руками в ответ. Алека обратила внимание на их одежду — в ней явно прослеживались три стиля:

— светлые клетчатые рубашки с бордовыми жилетками из плотной ткани, обильно усеянными карманами;

— тонкие свободные свитера, черные или темно-синие — в этом варианте одежды карманы топорщились на брюках;

— белые рубашки с тонкими шерстяными жилетками — у их обладателей вообще отсутствовали какие либо карманы.

— Что это они одеты как из трех инкубаторов? — спросила Алека. — Национальные униформы что ли?

— Нет, цеховые униформы,— ответил Ал.— У нас интернационал: формально каждый подчиняется своей национальной администрации, фактически все разбилось на команды сообразно с профессиональными интересами и навыками. И все прекрасно говорят на классическом земноморском.

— И что это за три цеха?

— Те, что в бордовых жилетках, — машинисты; исследуют технику Темного века. Большинство из них копаются в Железной долине, они в большинстве и сейчас там — здесь лишь те, что работают в Механической лаборатории, она вон там за грядой, — Ал махнул рукой на запад. — В свитерах — старьевщики. Работают с культурными

и бытовыми артефактами — в других местах их коллеги называются археологами, но они почему-то ненавидят это слово и иначе, как старьевщиками, себя не называют. Кстати, они все еще находят немало книг, хотя месторождений, подобных вашему книгохранилищу, больше не попадалось. Они тоже в своем большинстве сейчас на леднике. А в светлых рубашках — звонари, белая кость. Их профессия — «прозванивать» лед — акустическое и электромагнитное зондирование. Они не даром едят свой хлеб: ты бы видел их трехмерные карты внутренностей ледника, все видно — где камень, где железобетон, где железо, где нечто мягкое заморожено! Свалки видят на глубине до двух сотен метров — они так и плывут в придонном слое облаками мусора, поглощая и рассеивая звук.

Сэнк остановил взгляд на одном из звонарей. Тот хитро улыбнулся в ответ. Сэнк несколько секунд напряженно вглядывался, наконец спросил:

— Никак Ланс Харонг?!

— Так точно!

— О, здоровенный какой стал! — Сэнк подошел и потряс Ланса за плечи. — Правда и раньше был не маленький. Я и не знал, что ты здесь. Только что, когда сидел в самолете, твоего отца вспоминал, как встречал его здесь в шестьдесят седьмом, как плыли с ним домой на «Петербурге», он еще все расспрашивал нас, как каждый видит свое будущее. Он будто хотел всех подбодрить напоследок, поддать нам жару.

— Да, он часто вспоминал эту поездку, даже когда уже сидел на наркотиках, все повторял: «Хороший теплый праздник под занавес!» Весело у вас там было, судя по его рассказам. Кстати, именно тогда он меня надоумил заняться этим, — Ланс кивнул в сторону ледника. Я же был кабинетным математиком. Говорит: «Вот тебе достойное поле деятельности с твоими обратными задачами». Придумай, мол, как с помощью акустики прощупать то, что подо льдом, — там ведь столько всего интересного!

— Расскажешь поподробней?

— Да, меня попросили послезавтра доложить об этом на конференции.

— Отлично, до встречи!

— Пойдем, поселю вас, все остальное потом, — скомандовал Ал, — здесь все рядом.

Станция располагалась там же, где в 966 году высадилась александрийская экспедиция — на берегу озера в небольшой долине, напоминающей амфитеатр, обращенный к воде. Треугольные домики первых зимовщиков рядом с озером остались на месте — в центре арены. Там же на арене — главное здание: столовая, конференц-зал, офисы и три невзрачных строения с развевающимися флагами — национальные штабы Александрийской и Аравийской республик и Атлантического Союза. По склонам долины зрительскими рядами расположились жилые домики — легкие сборные конструкции на тяжелом цоколе из валунов (все либо из местных камней, либо доставлено по воздуху — так Ал прокомментировал особенности архитектуры). От пирса через арену, далее вверх по центру амфитеатра шла главная улица, крытая плотно утрамбованным гравием (асфальт на самолетах не возят). По сторонам дороги — небольшие сосенки, посаженные лет пятнадцать назад, едва достигшие человеческого роста. На шестом верхнем ряду свернули налево и прошли метров сто:

— Ну вот ваш дом. Без архитектурных изысков, но вместительный — весь ваш. Держи ключи, комнаты выберете сами. Поселяйтесь — и добро пожаловать в столовую на ужин!

Сэнк с Маной встали у окна, выходящего на север. Пока они шли, разбирались с комнатами, распаковывались, с запада нагнало низкую аморфную пелену. Цвета исчезли, остался лишь холодный серый — ледника, воды и неба, да еще темно-серый цвет камней. Ледник отступил от озера, обнажив голые камни — бараньи лбы, валуны, булыжники. Где-то в щелях на оставленной территории наверняка что-то проклюнулось, но отсюда пейзаж за озером выглядел безжизненной полярной пустыней.

— Все стало совсем по-другому, — заключил Сэнк, — ледник начинался прямо от озера, местами спускался в воду. Вон там, левее груды валунов, небольшой залив, прикрытый бараньими лбами. Там в озеро впадает река, по которой мы плавали внутрь ледника. Она текла в ледовом ущелье, переходящем в тоннель, а сейчас петляет на открытом пространстве — я успел рассмотреть ту реку при заходе на посадку.

— Вы плавали, а я с этими чертовками сидела. Они тогда еще еле говорили, но хулиганили в полную силу. Глони еще у нас не было, поэтому все доставалось мне.

Серую пелену смело на восток, выглянуло солнце, и все окрасилось в свои цвета: темно-синее озеро, серо-голубой ледник, розоватые бараньи лбы и камни, скупая зелень, коричневые крыши. Самолет отчалил от пирса; на воде без выпущенных шасси он выглядел вполне миролюбиво — темно-серая птица с расправленными крыльями. Сэнк с Маной, обнявшись, стояли и смотрели, как он медленно отплывает от берега, все дальше и дальше — едва ли не на середину озера, разворачивается, разгоняется, тяжело отрывается от воды и с натужным ревом пролетает над поселком — так близко, что прекрасно читается надпись «Черный Лебедь» под кабиной пилотов.

— А ты говорил, они водятся только в Южном полушарии...

— Да, но конкретно этот надолго угнездился на нашем озере. Через пять дней он заберет нас отсюда.

12. Конференция

Утром следующего дня на входе в столовую висел плакат:
«Петербург» вчера и сегодня
Конференция, посвященная визиту членов экспедиции «Петербург»

Утренняя сессия

10:00. Алонор Циркан. Вступительное слово

10:20. Ланс Харонг. Подледный Санкт-Петербург. Последние результаты томографического зондирования

11:10. Аскел Таурман. Транспорт Темного века

12:00. Сулфана Беренда. Проблески из Темного века

13:00–14:30. Обед

14:30. Сэнк Дардиан. Час воспоминаний

15:30. Лема Банга. Кто мы? Чьи потомки? Геном человека разных эпох

16:00. Кана Банга. Ключ к истоку нового человечества — в сандалиях Праотца

16:30. Кофе, бутерброды, пирожные

17:00. Александрия Акламанда. Кладбища Темного века

17:30. Анколина Дардиан. Культура в щели под забором

17:30. Сэнк Дардиан. Точное время и характер катастрофы

17:50. Стим Ардонт. Солнце спускает курок

18:30. Крамб Гурзон, Инзор Дардиан, Маниова Банга. Личные комментарии.

— Папа, я не давал согласия выступать, что я им скажу?! — отреагировал Инзор, увидев на плакате свое имя. — Я не умею говорить перед аудиторией больше восьми человек — впадаю в ступор!

— Ты видишь, там написано «личные комментарии». Скажешь что угодно. Ал и другие просили, чтобы мы выступили все. «Личные комментарии» — это своего рода компромисс, они хотели короткие доклады с названиями. У нас еще целый день впереди. У Стива вон ничего не готово, а ему серьезный доклад предстоит. А тебе — хоть пару фраз выдать. Придумаешь, заучишь наизусть.

Остаток дня ушел на подготовку. Спутниковая связь работала не слишком быстро, в доме то и дело раздавались душераздирающие возгласы на тему скачивания картинок. Особенно досталось Стиву, который только вчера додумался до аномальной вспышки, а завтра должен связно изложить суть инженерам и археологам.

Вечером, когда завтрашние докладчики не то, чтобы закончили, но прекратили подготовку и собрались в гостиной, Алека, глядя на график на своем компьютере, произнесла:

— Кошмар, они же в большинстве были больными! Рисовала эти картинки давно, но ужаснулась только сейчас. Гляньте на рост числа патологий скелетов! А сопутствующее число наследственных болезней наверняка во много раз больше.

— Почему? Ты же сама говорила, что медицина у них была такая, что нам и не снилось, — отозвалась Кола.

— Как раз эти патологии — результат хорошей медицины. Я не медик и не биолог, могу что-то напутать. Но вот что говорят грамотные люди в один голос. Медицина подавила естественный отбор. Когда-то люди с поврежденными генами не давали потомства — либо рано умирали, либо были ужасны с виду и не могли найти пару, либо бесплодны. А медицина все чинит — все, кроме генов. И бесплодие прекрасно преодолевает. И получается, что отремонтированный носитель поврежденных генов передает их дальше по наследству. Так, тетя Мана?

— Примерно так. Тут еще надо добавить, что самое опасное — повреждения иммунной системы. Особенно всяческие иммунодефициты — при хорошем медицинском обслуживании и прочих благах цивилизации они не проявляются или компенсируются лечением. Получается, что по дефектным генам иммунитета вообще нет никакого отбора.

— Что же это значит? Долой медицину, да здравствует естественный отбор?! Назад в пещеры, в джунгли, в саванну?

— Кола, кончай паясничать, — вмешался Сэнк, — лучше подумай как следует. Все вышесказанное предстоит расхлебывать нашим потомкам. А не расхлебают — будет новый Большой Охряст, может быть, последний. Тут вот какая незадача: каждый человек достоин полноценной жизни, даже если он несет поломанные гены. Никто не вправе запрещать ему иметь детей. Иначе — полицейский террор, подавление личности. С другой стороны, народы вправе защищаться от вырождения. И что предложите?

— Культуру, мой друг, культуру и нравственный закон внутри нас, как написано в одной из древних книг, — ответила Мана. — Вот единственное, что работает, когда наступает сплошная незадача. От медицины здесь требуется анализ на поломанные гены. Как я понимаю, еще в начале XXI века у них был возможен такой анализ. У нас скоро будет, правда, Лема? Так вот, единственное, что потребуется от общества: прочесть геном каждого и сообщить ему результат. И если он плох — все решается в меру собственного нравственного закона: рожать своих или растить детей с чужими генами.

— Мне кажется, прошлая цивилизация больше уповала на некий внешний нравственный закон, который быстро протух, задавил культуру и превратился в посмешище, — сказал Сэнк. — По крайней мере, это сквозит в книгах XXI века. А что там происходило, когда наступил Темный век, одним ялдобородам известно. Судя по результатам, ничего хорошего.

— Мама, — вступил Инзор, — ты совершенно правильно говоришь про нравственный закон, но он ненадежен. Всегда найдется тот, для кого собственные гены дороже здоровья будущих поколений.

— Инзор, мама права, — вмешался Стим, — зачем тебе стопроцентная надежность? Тут же простейший линейный дифур работает: достаточно, чтобы каждый носитель дефектного гена передавал его в среднем меньше, чем одному потомку, и все эти гены экспоненциально вымрут. Так что внутренний нравственный закон рулит!

— Да ну тебя! Ты любого собеседника прихлопнешь своими дифурами как муху. Налей-ка лучше пятьдесят граммов вон того.

На лекции собралось человек триста — больше, чем могло разместиться по креслам. Улыбчивая публика — от зеленых студентов до стариков младшего возраста. Машинисты, старьевщики и звонари расселись в произвольном порядке, лишь кое-где скучившись в небольшие группы, так что зал был равномерно пестрым. Только теперь Сэнк заметил, что у всех на одежде нашиты профессиональные эмблемы: у машинистов на жилетках — шестеренка, у старьевщиков на свитерах — раскрытая книга, у звонарей — колокол на звоннице — видимо, тот самый, что висел у входа на пирс.

Ал открыл конференцию дежурными приветствиями, вкратце рассказал про знаменитую экспедицию, представил каждого из ее членов и передал слово представителю звонарей **Лансу Харонгу**, объявив тему доклада: **Подледный Санкт-Петербург. Последние результаты акустического зондирования.**

— Двадцать лет назад в славные времена «Петербурга» Сэнк со товарищи уже пользовались эхолокацией: излучатель, микрофон — если неподалеку во льду есть крупный предмет, с таким нехитрым оборудованием можно определить, где и на какой глубине он находится. Глубина определяется задержкой эха, положение — поворотами излучателя. Все просто, надежно, но весьма прилизительно. Летучие мыши с помощью той же эхолокации видят гораздо лучше. А если мы будем использовать много излучателей звука, да еще сфазированных, и много микрофонов? Мы получим метод акустической томографии (Ланс показал и прокомментировал несколько слайдов, объясняющих метод). А если мы вместо звуковых волн будем использовать длинные электромагнитные, то получим электротомографию, которая покажет нам все металлические предметы.

Но не все так просто: чтобы получить картину того, что находится подо льдом по откликам приемников, надо решить сложную математическую задачу. Во времена «Петербурга» задача была не по зубам тогдашней технике, а теперь у нас есть мощные компьютеры, решающие ее за минуты и выдающие подробные трехмерные карты. И мы прозрели!

Перед вами карта небольшого участка ледника в четырех километрах отсюда к северу. Глубина ледника здесь около двух сотен метров. Все, что изображено на карте, находится в толще льда. Черным изображены металлические артефакты, серым — железобетон, голубым — каменные объекты, зеленым — материал, поглощающий звук: чаще всего это облака мусора, иногда — древесина. Карта получена методом радио- и акустической томографии. И в том, и в другом случае работали сотни фазированных излучателей и приемников, расположенных на поверхности льда.

Что мы видим на карте? Вот это жирное черное длинное — баржа на глубине около ста пятидесяти метров. Через пятнадцать лет она выйдет на поверхность. Судя по распределению других артефактов, она прибыла сюда не с моря, а с реки, протекавшей через город. Интересно, что баржа оказалась на пятьдесят метров выше придонной морены, состоящей в основном из железобетона с примесью автомобилей, показанных мигающими точками. Вот эта кучка черных прямоугольников — железнодорожные цистерны. Это аморфное зеленоватое облако — мусорная свалка, поднятая над подстилающим грунтом восходящим течением льда — поток льда надвигается на застрявший слой, поднимаясь вверх. Эти восходящие течения помогают нам — они распределяют артефакты по глубине, иначе все они сгрудились бы в виде плотной придонной морены. Вот эти серые обломки — железобетон, поднятый на семьдесят метров над ложем, — видимо, остатки жилого дома. Они выйдут на свет раньше баржи — лет через десять.

А вот не менее примечательная карта участка, примыкающего к Железной долине с запада. Эти побитые мотыльки на ней — пассажирские самолеты. Через пять лет вытаят сами и войдут в состав Железной долины. Там уже есть довольно много оттаявших самолетов, видимо, из того же аэропорта.

Ланс показал и прокомментировал еще несколько карт и деталей — секция металлического моста с ажурной несущей аркой, вертикально вмороженный танк, нацелившийся в небо сквозь толщу льда, огромный каркас высотного здания, похожий на мочалку из плода луфы, перегнутую пополам сокрушающей силой ледника.

— Действительно, можно сказать, мы прозрели. Знаем, где что вырубать зимой, где ждать прибытия артефактов «самоходом»

очередным летом. Конечно, мы пока прозвонили только самые заманчивые участки из сотен квадратных километров, по которым рассеяны остатки замечательного города. Нас ждут десятилетия работы — там еще столько интересного и неожиданного вдобавок к многочисленным открытиям, которые уже сделаны, про которые расскажут следующие докладчики!

— Скажите, а почему свалки поехали с ледником, а не остались на месте как часть подстилающего грунта?

— Хороший вопрос, но он скорее к Сэнку. Не прокомментируешь?

— Действительно, хороший вопрос, и на него нет однозначного ответа. Где-то свалки поехали, где-то остались, где-то поехали их верхние слои. Все зависит от того, где граница промерзания.

— Железная долина — вроде бы представляет порт и промзону. А как там же оказались самолеты?

— Боюсь, что это опять вопрос к Сэнку.

— Да. У нас есть карта Петербурга середины XXI века. Аэропорт был расположен к югу от порта и главной промзоны. Поскольку ледник тек на юго-восток, самолеты оказались чуть справа по ходу ледника от Железной долины.

— Ну раз все вопросы к Сэнку, которому еще предстоит выступить, давайте перейдем к следующему докладу, — предложил Ал. — Как раз речь зашла о самолетах. Итак, **Аскел Таурман** расскажет про **транспорт Темного века**.

— Начнем с красивых картинок. Слева — фотография остатков транспорта, справа — реконструкция.

Вот легковой автомобиль второй половины XXII века. Его конструкция как будто бы слизана с такого же автомобиля столетней давности — все отличия только внешние. Тип аккумуляторов, двигатель, трансмиссия, подвеска — практически точная копия. И дело не в том, что кто-то позаимствовал проект из далекого прошлого, а в том, что еще в XXI веке все эти элементы были доведены до совершенства. Некуда больше совершенствовать! Осталось только менять дизайн в целях маркетинга. Давайте посмотрим еще на несколько машин и механизмов, выпущенных с интервалом больше века (Аскел не спеша показал и прокомментировал несколько слайдов).

Перейдем к авиации. На экране — пассажирский среднемагистральный самолет из Железной долины. 2188 год выпуска. Слева найденный оригинал, удивительно хорошо сохранившийся за счет того, что был разломлен пополам и забился льдом изнутри. Справа — реконструкция. А вот самолет того же класса, выпущенный веком раньше. Найдите хоть одно отличие! Это не подражание — просто есть идеальная конструкция, не подлежащая дальнейшему усовершенствованию. Уже к середине XXI века авиастроение асимптотически приблизилось к совершенству. Настолько приблизилось, что смысл в каких-то новациях полностью исчез. Невозможно изменить законы физики или химии, причем есть единственный оптимальный способ вписаться в эти законы. Все материалы имеют предел своих характеристик, установленный физикой. Новые материалы с лучшими свойствами перестали появляться, потому что они физически невозможны, — все лучшее, что позволяет природы, люди создали в XXI веке.

На самом деле разница между двумя автомобилями, которые я показывал, есть и очень существенная. В более поздней версии нет руля и педалей — именно в этой модели. Машину ведет компьютер, а водитель не предусмотрен вообще. Примерно в половине других автомобилей архаичные инструменты управления остались — водитель предусмотрен, но лишь как одна из возможностей, дополнительная к роботу. Нет сомнений: во всех видах наземного транспорта роботы победили человека. Спешу успокоить: пассажирских самолетов без пилотских кресел мы не нашли. Что касается судов, там, как и в авиации, использовали комбинированное управление.

Главный вывод: транспорт в течение Темного века не эволюционировал, поскольку эволюционировать было некуда — наступило совершенство. Развитие техники остановилось точно так же, как остановилось развитие электроники с достижением физических пределов быстродействия и миниатюризации. На этой оптимистической ноте я бы хотел закончить и перейти к вопросам.

— Ты показал обычные дозвуковые самолеты. А сверхзвуковые пассажирские существовали в то время?

— Да, но совсем мало. Мы нашли один — он повторял конструкцию, описанную в литературе XXI века. Видимо, они выполняли

роль дорогого аттракциона и вряд ли служили массовым транспортом.

— Если отпала необходимость в усовершенствовании транспорта, что стало с инженерами и конструкторами?

— Ничего хорошего произойти не могло, а что стало — не знаю, могу только развести руками.

Следующий вопрос задал Стим.

— Представим: в конце Темного века летят самолеты, плывут корабли, движутся потоки машин. И вдруг отключается глобальное позиционирование и рушатся электросети. Что произойдет?

— Ого, ну и вопрос (докладчик задумался). Что-то мне не по себе стало. У меня, пожалуй, нет подходящих слов... Мрак... Могу опять только развести руками. Ты хочешь сказать, так и произошло?..

— Раз докладчик уже на второй вопрос может только развести руками, как и я бы только развел руками на подобные вопросы, давайте двигаться дальше. Теперь слово представителю археологов (ропот в зале)... Прошу прощения, представителю старьевщиков. **Сулфана Беренда**, название доклада: **Проблески из Темного века**

— Темный век называют темным потому, что с его наступлением перестали издаваться бумажные книги, исчезла пресса — все ушло на электронные носители — в облака. Оказывается, все-таки остался тоненький ручеек текстовой информации на бумаге и пластике. Это реклама. Она, как и сейчас, с позволения сказать, «украшала» города и дороги, совалась в руки прохожим, доставлялась с продуктами, раскладывалась в общественных местах. Потом она в основной массе шла в мусорные баки и на переработку, но кое-что застряло и сохранилось в жилищах.

Рекламные листки сохранились гораздо хуже, чем книги. Тем не менее удалось неплохо восстановить несколько десятков. Видимо, эти рекламки выпущены незадолго до катастрофы. Вот листок со скидками на одежду. Обратите внимание на так называемые «комбинезоны с поддувом» (легкий шум в зале). Наверное, в этих дутиках было приятно и прохладно в жару. Но скажите, есть тут кто-нибудь, кто бы согласился появиться на людях в чем-то подобном (смех в зале)? Видимо, у них были весьма своеобразные представления об эстетике. А скорее всего, понятие красоты не имело

никакого отношения к манере одеваться. Вот, посмотрите еще несколько образцов рекламируемой женской одежды на их плечистых моделях (смех усилился).

Что касается рекламы техники и средств передвижения — она упирала на новизну. Вот: *«Асколан-25М, спортивный вариант с рулевым управлением. Сто пятьдесят киловатт плюс новаторская трансмиссия и беспрецедентная конструкция подвески сделают вас королем на любой дороге. Скидка 10%»*. Между тем машинисты подтвердят, что никакой новизной там и не пахло — все лучшие технические решения были найдены более века назад. Делаем вывод: люди конца Темного века настолько соскучились по новому, по любой новизне, хоть карикатурной, что клевали на подобную рекламу. Кто знает, может быть, и эти чудовищные одежды — от непреодолимой жажды новизны? Давайте вопросы.

— Мы смеемся над одеждой и вкусами людей Темного века. А как вы думаете, не расхохотались ли они, если бы увидели нашу одежду?

— Вполне возможно. Те, кто носит пухлые комбинезоны до колен, расхохотались бы над нашими прямыми штанами до голени, а про жилетки с оттопыренными карманами я уж молчу! Объективное мнение может составить только ангел, обитающий вне времен.

Послеобеденное выступление Сэнка стало главным событием, что ощущалось по числу людей, набившихся в зале, стоящих вдоль стен, выглядывающих из дверных проемов. Пришлось открыть все, что открывается, и включить на полную мощность все, что вертится.

— Впервые я появился в этих краях сорок пять лет назад (снимок молодого улыбающегося раздетого до пояса Сэнка на ярком снегу) в качестве участника экспедиции Александрийского университета. Тогда мы высадились за пятьдесят километров к западу отсюда. Мы вкрутили в лед реперы, поставили триангуляционные вышки на моренных грядах. Когда прилетели на следующий год, большинства реперов не нашли или нашли вытяжавшими, валяющимися в ледовых желобах (фото). Тогда мы стали делать глубокие сваи (буровая установка на леднике) или ставить реперы на широ-

кие треноги (еще несколько черно-белых фотографий). Скоро мы научились измерять поверхностную скорость ледника, что стало для нас неплохим испытанием и физической тренировкой (черно-белое фото Сэнка с огромным мотобуром). Вот эта карта — результат наших семилетних усилий (карта со стрелками и цифрами).

Но это лишь поверхностная скорость ледника. А что происходит внизу? Не примерз ли ледник к грунту? Скорее всего, нет, потому что в основании ледника на границе льда и грунта температура выше нуля. Талая вода на поверхности действует как смазка. Лед скользит, срезая то, что торчит, увлекая слабый грунт, камни и продукты человеческой деятельности. Но с какой скоростью он скользит в глубине? Ледник же испытывает трение, и он не единое тело, лед трескается, скалывается, сдвигается слоями. Он ведет себя как очень вязкая жидкость. Поэтому придонная скорость ледника наверняка ниже поверхностной. Насколько? Пятнадцать лет моей молодости ушло на выяснение этого вопроса. Мы бурили до посинения, изобретали всевозможные сопутствующие хитрости: «эластичные скважины», датчики изгиба и растяжения. Мы пытались использовать эхолокацию, чтобы отслеживать перемещение крупных валунов в глубине. Молодость — лучшее время для накопления данных, а зрелость — лучшее время для их осмысления. Забегая вперед, могу сказать, что подступающая старость — лучшее время для общих выводов из вышеперечисленного. Но это потом. А тогда стало ясно, что придонная скорость ледника в среднем около 30 метров в год — в три раза ниже, чем на поверхности.

Давайте я покажу картинки поля придонных скоростей льда в разные эпохи. А вот треки разных точек за все время оледенения. Я прекрасно помню, как нанес карандашом на Римскую карту эти треки. Получилось вот так (Сэнк сменил слайд). Вот то большое коричневое пятно — Санкт-Петербург. Тысячи лет назад огромный мегаполис двинулся вместе с ледником на юго-запад. И где он сейчас? Теперь все знают, что Санкт-Петербург здесь, вокруг нас, а тогда никто ничего толком не мог сказать: скорость движения ледника наверняка менялась, измерений не хватало, требовалось рассчитать динамику ледяного щита. Пришлось всерьез заняться теорией, строить модели, считать, добывать недостающие данные. У меня получилось, что остатки города должны быть близко к краю

ледника. Но этот результат слишком сильно опирался на теорию — меня грызли сомнения. И к тому же на снимках двадцатилетней (теперь сорокалетней) давности на языке ледника не видно никаких следов города. Надо было ехать и искать.

Три попытки получить грант на экспедицию оказались тщетными. Тогда я совершил главный поступок своей жизни: плюнул на всех грантодержателей и стал действовать сам. Вложил в экспедицию свои деньги, ко мне присоединился Крамб Гурзон со своей долей, помогла географическая общественность. Результат вам известен.

Сэнк перешел к воспоминаниям 65–66 годов. Рассказ был полон старых фотографий и ностальгии. Фото голых грив, где ныне расположена станция и выросли молодые березки и сосенки. Фото входа в туннель в давно растаявшем льду, где был найден первый музейный артефакт Санкт-Петербурга. Обнаженные по пояс мужики, вырезающие книги из льда. «Петербург» во льду среди сугробов с собакой и двумя девочками в красных комбинезонах на палубе. Ощетинившаяся Железная долина, снятая из окна самолета. Разгрузка гидросамолета через задний порт на понтонный мост. Встреча летней смены 966 года с зимовщиками на катере у гидросамолета.

— Да это же я! — раздалось из зала. — Вон, на трапе.

— А вон я на корме катера — надо же, еще совсем зеленый!

Зал шуршал и шушукался. Сэнк медленно листал снимки лета 966 года.

— Я рассказал про недавнее прошлое. Теперь слово другим участникам экспедиции. Начнем с самых молодых членов, ступивших на борт «Петербурга» в глубоком детстве. Предлагаю послушать свежайшее короткое сообщение о далеких временах — о заре нашей нынешней цивилизации. О том, кто мы такие. И расскажет про это человек, который не принадлежит к нашей огромной семье, который имеет совершенно другую родословную. Зато этот генетически чуждый нам человек знает последние результаты новейшей технологии чтения генома. Лема, тебе слово.

Наступила тишина — все уставились на Лему, порхающую по проходу.

— То, что я буду рассказывать, относится ко всем людям за исключением меня самой, моей сестры Каны, сидящей в этом зале (аудитория стала вращать головами), и еще пары сотен человек, живущих на краю гор в Восточной Азии. Остальной народ Земли — удивительно молодая и генетически однородная популяция. Весь нынешний миллиард произошел от одной группы численностью около дюжины человек, живших чуть более трех тысяч лет назад. Та группа — бутылочное горлышко нового человечества. И мы прекрасно знаем шестерых членов группы — у нас есть их хорошо сохранившиеся скелеты и вещи, мы дали им имена, они стали нашими любимцами и героями — три супружеских пары: Праотец и Праматерь Александрийские, Воин и Королева-антилопа, Силач и Дама. Совсем недавно мы узнали о них много нового. Все, вероятно, слышали о программе «Геном человека» по чтению генома множества людей. Генетический материал наших героев прекрасно сохранился в их костях, и вот что оказалось.

— Пятьдесят шесть процентов мужчин Земли — прямые потомки Праотца Александрийского (мужчины в зале стали переглядываться друг с другом). Это мы знаем по Y-хромосоме, передающейся от отца к сыну.

— Сорок восемь процентов населения мира идентифицируются как прямые потомки его жены Праматери Александрийской, захороненной вместе с Праотцом. Это мы знаем по геному митохондрий, которые передаются по женской линии.

— Воин и Дама — дети Праотца с Праматерью. («Слушай, мне только сейчас пришло в голову, — прошептала Мана на ухо Сэнку, — та компания по своим родственным связям и типажам почти повторяет нашу, только Сtima и девочек не хватает».)

— Силач близок к ним по геному, он и Праотец имеют общего предка по мужской линии в пределах нескольких поколений.

— Королева-антилопа сильно отличается по геному от всех остальных. Ее предки не скрещивались с предками других пяти героев несколько тысяч лет. Это показывают так называемые «генетические часы» — количество не совпадающих «букв» в тех участках генома, которые ни на что не влияют.

— Всего лишь за несколько поколений до Праотца жил так называемый Y-хромосомный Адам — все современное мужское на-

селение, кроме моих немногочисленных сородичей, — его прямые потомки. Вероятно, он совпадет с общим предком Праотца и Силача. Имя Адам заимствовано из мифологии прошлой цивилизации, теперь, наверное, уже все знакомы с душещипательной историей — Адам, Ева, первородный грех, изгнание из рая... А что касается женской линии, тут все сложнее.

Есть две сильно различающиеся линии генома митохондрий. Если брать нынешнюю частоту мутаций, то эти линии сходятся где-то десять-двенадцать тысяч лет назад. Именно тогда жила митохондриальная Ева, от которой все население Земли, кроме нас немногих, унаследовало крошечные внутриклеточные органеллы. Получается, что эта самая Ева на несколько тысяч лет старше Адама. Почему так получилось? Видимо, до бутылочного горлышка рядом жили минимум два независимых племени, и все мужчины прародительской компании происходили из одного племени, а женщины — из двух. В частности, Королева-антилопа происходила из другого племени, нежели ее муж.

Мы не знаем точно, где жили эти племена. Есть неопровержимые свидетельства того, что люди бутылочного горлышка приплыли по Нилу, слегка обчистив развалины Асуанской ГЭС. Есть менее твердые указания на Экваториальную Африку. А где родина далеких предков тех самых племен? Чьи древние гены времен прошлой цивилизации запечатлелись в геноме шестерых переносимых выше героев? Как вы знаете, до краха цивилизации на Земле существовало три крупных расы: негроидная, европеоидная и монголоидная (Лема показала пальцем на себя и отвесила легкий поклон). В геноме бутылочного горлышка присутствуют следы двух из них: европеоидной и негроидной рас, причем европеоидный геном доминирует. Из анализа геномных молекул, добытых из костей жителей прошлой цивилизации, следует, что большая часть предков Прародителей пришла в Африку из Европы, отсиделась там тринадцать тысяч лет, немного смешавшись с местными жителями, и, по-видимому, прошла сильный положительный отбор. Далее горстка обновленных *Homo sapiens* вернулась на берега Земного моря и размножилась, дав начало новой цивилизации.

Зал слушал затаив дыхание. Лема действительно докладывала свежайшие результаты обзора, только что принятого к печати, еще не успевшие просочиться в масс-медиа.

— А кто же такие мы с Каной по отношению к остальным, присутствующим в зале? Весьма дальние родственники. Наша общая митохондриальная праматерь жила больше двухсот тысяч лет назад. Мы чудом выжившая другая раса, единственная из трех крупных древних рас, сохранившаяся в чистоте. Но мы вовсе не инопланетяне! Мы тот же биологический вид, теоретически способный благополучно скрещиваться с остальным населением земного шара. И мы это скоро проверим на практике (зал бурно зааплодировал, а Лема смущенно улыбнулась).

— Теперь обсудим Прародителей в другом аспекте: можно ли найти их родину? Кана, твоя очередь. Расскажи про свои музейные изыскания.

— Не только мои — еще всю работала пара сотрудников Исторического музея — Нагор и Сарана, отличные ребята. Без них меня бы и близко не подпустили к святыням. Мы изучили одежду Прародителей — нет ли в ней следов древней флоры (Кана показала снимки скелетов с уцелевшими предметами одежды). Между прочим, изначально такую идею выдвинул дядя Сэнк. Мы сразу же нашли пыльцу десятков видов растений — она была повсюду, в порах и швах кожаных туник и сандалий, в талисмানে Праотца (снимки элементов одежды крупным планом, снимки пыльцы под микроскопом). Большая часть пыльцы, как и ожидалось, принадлежала растениям, типичным для саванны Экваториальной Африки. Но это не слишком интересно. Мы нашли другой сюрприз.

Во-первых, часть пыльцы злаков, как нам показалось, принадлежит к роду овсяница — эта травка растет в Экваториальной Африке только в горах, достаточно высоко (снимок травы меж камней на безлесном хребте). Вот это уже гораздо интересней, тем более, что там в горах полно эндемиков. По пыльце злаков не определишь вид, да и с родом легко ошибиться. Но, во-вторых, мы нашли кое-что еще.

В мощных подошвах походных сандалий Праотца три слоя бычьей кожи, сшитых жилами. Мы обнаружили, что спереди подошвы перешивались, значит, они когда-то «просили каши» и потре-

бывался ремонт. Не остался ли там между слоями какой-то мусор? Раскрыть сандалии нам пока не позволили — восстановить старую прошивку будет невозможно. Мы потащили сандалии на рентген и увидели, что там действительно полно всякого мусора, в том числе, похожего на остатки травы (рентгеновский снимок, где в передней части подошвы едва угадываются беспорядочные полоски). Потом повезли на магнитно-резонансную томографию: действительно, между слоями много соломы — ее не выгребли оттуда, когда чинили подошву. Нужно убедить музейщиков, чтобы разрешили раскрыть подошвы сандалий, тогда можно сделать секвенирование кусков генома того, что там лежит. Тогда по прочитанным фрагментам можно будет точно определить конкретный вид некоторых соломинок. И если там будут эндемики — определить место, где бродил Праотец с точностью до горного массива (Кана показала карту восточной Экваториальной Африки с выделенными высотами более 2500 метров). Как видите, гор там не так уж много и большая их часть приходится на зону Восточноафриканского разлома с сухим климатом — и сейчас, и три тысячи лет назад. Вот перспективные горные массивы, где сандалии Праотца могли «наестся» овсяницы, — их всего несколько штук, и они небольшие. Дело за анализом генома: если он определит эндемиков, мы будем отлично знать, где Праотец бродил по горам.

После нескольких вопросов из зала Сэнк пригласил Алеку.

— Циркулирует расхожее мнение, что Темный век не оставил никаких текстов. Не совсем так — мы уже слышали доклад про рекламные листки и керамику. Я расскажу про другой, гораздо более мощный источник — могильные плиты.

В отличие от книг, они прекрасно сохранились по всему миру. Главное, что есть на кладбищенских памятниках, — даты рождения и смерти. Как долго жили люди третьего тысячелетия прошлого летоисчисления. Вот кривые средней продолжительности жизни по континентам. Видите, в начале XXI века Европа и Северная Америка впереди, чуть отстают Азия и Южная Америка и сильно отстает Африка. Смотрите, кривые постепенно сближаются. Европа с Северной Америкой медленно идут вверх, Азия с Южной Америкой идут чуть быстрее, догоняя лидеров, Африка тоже идет вверх, но никак не может догнать. И вот вторая половина XXI века. Мир

стал почти единым и стабильным. Продолжительность жизни не меняется, достигнув 90 лет, разброс по континентам минимален, лишь немного отстает Африка. Теперь XXII век. Везде, кроме Африки, кривые слегка пошли вниз. Что случилось? Все люди стали жить меньше? Оказывается, не все.

Смотрите: пик распределения по средней продолжительности остался на месте, но стало расти левое плечо — число ранних смертей. Будто здоровье большей части людей не ухудшилось, но у меньшей части что-то сломалось, и таких становилось все больше — до трети. Это то, что на поверхности, мы опубликовали статистику несколько лет назад. Плиты — легкая часть работы: искать их и откапывать — одно удовольствие, а многие и откапывать не надо.

Теперь о новеньком, о костях. Тут гораздо больше возни, чем с могильными плитами, зато и данных гораздо больше. Во-первых, стала расти частота аномалий: длинные пальцы, деформированный череп, короткие руки и так далее — вариантов множество. Большинство аномалий раскладываются по типам — синдромам. Все синдромы наследственные — не обязательно передаются от родителей к детям, могут всплывать через поколения. Некоторые из этих синдромов встречаются и сейчас, другие, тьфу-тьфу, канули во тьму тысячелетий. Важно вот что: неправильных скелетов в XXI-XXII веках становилось все больше, но все равно не настолько, чтобы угрожать здоровью популяции. Но на каждую генетическую поломку, заметную по костям, приходится куча незаметных: скелет прекрасный, а человек страдал, допустим, гемофилией. Так что скелеты лишь указывают на более серьезную проблему: значительная часть людей несла наследственные болячки — явные или скрытые, и эта часть стала угрожающей. Вот вам и левое плечо распределения! Вот что рассказали кости — они объяснили статистику, взятую с могильных плит.

Но когда все рухнуло, ну сами понимаете, чего тут рассказывать... Люди выжили в новых поселениях, но они остались без лекарств, с плохим иммунитетом, с тяжелым генетическим наследством. В старину — что тогда, что тысячу лет назад — эпидемии выкашивали до половины населения, закаленного жестким естественным отбором. А у новых поселенцев не было ни прививок, ни лекарств,

как в цивилизации, ни нормального иммунитета, как в древности... Эх, ужас!

Итак, мы почти ничего не знаем о том, как и чем жили люди Темного века. Мы знаем только, что цивилизация работала нормально, ходили поезда, летали самолеты. Но мы видим, как здоровье людей и их иммунитет постепенно подтачивались. С этим люди и пришли к тому, что Сэнк называет «Большим Охрястом». Возможно, ослабленный иммунитет при отсутствии лекарств, беззащитность перед эпидемиями объясняют, почему новые поселения угасли через два-три поколения, не возродив цивилизацию.

— А почему они не разбрелись по Земле маленькими группами?— прозвучал вопрос из зала.— Почему снова скопились в людных поселениях, а не в маленьких хуторах? Тогда бы их не скопили эпидемии.

— Почему не разбрелись? Наверное, часть разбрелась, иначе откуда взялись бы Прародители и племя Каны с Лемой? Да и новые поселения были не такие большие. Другое дело, чего они там тянули тринадцать тысяч лет? Проходили генетическую коррекцию путем естественного отбора? Ждали, пока появится герой, который выведет людей из самоизоляции на простор?

— У нас мало времени, впереди еще пять сообщений. Слово Коле, моей дочери — она теперь специалист по литературе XXI века и представляет, что происходило в головах людей перед наступлением Темного века.

— В головах людей происходило нечто очень разное, даже противоположное,— начала Кола, еще не дойдя до микрофона.— Об этом можно судить по литературе, вырезанной изо льда в трех километрах отсюда. Сравнимых источников информации о тех временах нет. Итак, в XXI веке существовали две не связанные друг с другом литературы, вообще две культуры. С одной стороны, живая и красочная, горькая и насмешливая, эмоциональная и тревожная. С другой — унылая чушь: достаточно посмотреть на обложки книг (Кола показала слайды обложек с переведенными названиями, в зале захихикали). Первая со временем не становилась хуже, она становилась тоньше — не книги, а их количество и тиражи. Вторая тоже не особенно процветала, но все больше доминировала по объему. В первой половине XXII века исчезли бумажные книги, насту-

пил Темный век, но литература вряд ли исчезла сразу — наверное, она еще теплилась в электронном виде. Как долго — трудно сказать.

Еще в середине XX века один североамериканский писатель с труднопроизносимой фамилией написал книгу, название которой представляло собой некое значение температуры в странных единицах. В книге описывается будущее, где книги уничтожаются. Зачем? Затем, что они вносят разлад и нагнетают тревогу, не дают безмятежно существовать. Каждая книга обижает кого-то, кого-то недооценивает, кого-то злит. Поэтому общество, изображенное автором, решило навсегда избавиться от раздражителя. Автор ошибся только в одном — книги не пришлось уничтожать. Достаточно было слегка придушить настоящую литературу, а вот эта (Кола показала на экран с обложками) — совершенно безобидна, ее никто не душил, сама захирела со временем. Как придушили? Для этого не потребовалось вводить государственную цензуру — хватило озабоченной общественности, которая с наибольшим остервенением набрасывалась на самые яркие книги. В этой все главные герои — мужчины — значит, книга сексистская. В той нет представителей такой-то расы или есть, но отрицательные — книга расистская. Тот автор возвеличивает ученых и иронизирует над обывателями — он интеллектуальный фашист, этот оскорбляет святыни, тот очерняет подвиг народа, а вон тот злодей фальсифицирует историю. И так далее. Иногда подобные кампании затевало государство, но чаще инициатива шла снизу.

Так и получилось, что прошлая цивилизация пришла к своему Темному веку с культурой, загнанной в угол или под забор, кому как нравится. Вряд ли за Темный век она выбралась из-под забора, скорее тихо скончалась. Человечество осталось не только без биологического иммунитета, но и без настоящей культуры, которая есть не что иное, как ментальный иммунитет. И грянул Большой Охряст. Больше мне нечего сказать. Вопросы?

— Я читал кое-что из упомянутой вами хорошей литературы XXI века. Мне она показалась слишком сложной. А как вы оцениваете ее в сравнении с нашей современной литературой?

— Она лучше нашей. Намедни Сэнк назвал нашу цивилизацию «молодой румяной». То же самое можно сказать и про нашу литературу. В ней много молодой энергии, но не хватает мудрости.

Прошлая цивилизация к XXI веку прошла через такие испытания, что нам и не снились. Потому она породила более зрелую культуру, без поросячьего восторга, но с горькой иронией. Она не освещала сияющие перспективы, а показывала маячащие впереди тупики. У прошлой цивилизации была настоящая литература, жаль, что ей это не помогло.

Сейчас я снова скажу пару слов, — взял слово Сэнк. — Многие, возможно, еще не знают, что все несчастье началась с одновременного исчезновения электричества в умеренных и высоких широтах всего мира. Скоро выйдет большая статья под названием «Точное время и характер катастрофы» — нас там тридцать соавторов, называющих себя «часовщики», отпахавших над этой темой почти десять лет. Вывод: в Северном полушарии 15 января 2227 года полностью рухнули электросети. В Евразии — около трех часов вечера по нулевому поясу. И с задержкой на час — в Северной Америке. Разброс по регионам Евразии небольшой — 10–15 минут, в Северной Америке — почти одновременно. На юге Южной Америки — через полчаса. Почти во всей Африке и на Ближнем Востоке централизованное энергоснабжение проработало еще месяц. В Израиле — больше года. Как узнали? К счастью, и в век повальной электроники случались всякие ретроповетрия. В начале 2200-х оказались модными механические часы со стрелками, а иногда и с календарями — удачная для нас ретромода. Их ставили прямо на улицах и в торговых центрах. Конечно, они были электромеханическими и управлялись по Сети без всяких автономных источников питания, поэтому их стрелки показывают время обвала энергосистемы. Эти часы мы стали находить не так давно (фотографии бурых дисков со следами стрелок). Да и вообще, попробуй найди и распознай часы в этой ржавой мешанине! Круглый ржавый блин среди прочей трухи — то ли часы, то ли дорожный знак, единственная наводка — осколки круглого окна тут же. Но об этом как-нибудь в другой раз.

А вторая часть нашей истории — ископаемые завалы на дорогах. Машины в тесных пробках на дороге, развернутые в разные стороны, местами прижатые друг к другу, перевернутые грузовики. Много машин по обочинам и за обочинами, в самых неожиданных местах, вплоть до помещений в первых этажах зданий. Славный кегельбан из автомобилей. Самое естественное объяснение авто-

мобильных завалов — вылетела система глобального позиционирования — на нее опиралось все дорожное движение еще до наступления Темного века, а в начале XXIII века — тем более. Исходя из вышесказанного, причина, запустившая Большой Охрест, устанавливается однозначно. Сейчас Стим все расскажет.

— Это была аномальная солнечная вспышка! — начал Стим без предисловий. — Такие происходят раз в тысячи лет на звездах, похожих на Солнце. Что такое солнечная вспышка? Пересоединение петель магнитного поля. Что такое аномальная вспышка? Пересоединение аномально мощных магнитных полей. Откуда берутся эти поля? — Стим повторил свой рассказ, изложенный в салоне самолета, и в придачу показал несколько слайдов с рисунками Солнца с его магнитными полями, конвекционными потоками, показал видеоролик со всплывающими петлями магнитного поля, рассказал, как происходит и во что выливается пересоединение поля. — Потом эти гамма-кванты и эти потоки частиц летят к Земле, выводят из строя спутники, — слайд с перечеркнутыми спутниками, — деформируют магнитное поле Земли, — видеоролик, — чем наводят индукционный потенциал в линиях электропередач, — рисунок высоковольтной линии с горящей подстанцией. — На всех дорогах огромные заторы, — снимок пробки на кольцевой Тира, — никто не может никуда добраться, цивилизация гибнет, — кадр из нового фильма-катастрофы «Выживший». — Если бы подобная вспышка произошла двести лет назад, никто бы ее не заметил. Если аномальная вспышка произойдет завтра, на устранение последствий уйдет неделя, сотни человек погибнут, экономика просядет на несколько месяцев, спутниковую связь в полном объеме восстановят за пару лет. А в начале 2227 года прошлого летоисчисления аномальная вспышка уничтожила почти весь человеческий род. Как ни парадоксально, развитие инфраструктуры и технологий, направленное на комфортную жизнь, на потребление, делает человечество более уязвимым к непредусмотренным катаклизмам. Вот так!

Стим развел руками и, не дожидаясь вопросов, покинул сцену.

— Стой, там вопрос с задних рядов!

Действительно, какой-то машинист вскочил, размахивая двумя руками.

— Слушаю, — Стим вернулся к микрофону.

— Аномальная вспышка: почему человечество к ней не подготовилось? Ведь это известное явление. Почему тогда не предусмотрели защиту электросетей, резервную систему геолокации? Локальные источники питания, наконец?

— Вы относитесь к цивилизации как к разумному существу. Будь оно таковым, может быть, и предусмотрели бы что-то. Но цивилизация — это всего лишь слабо оформленное поле разнонаправленных интересов, которые с грехом пополам удалось притереть друг к другу. Защита от плохо осознаваемой угрозы с характерным временем наступления тысячу лет никак не входит в эти интересы. Представьте, что в мире есть несколько сот человек, понимающих, что такое аномальная вспышка, и пара человек, взывающих к миру, твердящих, что надо готовиться к этой угрозе. И еще миллиарды, взирающие на них как на городских сумасшедших. Кого она волнует, эта угроза! Как там говорили в древности: «Пока жареный петух не клюнет, мужик не перекрестится».

— Крамб, твоя очередь.

— Я в отличие от предыдущих ораторов вовсе не ученый, а простой инженер. Сейчас уже вряд ли интересно то, как мы из пустой плоскодонной посуды сделали экспедиционный корабль «Петербург», — Крамб махнул рукой вбок. — Я хочу сказать пару слов о Марсе. Стим совершенно правильно заявил, что прогресс только ради комфорта ведет к... Ну, как бы помягче... — Крамб оглядел зал. — Вот к тому самому! Я думаю, что развитие технологий необходимо, но сам не хочу заниматься технологиями для обывателя, — Крамб сморщился. — Пусть их разрабатывает кто-нибудь еще. Я неплохо научился ваять шасси для сильно пересеченной местности, но мне неинтересно делать внедорожники для всяких там сафари. А вот шасси для марсианских вездеходов — это интересно, и я работаю над ними. Дожить бы до момента, когда на вездеходе с моим шасси по Марсу поедет человек! Вряд ли дотяну, но с мыслью о том человеке веселей жить. Да и робот на моем шасси — тоже неплохо, надеюсь, вторая «Марсианка» не подведет.

К чему это я? Тут говорили о том, от чего оно самое случилось. А я хочу сказать о том, как надо жить, чтобы такого не произошло снова. Нет, конечно, я не знаю как надо, но есть ориентиры. Чем больше совершать действий, которые усиливают и развива-

ют человека, тем меньше шансов, что цивилизация снова рухнет. Марс — то, что нам доктор прописал. Они, — Крамб махнул рукой в сторону Железной долины, — слетали на Марс и предали его, за что и поплатились. Мы должны его освоить и закрепиться на нем, — Крамб не то, чтобы ударил, но тяжело опустил кулак на стол. — Если честно, с точки зрения условий жизни Марс — полное дерьмо по сравнению с Землей — и есть, и будет. Именно поэтому кто-то должен там жить и рождаться и любить свою родину. Любить, потому что он ее обустроивает, и наоборот. У них никогда не установится диктатура дураков — суровая среда не позволит. И если здесь снова случится, — Крамб напрягся и посмотрел на Сэнка, — Большой Охряст, то они возьмут судьбу человеческого рода в свои руки. Извините, я неуклюже выступил, но, надеюсь, вы меня поняли.

— Инзор, иди, скажи пару слов.

— Да что мне сказать? После отца природа решила на мне слегка отдохнуть. Не вышло из меня ученого, поэтому мне нечего добавить к вышесказанному. Разве только что во всем этом — и в эпопее «Петербурга», и в археологических экспедициях — я радовался роли солдата и чернорабочего. Здесь, в зале, наверное, тоже есть такие солдаты при науке. Давайте отдадим честь людям, которые знают больше нас, под командой которых служить не запахло!

Инзор вытянулся и застыл, подняв правую руку, согнутую в локте, за ним две трети зала сделали то же самое, а потом и оставшаяся треть, включая Сэнка.

— Мана, тебе как самой мудрой предоставляется заключительное слово.

Когда Мана пошла к сцене, в зале заплодировали человек двадцать, в основном молодежь. Остальные не поняли, но тоже заплодировали.

— Я, кажется, вижу в зале знакомые лица — узнаю с трудом, но кого-то явно знаю. А ну-ка, поднимите руки, кто побывал в моем инкубаторе!

По всему залу поднялись руки — почти десятая часть присутствующих.

— Замечательно! Теперь узнаю и даже припоминаю имена. Вот это и есть мой вклад в исследование прошлой цивилизации. Я уверена, что мы поймем еще много нового про наших далеких предков.

А самое главное, надо понять, что нам делать, чтобы наши потомки не повторили их судьбу. Есть простой рецепт. Часть его изложил Крамб: делай то, что развивает и усиливает тебя и других. Но остается выбор — что именно. И здесь все просто: к чему лежит душа, то и делай! Я буду и дальше верховодить своим инкубатором, Сэнк задумает новую авантюру, во время которой я буду подавать ему кофе и готовить завтраки, Крамб уже сообщил нам, что будет прокладывать дорогу на Марс. Алека при поддержке Инзора и новых методов, которыми овладевает Лема, расскажет нам много нового про жителей Темного века, а Кола — про культуру их предшественников. Кана найдет родину Прародителей, а Стим выдаст еще много неожиданных идей. И всем, сидящим в зале, могу сказать лишь одно: так держать! Так что все очень просто. Настолько просто, что кажется глупым. Нет тут никакой премудрости, слышишь, Сэнк!

— Нет так нет. Давайте на этом закончим официальную часть и плавно перейдем к неофициальной. Алонор, ты хотел сделать объявление.

На последовавшем банкете вокруг Лемы и Каны собралось по плотной толпе поклонников и любопытствующих. Если Лему вовремя увел подоспевший Стим, то Кана осталась одна в кольце воодушевленных сотрудников станции «Петербург», что-то отвечала невпопад, брала какие-то визитки, чокалась с окружающими и с облегчением вздохнула, когда ее утащил Сэнк.

13. Перевал

На следующий день после конференции вся семья с тремя гидами отправилась на экскурсию в Железную долину. Колонна из трех машин добралась за полчаса до бурной бурой реки, несущей каменную взвесь вперемешку с ржавчиной, и поднялась в долину по гравийной дороге, проложенной между рекой и ледяным склоном. Остановились у огромной туши морского сухогруза с проржавевшей дырой в борту — в эту дыру можно въехать на автомобиле, что, судя по следам, уже неоднократно делали.

— Можно проехать дальше, но я предлагаю отсюда прогуляться пешком, — объявил Ал, взявший на себя роль главного экскурсовода.

— Давайте сейчас сходим в Портовый распадок, а потом поедем к западному краю — надо обязательно посмотреть Самолетную промоину, — предложил Ланс Харонг

— Еще неплохо бы успеть заехать к Главному Хаосу и пройти внутрь, — добавил Аскел. — Там сейчас все наши работают.

Узкая дорога извивалась между ржавыми монстрами: портовые краны, корабли, помятые резервуары, стальные фермы, железнодорожные вагоны, локомотивы, грузовики — по отдельности и внавалку. Мана стала часто останавливаться и оглядываться по сторонам.

— Мана, что с тобой? Тебе плохо? — Спросил Сэнк. — Ты бледна, будто вот-вот грохнешься в обморок!

— Не то, чтобы плохо, мне не по себе, Сэнк. Дай, я посижу немного на камне. Я их чувствую, как будто их души витают вокруг. Знаю, что ерунда, но все равно чувствую!

— Подождите минуту, мы немного посидим, отдышимся! — крикнул Сэнк остальным. — Какие души, кого «их»?

— Тех людей, которые все это построили и использовали. Вон, кстати, ребра и плечевая кость под плитой. Но я говорю не о костях. Что-то такое творится у меня внутри. Вот что там за гусеничный механизм лежит на боку?

— Кажется, обыкновенный бульдозер с какой-нибудь стройки.

— Как будто я вижу человека, который на нем работал. Он ведь любил эту свою железяку, ухаживал за ней — она же его кормила. Тот человек стоит перед глазами как мелодия, которая как привяжется, зазвонит в ушах, так и не отстает. И много людей, связанных когда-то со всем этим хламом, витают у меня в голове и не могут отстать. Будто появляются и исчезают по сторонам, стоя или сидя на этой рухляди.

— Ну, так и у меня в голове время от времени поселяется Праотец со своей ободряющей улыбкой, и я не возражаю.

— Я тоже изредка мысленно общаюсь с его женой — она всегда спокойная, уверенная, от нее становится только лучше. Разница в том, что прародители — люди с хорошо завершившейся жизнью,

они заложили начало. А все эти кончили плохо, погибли вместе с их миром. Их никто не похоронил. Потому мне и не по себе. Понимаю, что все это фантомы в моем мозгу, а все равно не по себе.

— У тебя хорошо развито чувство сопереживания, с ним жить тяжелей. Знаю, сам сочувствую любой несчастной твари, будь то человек или собака. Но ты же врач, неужели сочувствие к пациентам не мешает работе?

— Мешает. Особенно мешает хирургам, у них оно по-

степенно притупляется. И у этих ребят машинистов тоже притупилось, а как иначе все это железо разгрести и изучать?!

— Пойдем к остальным, нас ждут. Давай лучше вспомним родителей.

На следующий день Сэнк попросил предоставить большую надувную лодку с мотором, без провожатых.

— Ал, это у нас интимная вылазка, мы бы предпочли поплыть вдевятером.

В сокровенном заливчике и на домашней поляне все осталось по-прежнему: естественный скальный пирс, песочек, сосенки, елки, трава, пушица. Дальше в распадке — чуть перезревшая морошка, чуть недозревшая брусника, иван-чай, багульник. Кана сразу же отправилась на поиски своего тайника, Мана с Лемой и Колой отправились по ягоды, Стим поскакал на ближайшую грядку, остальные задремали на песке, как в такой же погожий теплый день двадцать лет назад.

Когда Алека наполовину проснулась, она посмотрела на южный косогор — Глони на нем не было. Подбежала Кана с пакетом: «Смотри, нашла свой тайник». «Ты чего это такая большая?» — попыталась сквозь сон спросить Алека, но проснулась окончательно.

— Смотри, все мои сокровища: ничего не пропало, только гвозди заржавели! Я запомнила ту сосенку: она выросла, но и я выросла. И камень на месте, и ямка под ним. Вот шишки, высушенные ягоды, эти гайки, шайбы и гвозди я своровала на корабле. А вот клочок шерсти Глони. Надо же, все в целости и сохранности! Все как прежде, и небо, и запахи! Только немного не так волшебное, как тогда.

Алека заморгала и вытерла накатившие слезы. Вернулись Мана с Лемой и Колой, принесли морошки. Сэнк, Крамб и Инзор, дремавшие на спине, повернулись на левый бок, Сэнк открыл глаза и поднял голову, подперев ее рукой.

— Что, Сэнк, так удивленно глядишь? — спросила Мана. — Размышляешь, куда делись эти двадцать лет?

— Размышляю.

И правда, куда? Пожалуй, только Кана с Лемой и олицетворяют пролетевшие годы своей метаморфозой. Да еще небольшая боль в спине и лишние килограммы напоминают о канувших десятилетиях. С Маны все как с гуся вода — что сорок шесть, что шесть-

десять шесть. Кола совсем чуть-чуть раздалась в бедрах, а Алека как была долговязой попрыгуньей, так и состарится такой же. Крамб стал чуть амбалистей, а Инзор жилистей, Стим вырос во всех отношениях и заматерел. В общем, старая семейная команда в порядке, разве что глава чуть поизносился. Надо бы еще потряхнуть стариной. А Кана с Лемой — молодцы! Не скажешь, что красавицы, но когда смотришь, трудно оторваться. С огоньком! Мощное пополнение, спасибо Мане. Жаль, что во времена детства Колы и Инзора ее талант воспитателя не достиг той степени гениальности. Стим, пожалуй, получился сам по себе, а эти, как ни крути, — произведение Маны. И вот, похоже, пришло их время, подошла их очередь сказать свое слово. Вот тогда-то мы и потряхнем стариной. А морошка вкусная, хоть и чуть перезревшая. Почти двадцать лет не пробовал. И прелой брусники не пробовал, да ее и нет сейчас — ради нее весной надо пастись по грядам.

— Ну что, подъем?! — Сэнк встал и огляделся. — Предлагаю прогуляться по нашему любимому маршруту, хотя бы до перевала. Заодно и поговорим о дальнейшем. Стим, пойдем! — Сэнк закричал что есть силы и помахал рукой Стому, сидящему на холме.

С перевала ледник уже не просматривался — ретировался и истончал, скрылся за соседней грядой. А кривая обветренная сосенка почти не изменилась за двадцать лет: ей, трехметровой, с ветвями, протянутыми на север как рваные полотнища, развевающиеся на флагштоке, было уже лет пятьдесят.

— Давайте посидим здесь, — предложил Сэнк, — как тогда.

Кана с Лемой, как тогда, залезли на розовый здоровенный валун, хотя уже с трудом уместились на его верхушке, остальные расселись на небольших камнях полукругом с видом на залив.

— Красота! — сказала Мана. — Давайте помолчим немного, полюбуемся. А потом можно и поговорить о дальнейшем.

— По-моему, никто из нас не был в Экваториальной Африке! — начал Сэнк минут через пять. — А ведь где-то там, согласно Кане, должен быть след Прародителей. Чутье мне подсказывает, что если мы с толком подойдем к делу, можем его найти. Кана, как ускорить секвенирование генетического материала этой соломы из сандалий?

— Надо заключение от спецов по секвенированию (Кана кивнула в сторону Лемы), что такой анализ возможен и способен определить виды растений.

— Я слишком мелкая сошка. Могу написать текст, но подписать должны высокие начальники, а им толчок нужен от какой-нибудь знаменитости (Лема кивнула в сторону Сэнка).

— Ну, Сэнк,— сказала Мана,— придется тебе потряхнуть своими регалиями.

— Да хоть чем могу потряхнуть ради такого дела! И ради Африки! А когда будет сделано, кто со мной в Африку на поиски следов Праотца?

— Я! — отозвался Стим.

— Ну как же я отпущу тебя одного? — ответила Мана.

— Неужели ты думаешь, что я, нашедшая биоматериалы, откажусь ехать?

— Неужели ты думаешь, что я, поработав над чтением генома, не поеду со Стимом?

— Я поеду, если не будет напряга с «Марсианкой».

— Крамб, ты нам позарез нужен, подвинем сроки если что.

— Опять антисанитария! Ну хоть пообщаюсь наконец с мужем.

— Служу авантюристам! — отрапортовал Инзор, вытянувшись и подняв правую руку.

— Дядя Сэнк, а можно я тебя немножко обниму,— спросила Алека и, не дожидаясь ответа, присела на колени за его спиной, обняв за плечи.— Этот момент надо зафиксировать не только на снимке, но и в памяти: вон наш залив, где двадцать лет назад стоял «Петербург», вон наша поляна, плоская скала, где мы пришвартовались, солнечный теплый день, синее озеро, галки летят над грядой, и мы вдвоем, только что принявшие решение, сидим на перевале. Вот мы все на далеком Севере, решившие устроить розыски в Африке. Правда, здорово? А потом где-нибудь в Африке залезем на гору и вспомним этот миг. И сразу жизнь покажется длиннее — она ведь из таких моментов и складывается. Я ведь запомнила момент двадцать лет назад, когда открыла глаза и увидела Глоню на холме. Но я его запомнила одна. А сейчас давайте запомним момент все вместе! Чтобы через годы любой мог спросить: «Помнишь, на перевале?» — и каждый мог ответить: «Еще бы!»

14. Установка конька

— **С**тим, привет. Статью по цэ четырнадцать приняли. Поздравляю! Чем занят?

— Сижу, чешу репу. Надо конек установить, нас с Лемой не хватает, нужен еще кто-то третий — там вдвоем тяжело крайнюю стропильную ферму держать и коньковый брус направлять.

— У тебя же целая бригада работает.

— Папа, они не знали теорему Пифагора*! Я их выгнал с позором, расплатившись за часть работы.

— Как не знали?!

— А вот так. Они не смогли выкроить стропила по заданной ширине и высоте мансарды. Им требовалось место, чтобы разложить стропильную пару в натуральную величину — иначе они не умеют, даже принципом подобия не умеют пользоваться. А подходящего ровного места на участке нет. Ну, они и пришли ко мне жаловаться. Я рассвирепел и выгнал их к ялдобродам!

— А почему ты нормальных строителей из фирмы не наймешь?

— Они требуют, чтобы заказывали весь цикл, начиная с проекта. Зачем мне их тупой проект? Я что, сам для себя не могу спроектировать дом?! Да я в десять раз лучше и интересней их это сделал.

— Ладно, завтра подъеду с Маной. Выставим твой конек!

Спичечный дом Стима был виден издали — он стоял на вершине холма над заросшим склоном. Спички стоя, спички лежа, спички наискось — то ли курятник, то ли голубятня. При ближайшем рассмотрении спички оказались внушительными брусьями, а соору-

* Теорема Вар Зонда в земноморской математике.

жение — мощным каркасом. Разобраться в архитектуре будущего дома было непросто — то ли два, то ли два с половиной этажа, над которыми предполагалась высокая объемная мансарда, вместо этажей — разные уровни и антресоли с набросанными досками, соединенные легкими шаткими трапами. А вид! Стим три года искал участок с подобным видом. Плевать на расстояние до города, плевать на инфраструктуру — вид перевешивает все. Холмы в оливах, море, желтый скалистый мыс, где растут светло-зеленые земноморские сосны, важней готовых коммуникаций! Не коммуникации, а синий простор навевает спокойные далеко идущие мысли, особенно к вечеру.

Сэнк с Маной поднялись по трапам на самый верх вслед за Стимом, расправили плечи и глубоко вдохнули прохладный воздух февраля.

— Да-а-а! — только и произнес Сэнк.

— Видишь, не зря я потратил столько времени на выбор.

— Не зря. Показывай, что нам предстоит воздвигать.

— Вот одна стропильная ферма, вот вторая. Длина ноги — девять метров, вес пары не больше ста килограммов — вдвоем легко поднимем, выставим по отвесу и наживим укосинами. Немного сложнее с коньковым брусом — он весит сто сорок, и его сложнее завести на место — там шесть метров высоты. Придется пользоваться всякими подпорками, чтобы не городить леса. Я все продумал шаг за шагом. Мы будем поднимать и направлять, а Лема — наживлять гвоздями.

— А я? — спросило Мана.

— А ты будешь подавать Леме молоток и гвозди.

После обеда, короткого сна и прогулки по берегу взялись за дело. Сэнк со Стимом подняли стропильную ферму, Сэнк держал ее вертикально, слушая команды Стима с отвесом: «Два сантиметра от себя, сантиметр назад», — Лема стояла с молотком, держа укосину с вбитым гвоздем. И тут в нагрудном кармане Сэнка зазвонил телефон.

— Мана, достань, посмотри: вдруг Кана. У меня обе руки заняты.

— Действительно, Кана.

— Ответь и прислони мне к уху.

— Дядя Сэнк, есть! Нашли пятнадцать злаков, среди них овсяница элгоненская — редкий эндемик. Обитает в двух местах: горный массив Киньети примерно в ста километрах к востоку от верхнего Нила, к западу от Восточноафриканского рифта, на четырех градусах северной широты. И еще на горе Элгон — потухший вулкан примерно в двухстах километрах к юго-востоку от Киньети. Праотцу от нас не спрятаться!

— Ура! — закричал Сэнк.

— Шей! — закричал Стим Леме.

Лема ловко ударила несколько раз молотком по гвоздю, Сэнк отпустил закрепленное стропило, взял у Маны телефон.

— Кана, замечательно! Мы на стройке у Сtima, заводи свой драндулет и быстрее к нам!

Сэнк сел на стропильный брус.

— Привет, Алека? Вы в Александрии? Кана нашла место, где Праотец бродил по горам. Надо ехать. Мы у Сtima, ставим крышу. Подъезжайте, заодно Инзор разомнется — поставим Стиму всю крышу.

К вечеру почти все семейство, включая выросшего, но до сих пор выпадавшего из повествования Трима, собрались на стройке у Сtima. Не хватало лишь Крамба, сидевшего в центре полетов в Гриане. Инзор успел раздобыть большую бумажную карту восточной Экваториальной Африки с линиями уровня, обозначениями лесных массивов и отметками высот (космические снимки — фигня, на них толком нет рельефа, то ли дело военные топографические карты). После ужина все склонились над картой.

— Вот он, массив Киньети, — ткнул пальцем Сэнк. — А вот Элгон — потухший вулкан. Надо выбрать, на чем сосредоточимся для начала. Элгон на километр выше, но на этом его преимущества заканчиваются. Если бы я искал убежище, то делал бы это здесь! — Сэнк снова ткнул пальцем в массив Киньети. Интересная форма, похож на левую клешню рака. Рискну предположить, что племя прародителей обитало здесь, в долине внутри клешни. Удивительно укромное, хорошо защищенное место — урочище. Так что давайте сначала Киньети, а потом уж Элгон. Стим, включи свой компьютер, посмотрим на спутниковых картах. Отлично, вот это что, речка? Давай покрупнее. Метров пятнадцать шириной, омуты до

двадцати пяти метров. Интересно, что там за деревья вдоль реки? Акации? Здесь река ветвится. В основном луга с рощами. На склонах — сплошной лес. Так, а дорога есть? Вот что-то, похожее на дорогу, на входе в «клешню». Куда она ведет? Кажется, на какой-то хутор — маленькая ферма, одна на всю долину.

— Хочу туда! — воскликнула Алека. — Великолепная долина — зеленая саванна между лесистых гор. Ручьи, речки. Вот здесь я бы поселилась на месте предков — слияние нескольких ручьев, луг, роща. Я будто вижу все это воочию! А жирафов там нет на спутниковом снимке?

— Жирафов не вижу, но вот эти светлые точки вполне могут быть стадом коров.

— Берег речки — идеальное место для поиска артефактов. Прямо предвкушаю: каменные топоры, наконечники, ножи под обрывом на берегу.

— И золото, и алмазы!

— Да иди ты со своими издевками! Если племя тысячи лет жило в небольшой долине у реки, там берега должны быть усеяны артефактами.

— Что там у них было? Средний неолит? — спросил Сэнк.

— Судя по одежде и утвари прародителей — да, средний, с элементами верхнего. Но ты не забывай: они опустились в неолит из высокотехнологичной цивилизации. Если в эту долину пришли сами беглецы XXIII века, а не их одичавшие потомки, то могли принести с собой из своей эпохи нечто, проливающее свет на их судьбу. Правда, искать то самое нечто — как иголку в стоге сена.

— А вот я, сбегав из рухнувшей цивилизации, найдя окончательное пристанище, обязательно бы высек на какой-нибудь скале некое сообщение. Найти подобное сообщение гораздо легче, чем иголку в стоге, несравненно легче.

— Осталось предположить, — заключила Мана, — что этот гипотетический беглец был столь же устремленным, как ты. И столь же догадливым.

— Так почему бы и не предположить?! А там будь что будет.

— Когда едем? — спросила Алека. — Я готова ехать хоть завтра! Отложим раскопки ради такого дела.

— Мне крышу надо сначала доделать. Нельзя оставлять дом в таком состоянии. На крышу полторы недели уйдет.

— Не торопитесь. Нас держит Крамб — у него горячая пора. Через несколько дней — посадка, потом нервотрепка, потом аврал. Реально к концу мая сможет выбраться. Так что надо рассчитывать на июнь.

— Эх, у меня сессия в июне, — посетовал Трим, — а я так хочу поехать!

— Во все времена против сессии существовало единственное средство: сдать досрочно.

— Легко сказать! — ответил Трим и опустил голову.

— Итак, намечается июнь. Я думаю, на сей раз обойдемся без романтики с плаванием по Нилу на любимом корабле — времени мало и не до того. Поедем на внедорожниках — пять дней пути, из них половина по приличным дорогам.

— Жаль, — отреагировала Алека. — На «Петербурге» было бы красиво и символично — по Нилу обратным путем прародителей.

— Папа, по суше за пять дней никак не доедешь! После границы Александрийской республики хорошие дороги кончаются. Смотри: здесь по правому берегу вообще никакой дороги, а по левому какой-то проселок. Потом и он кончается. Вот здесь вроде бы паром. А дальше на правом то ли есть дорога, то ли это выючная тропа. А потом вообще ничего не видать ни по одному из берегов.

— Да, это Усданское Братство началось. Тут ничего не попишешь. Там и с визой будут проблемы. Там даже если плыть по Нилу, проблем не оберешься.

— А если по воздуху?

— «Черного Лебедя» арендовать?

— Конечно, они к нам уже привыкли. Вот большое озеро, оттуда всего триста километров, и какие-то дороги есть. Это уже не Братство, слава богу. Три внедорожника с жилыми трейлерами «Лебедь» легко увезет.

— А вот смотри, сухопутный аэродром обозначен; отсюда всего полторы сотни километров. Это что? Ага, Буджа, центр провинции Северная Ганда. Увеличь, какая там полоса? Километр, чуть больше. Непонятно, хватит ли для «Лебедя», но, во всяком случае, у нас есть выбор. Я думаю, на том и порешим.

— А как с деньгами на самолет и прочее? — спросил Стим.

— Не бери в голову, будут. А теперь у меня другой вопрос ко всем присутствующим здесь представителям свободных профессий: у кого сколько есть незанятых дней, чтобы помочь Стому с Лемой добить эту крышу? Так, чтобы уже не возвращаться к этому вопросу? Лично у меня пять свободных дней до следующей лекции.

— У нас с Инзором неделя до раскопок в Асуане. Ради работы на высоте в такой красотище я бы отложила поездку еще на пару дней.

— Я свободна вообще и навсегда, и муж меня почти бросил, но боюсь, от меня мало толку.

— Я студент, это не свободная профессия, но три дня до лабы у меня есть.

И наступили чудесные дни. Утром — подъем стройматериалов наверх в качестве разминки. Потом — прогулка к морю с купанием Сэнка, Сtima, Инзора и Алеки (вода вовсе не ледяная, просто холодноватая). Потом настоящая работа — Трим со Стимом верхом на коньке, остальные готовят и подают стропила, Трим поддерживает и направляет, Стим засверливает насквозь пару стропил через коньковый брус, вставляет шпильку, наживляет гайки, затягивает, обрезает остаток шпильки, оба перелезают по брусу, принимают следующую пару, любуются простором и продолжают процесс. Крыша растет и обрастает дополнительными коньками и фронтонами — прозрачная конструкция теряет ясные очертания — получается некий хитроумно-футуристический скелет. Дует легкий прохладный ветерок, светит солнце, сосновые балки источают здоровый бодрящий запах, приятная усталость, ужин с хорошим вином, не простой ужин, а заслуженный, костер, крепкий сон... Обрешетка — простая работа на верхотуре: клади рейки, бей молотком. Крыша снова обретает ясные очертания: крутые скаты, выступы, открытые всем сторонам фронтоны, балконы, балкончики, коньки на разной высоте — не то, чтобы готика, но нечто сугубо авторское. Укладка кровли — на обрешетке и лестничках работают Стим и Инзор вместо уехавшего Трима. Сэнк подает кирпично-коричневатые кровельные листы, толкая их доской по полозьям, Инзор держит, Стим шьет шуруповертом визжащими саморезами, крыша вдобавок к ясным очертаниям обретает стиль — чуть конструктивист-

ский, благодаря рациональным плоскостям, и чуть модернистский, благодаря небольшим архитектурным причудам.

— Ну что же, Стим,— сказал Сэнк,— есть, на что посмотреть! Ты теперь настоящий собственник — своя крыша над головой, чего еще надо состоявшемуся мужчине?!

— Спасибо, папа! Без вас бы я тут намучился. Дальше просто: будем потихоньку обшивать и утеплять каркас, стелить полы. К июню будет не только крыша, но и стены. Поедем в Африку с чистой совестью, правда, Лема?

15. Африка

Пилоты «Черного Лебедя» предпочли посадку на озеро Альбара, дескать, взлетная полоса в Будже маловата для крупной амфибии — будет плохо, если поддует в хвост. Озерный вариант стоил дополнительных согласований в посольстве и дополнительной волокиты, но вся нервотрепка осталась в прошлом, и ранним утром знакомый «Лебедь» в своей хищно-химерной версии принял в длинное брюхо экспедиционный караван и вылетел из Александрийского аэропорта. Семейство снова собралось в носовом салоне.

На сей раз больше молчали, уставившись в окна. Игрушечные пирамиды, проткнувшие стелющуюся утреннюю дымку, остались далеко слева. Вскоре дымка поредела, и сквозь нее заблестел розовый Нил. Солнце быстро поднималось, высветив темно-зеленую долину животворящей реки и огромное светлое пространство по сторонам: тощая, но все же плодоносящая земля, орошаемая время от времени залетными циклонами. Земноморская цивилизация продвигалась на юг по долине — небольшие города, каналы, пышная зелень — куда ни воткни палку, тут же распустится и расцветет. Дороги, широкие магистрали по краям долины, суда на реке — длинный извивающийся, кишачий жизнью отросток Александрийской республики. Скоро в долине станет тесно, но наверняка найдутся энтузиасты засушливых просторов — насыпят плотины, устроят водохранилища, питаемые редкими, но сильными дождями, проведут капельное орошение и заживут припеваючи. Но пока всем хватает земель, обласканных самой природой. Хорошее время — молодость цивилизации, когда нас всего миллиард; когда есть простор для путешественников и переселенцев; когда даже горожанин может найти красивое место и построить там дом,

как Стим; когда не нужно воевать за место под солнцем. Вот так, Зедонг, видишь, куда привел твой путь по длинной-длинной реке — вся ее долина заселена теперь твоими прямыми потомками. Кстати, ведь прошлое человечество вовсю воевало, когда их был всего миллиард, когда им тоже хватало места на Земле. Наше новое тоже нет-нет, да устраивает заварушки, но как-то нехотя, без той древней свирепости. Зедонг, не твоя ли это заслуга? Может быть, ты выбрал и провел сквозь бутылочное горлышко самых миролюбивых соплеменников, оставив позади всю ярость, ненависть и жажду мести? Если так, спасибо тебе!

Но вот в чем дело: надолго ли эта молодость? Кончатся просторы, станет тесно, потомуку Стима негде будет построить дом, да и не разрешат ему строить самому по собственному проекту. Люди начнут раздражать друг друга, будут завидовать друг другу и обижаться на все, что можно. Те, что посильней, освоят новые пустоши вроде этой, что под нами, но и такие пространства закончатся. Не повторится ли та прошлая история? Люди с душой первопроходцев исчезнут, поскольку идти больше некуда, пытливые вроде того же Стима тоже исчезнут, поскольку все известно, а то, что неизвестно, требует слишком больших средств для удовлетворения своего любопытства. Снова накопится мусор в генах. Цивилизация состарится, и что? Новый Большой Охряст как способ омоложения? Миллиарды прерванных человеческих жизней, миллиарды безвременных трагических смертей? Не знаю, Зедонг, есть ли рецепт против одряхления человеческого рода. Может быть, Мана знает, у нее какое-то глубинное чутье на этот счет?

— Мана, подвинься поближе, смотри, какая красота!

Снова Нил близко, только кончились дороги вдоль долины и суда на реке почти исчезли. Да и жилья стало куда меньше. Усданское Братство — великий эксперимент: жить не как хочется, а как предписывает направляющая Воля. Судя по виду с самолета, не очень-то у этого эксперимента получается с результатами. Но он соблазнителен, чертов эксперимент, и про него еще вспомнят: дескать, вот вам лекарство от одряхления. По мне, так такое лекарство не лучше Большого Охряста. Наверное, правильно Мана говорила, как там, у древнего философа: «Звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас» — единственное лекарство, ра-

ботающее на больших временах. А всяческие направляющие воли свыше — ну их к ялдобородам, дерьмо козлиное!

Внизу позеленело и снова повеселело. Наверное, кончилось Братство, началась относительная свобода: Северная Ганда — снова корабли на Ниле, снова приличные городишки и дороги. А вот и Буджа — выглядит вполне цивилизованно, только что же они на взлетную полосу денег пожадничали? Пришлось бы ехать намного меньше...

— Смотрите, вон он, массив Киньети! Выпирает из дымки, какой красавец! Смотрите, там угадывается долина между хребтами. Завтра будем в этой долине, если не застрянем на бездорожье.

Все прильнули к трем небольшим окнам по левому борту — голова к голове. Сочно-зеленая саванна, а вдалеке — синие спокойные горы, большие, но плавные, не тронутые режущими ледниками, лишь слегка обточенные водой и ветром.

— Друзья, начинаем снижаться, пожалуйста, оторвитесь от красоты по левому борту, сядьте в кресла и пристегнитесь — объявил пилот.

«Черный лебедь» подплыл к небольшой рыбацкой деревне — вдоль берега километра на полтора растянулась разноцветная толпа с велосипедами, с мотоциклами — народ явно приехал из других деревень и поселков полюбоваться на посадку огромной амфибии, впервые залетевшей в их края. Все знали о прилете, поскольку местная власть еще накануне потребовала «к десяти утра очистить акваторию от любых плавсредств», о чем объявили по всем каналам, включая патрульные полицейские машины, курсирующие с мегафонами по прибрежным деревням и поселкам.

Народ на берегу выразил свой восторг от посадки дружным зачарованным молчанием, а когда «Лебедь» аккуратно подрулil хвостом к берегу и открыл задний порт, толпа лишь утробно ахнула. По трапу один за другим выехали три армейских глуммера с прицепами. Люди на берегу освободили широкий коридор и выстроились по сторонам, выглядывая из-за спин друг друга, продолжая изумленно молчать, отцы поднимали детей на вытянутых руках — дети смотрели с раскрытыми ртами на невиданную технику.

— Ну вот, видишь, не все тебе барабаны с трубами, — сказала Мана Сэнку.

Сэнк, отъехав от берега, остановил машину и вышел. К нему сразу подошли несколько человек и начали энергично расспрашивать. К своему удивлению, Сэнк понял вопросы: мол, куда едете и зачем. Диалог состоялся без помощи Каны, каждый говорил на своем языке, в общих чертах понимая собеседника: гандийцы поселились здесь, поднявшись по Нилу из Земноморья всего шестьсот лет назад. Сэнк и присоединившийся к нему Крамб объяснили, что едут в горы Киньети искать следы предков. Собеседники восприняли объяснение с пониманием и одобрением. Один из них заявил, что знает человека, у которого ферма в долине Киньети.

— Передайте привет Гудертаму от Кармона. Напомните ему: бар «Акация» в Будже два года назад, спор о предках. Как раз о предках!

— Кана, помоги, я не все понимаю, тут человек говорит что-то интересное.

— Так о чем вы спорили, что напомнить этому фермеру из Киньети?

— Мы спорили о том, чьи предки пришли сюда раньше. Я сказал, что мой род живет здесь пятьсот лет, что мои предки приплыли со второй волной переселенцев, и тогда на месте нынешней Буджи была саванна — о том гласят хроники. А он говорит, что его предки вообще ниоткуда не приплывали, а жили здесь испокон веков. И якобы в доказательство заговорил на каком-то тарабарском языке — залопотал с прищелкиванием и причмокиванием, дескать, он знает язык исконных предков. Врал, конечно.

Кола напряглась.

— Хорошо, мы передадим ему привет. Как его зовут, говоришь?

— Гудертам. А меня Кармон зовут. Еще я вам рекомендую заехать на Верхненильские водопады. Крюк небольшой, всего десять километров.

— Папа, никаких водопадов, — сказала Кола, когда, закончив разговор, стали рассаживаться по машинам. — Гоним без остановок в Киньети, я чувствую, что горячо, я уверена, что этот Кармон не мог выдумать то, что он рассказал. Нам нужно достать его собеседника хоть из-под земли. Полагаю, что гора Элгон нас больше не интересует.

Кирпично-красная гравийная дорога, извиваясь, пересекала небольшой приозерный кряж, вышла на равнину с небольшими

поселками и деревеньками и, о чудо, превратилась в скоростную асфальтированную трассу. Через два часа после старта колонна пересекла по мосту узкий, но бурный и полноводный Верхний Нил. Еще через четыре часа путешественники снова увидели Нил, уже набравший мощь от притоков со стороны озера, пересекли еще один кряж, тянувшийся вдоль реки, и с него увидели на горизонте те самые синие горы. Но солнце уже садилось, решили выбрать уютное место и заночевать, чтобы тронуться дальше с восходом.

Наутро колонна въехала по узкой гравийной дороге в долину между кончиками горной «клешни». Здесь горы были совсем небольшие — ровные, слегка изогнутые кряжи со скалистыми щеками, справа по лугу текла небольшая река. И вдруг шлагбаум и надпись по-гандийски: «Частная собственность, проезд запрещен».

— Вот те на! — сказал Сэнк. — Владелец той куцей фермы приватизировал всю долину? Больше пятидесяти квадратных километров! Да не может быть! Да я же проверял, это государственная земля.

— Может быть, он таким образом охраняет дорогу, сам проложил и не хочет, чтобы кто-то тут ездил?

— Может быть, но долина точно не его. Он мог взять в аренду какой-то кусок, но и тогда он не может перекрывать доступ людям — я проверял на этот счет гандийское законодательство.

— Давайте поедем прямо по саванне, пусть подавится своей дорогой, предложила Алека.

— Согласен, — ответил Сэнк. — Я предлагаю такой план. Сначала едем на двух глуммерах, все три прицепа оставляем здесь — так будет внушительней. Для еще большей внушительности Инзор — слышишь, Инзор? — монтирует на крыше пулемет. Едем вчетвером: мы с Колой и Инзор со Стимом. Я объясню владельцу фермы, что к чему, и согласую с ним место для лагеря.

Две машины объехали шлагбаум и покатили вдоль реки. Горы слева постепенно повышались, справа тянулся невысокий кряж, потом он внезапно оборвался, и открылась просторная долина — левый лесистый хребет, правый лесистый хребет, скрывавшийся за кряжем, и высокий массив в сочленении хребтов — основание

«клешни». А за речкой при ее слиянии с ручьем — ферма: большой дом, хлев, мастерская, техника — новая и ржавая, забор, ворота.

Сэнк с Инзором встали около ворот фермы и посигналили. Из дома вышел крупный бородатый мужик с охотничьей двустволкой наперевес и свирепым лицом. Инзор пошевелил пулеметом, хозяин фермы закинул двустволку на плечо дулом назад, свирепость слиняла с его лица, сменившись на обеспокоенную озабоченность. Сэнк с Колой вышли из машины.

— Добрый день! — произнес Сэнк, изобразив дружелюбную улыбку.

— День добрый, — ответил хозяин, не пытаясь чего-либо изобразить.

— Мы ученые из Александрии, приехали сюда искать следы племени, жившего тут тысячи лет назад, — сказал Сэнк по-земноморски, Кола перевела на гандийский, поскольку по лицу мужика было видно, что он не понял фразу.

— Докажите, что вы не земельные агенты!

— У тебя тут спутниковая связь есть? — спросил Сэнк.

— Есть.

— Тогда иди и набери в любом поисковике «Сэнколин Дардиан» — Кола, напиши на бумажке! — и все про меня узнаешь и сверишь десятки портретов, которые тебе высыплются с моей вот этой физиономией, — Сэнк ткнул пальцем себе в нос.

Хозяин вышел минут через десять с гораздо более человеческим лицом.

— А теперь, когда ты знаешь мое имя, скажи, как тебя зовут.

— Гудертам.

Кола вскинула брови:

— О, а мы про тебя слышали! Один человек с озера Альбара передавал тебе привет. Его зовут Кармон, он встречался с тобой два года назад в Будже в баре «Акация».

— А, помню-помню, хороший парень, душевный, правда, дурак.

— Почему ты так боишься земельных агентов? — спросил Сэнк.

— Потому что они хотят заселить нашу долину чужаками и срубить на этом комиссионные.

— А долина разве ваша? И чья ваша? Это же национальная земля — мы проверяли. И как они могут заселить сюда кого-то, если земля государственная?

— В этой долине жили наши деды и прадеды, наш народ. Сейчас почти все соплеменники разъехались по городам, остался только я с семьей, да мои родители. Но все равно это наша земля, посыпанная пеплом предков, — вокруг наших гор полно пустующих земель, пусть чужаки селятся там. Государство объявило программу по сдаче земель в аренду. Агенты рыщут по земле, выискивают соблазнительные кусочки, вывешивают предложения, пишут всякие обоснования. А я отпугиваю их.

— А что это за ваш народ? — спросил Стим. — Как он называется?

— Караз, — Кола снова вскинула брови. — Мы древний народ, живший здесь испокон веков.

— А ты можешь сказать что-нибудь на своем языке?

Гудертам произнес длинную тираду с прищелкиванием и причмокиванием, Кола просияла и аж подпрыгнула от возбуждения.

— Что это значит? — спросил Стим.

— Ты, мерзкий обгадившийся вонючий павиан, долбанный во все дыры, облезлый обезьяний выродок, сейчас я снесу твою тупую голову, и даже гиена побрезгует твоей гнойной тушей!

— Убедительно! — сказала Кола. — А еще что-нибудь, не столь эмоциональное?

Гудертам задумался.

— Вообще-то я мало что помню. В детстве бойко лопотал на нашем языке, а потом перешел на гандийский и почти все забыл. Из тех, кто хорошо помнит язык и говорит на нем, только родители и остались. Вот, вспомнил, — Гудертам произнес новую тираду с причмокиванием, но уже без прищелкивания.

Кола снова просияла:

— О, я поняла что-то: небо, овцы, облака!

— Да, я сказал: «Плывет по небу белая овечка, за нею белый крокодил, а овечка не боится, знай себе спокойно плывет, и ты, мой маленький, посмотри на облака и успокойся, ничего не бойся и засыпай».

— Поэтично! — сказала Кола. — Колыбельная?

— Да. А ты откуда знаешь эти слова?

— Не совсем знаю, скорее угадываю. Я только что поняла то, что еще не знает никто. Все сходится, овсяница елгоненская и вот эта речь! Язык, на котором говорили твои далекие предки три тысячи лет назад, дал начало всем современным языкам мира! Ваш язык изменился, и все дочерние языки изменились, исчезло прищелкивание и причмокивание, но некоторые корни остались. Их трудно узнать, но я же ЛИНГВИСТ! — произнесла Кола с ударением и гордо задрала голову. — А можно поговорить с твоими родителями? Я могу сохранить ваш язык для людей!

— Они живут отдельно выше по реке. Вообще-то они избегают чужаков, но если я объясню им, зачем это надо, может быть, и согласятся.

— Послушай, Гудертам, — сказал Сэнк. — Если ты нам поможешь, я навсегда избавлю тебя от земельных агентов. Ты ведь убедился, что я кое-что из себя представляю? Вот и хорошо. Ваша долина — колыбель нынешнего человечества, это мы можем легко доказать. Я выступлю с предложением устроить здесь археологический заповедник. Я представляю проект Международному географическому союзу, там его точно примут. Географический союз толкнет проект выше, в Союз народов, а там любят такие идеи и у них есть деньги — они отвалят денег на заповедник вашему правительству — и дело в шляпе. А ты будешь смотрителем заповедника. Агенты отваливаются, поскольку в заповеднике земля неприкосновенна, будут иногда приезжать археологи, но они люди хорошие, тихие и безобидные.

— Красиво излагаешь... Ладно, я помогу вам.

Лагерь устроили в двадцати минутах ходьбы от фермы на берегу реки у пяти густых акаций с зонтичными кронами.

— Абиссинская акация! Впервые в жизни осязаю и вижу вплотную! — воскликнула Кана, проведя ладонью по стволу.

Это место предложил Гудертам — уютная поляна с плотной травой, аккуратно подстриженной его овцами, тень, небольшой береговой обрывчик, речной плес. Расселились по двухкомнатным трейлерам, Алека с Инзором тут же бросились к реке, на ее галечный берег, и исчезли за поворотом. Сэнк с Крамбом и Тримом занялись обустройством «кают-компаний»: тент, скамейки, стол, очаг. Лема с Маной развернули кухню и занялись стряпней — люди заслужили хороший плотный ужин. А Кола со Стимом и Каной поехали на

ферму, чтобы Гудертам отвел их к своим родителям, — больше ни о чем Кола не могла думать; когда Сэнк попросил перенести визит на завтра, она начала греметь утварью и говорить гадости. Пришлось согласиться.

Как только солнце зашло за горы, вернулись Алека с Инзором с небольшими трофеями: обломок каменного топора с просверленной дырой, три черепка, кремневый нож. Колу с компанией пришлось вызывать к ужину через спутниковый телефон, каковой был с собой у Сtima.

— Славные старики! — доложила Кола. — Куда дружелюбней своего отпрыска. Впрочем, я их сразу подкупила обещанием выучить и сохранить язык племени караз. Бодро говорят по-гандийски, не так свободно, как Гудертам, но никаких проблем с пониманием. Рассказали про судьбу племени: они знают 12 чистокровных караз, кроме них самих и сына. Все живут в Будже: две их дочери, двоюродный брат старика (он тоже помнит язык племени), пять племянников и племянниц и еще пара соплеменников с двумя детьми. Жена сына — гандийка, так что внуки — полукровки, дочери тоже женаты на гандийцах. Так что племя стремительно ассимилирует, и протяни мы еще немного — никаких его следов уже не нашли бы. Папа, почему нам все время так везет? Это ты у нас такой везучий или мы все вместе тоже?

— Везет тем, у кого задница от стула легко отдирается, — рявкнул Сэнк. — Кола, ты вот что скажи. Можно ли выяснить по языку историю племени караз: самые ли они что ни на есть исконные аборигены или совсем давние репатрианты, вернувшиеся из Земноморья?

— Если репатрианты, то уж очень-очень давние. Вот этого прищелкивания-причмокивания нет ни в одной языковой группе — скорее всего, оно потерялось до того, как языки разошлись, а разошлись они не позже, чем через триста-четырееста лет после Прародителей. Исключить нельзя, но, казалось бы, совсем нелепо — тут же возвращаться в этот тесный угол, чуть вдохнув воздуха Земноморья! Зачем?

— Разумно. Если племя действительно жило здесь непрерывно, в его фольклоре должно быть много интересного. Кола, вытащи из стариков все, что можно. Например, может быть, в округе есть нечто

вроде «Здесь был Поль 2230» — они же должны подобное заметить и отразить в преданиях. У нас самих не хватит порошу облазить все это пространство. Сколько здесь сотен квадратных километров!

— Папа, но у нас есть дроны!

— Да, Стим, это хорошо, дроны увеличат производительность поиска в раз в тридцать. Вместо тридцати лет будем искать год. И будем-таки искать, хоть брюхом все пропащем. Но надо попробовать легкий способ.

И началась рутина. Стим с Тримом лазили по горам, гоняли дроны, делали тысячи снимков. Алека с Инзором патрулировали берег, ковыряясь в обрывах. Потом сосредоточились на одной излучине, видимо, наткнулись на древнюю деревню. «Археологический прилавок» под тентом быстро наполнялся артефактами: топоры к топорам, ножи к ножам, долота, скребки, наконечники, грубые и шлифованные. Однако ничего необычного, все — средний неолит. Кана с Лемой собирали гербарий, устроив сушилку на краю поляны, Кола каждый вечер навещала стариков и по паре часов говорила с ними под запись, училась языку, а Сэнк с Маной проводили время в тени акаций за компьютерами и временами подолгу смотрели на облака, выплывающие из-за западного хребта.

— Очень много оружия — наконечники стрел, копий, — заключила Алека, задумчиво разглядывая прилавок. — Подозреваю, что оружие не охотничье, во всяком случае, не только охотничье. Они же разводили скот, зачем им столько стрел и копий? Неужели они воевали с кем-то?

— Там же явно соседствовали два племени, — ответила Лема. — Помнишь, я рассказывала про геном митохондрий, что Королева-антилопа была из другого племени. Значит, было с кем воевать.

— Два враждующих племени не уживутся в такой долине. Наверное, другое племя обитало где-то за хребтом. Может быть, старики помнят какие-то предания на этот счет?

А старики постепенно разговорились — вспоминали полузабытое. Жена (ее звали Аотанга — вполне гандийское имя) вспомнила легенду про духов предков, разносившихся ветром в виде семян деревьев, но никто не смог ее интерпретировать — то ли это отголосок времен заселения Киньетской долины, то ли некое предвидение исхода Прародителей в мир. Тырдум (это имя явно не ган-

дейское, скорее всего, исконно каразское) вспомнил, что главная вершина Киньети называлась Горой предков, вспомнил и предание, что она седеет от стыда, когда народ племени совершает что-то предосудительное (то, что это снег, догадался Стим). Никаких преданий про войны старики не могли вспомнить. Единственное, рассказали про то, что есть такой героический персонаж: дух Воина-истребителя. Но чем он прославился, рассказать не смогли. На всякие наводящие вопросы о каких-нибудь древних знаках или других окрестных странностях только пожимали плечами. Потом Тырдум что-то смутно вспомнил. Он порылся в ящике стола, достал бумажку с телефонными номерами, нашел номер двоюродного брата, попросил привезти спутниковый телефон.

Разговор шел на каразском, Кола понимала большую часть, присутствующий Стим мог только следить за выражением лиц. Выражение из радостного (сто лет тебя не слышал!) сменилось скупающим (как жена, как дети), сменилось напряженным (что-то припоминаю). Наконец Тырдум стал энергично кивать и удивленно восклицать.

Оказалось, что двоюродный брат в детстве слышал от деда про некую Бесову скалу с непонятными знаками. А тот слышал от своего деда, который, дескать, сам видел знаки на той скале, когда в юности ходил на гору предков. Где эта скала, он не знает. Где-то наверху.

16. Check crack back

— **К**рамб, на какое расстояние можно достать дроном?
— Километров пять, причем важно, чтобы он все время был в прямой видимости.

— То есть отсюда мы мало куда достанем, надо лезть в горы?

— У нас, кроме дронов, есть две пары крепких молодых ног. И еще пара ног постарше, но тоже крепких.

— Дядя Крамб, а мы с Каной тоже шустрые, ты нас недооцениваешь!

— Ну и замечательно: четыре пары молодых и три пары постарше... нет, две, Кола не полезет. Так что, Сэнк, найдем мы Бесову скалу, если она не выдумка прапрадеда двоюродного брата Тырдума.

Два дня изучали спутниковые карты и спорили, где самый логичный путь на главную вершину. В лоб по центру сложновато — ущелье и густой лес. Скорее надо подниматься по гребням через прозрачный лес акаций — сначала на западный или восточный хребет, потом по хребту к Киньети-главной и внимательно изучать все окрестные скалы. Западный или восточный? И на том пути, и на другом есть разнообразные скалы. С которого начать? С обоих! Стим, Лема и Трим идут по восточному хребту, Алека, Инзор и Кана — по западному.

— Вот вам дрон, и вам такой же, — снаряжал оба отряда Крамб. — Вот самое главное: электричество, два зарядника весом три килограмма каждый — хватит примерно на шесть часов полета дрона, плюс десять часов работы компьютера, плюс десять часов болтовни или передачи данных через спутник. Палатки, подстилки, спальники. Мачете и прочие инструменты. Вот мешки с едой вам и вам — на четыре дня, перепакуйте по рюкзакам. Теперь самое сложное:

вода. На гребнях воды нет. Если рассчитывать на четыре дня, то на каждого человека, испорченного цивилизацией, надо минимум по восемь литров. Упереть можно, мы когда-то куда больше таскали, но придется попыхтеть поначалу. Вес всего скарба, кроме воды, — по 12 килограмм на человека. Я бы предложил такой вариант: Стим с командой берут воду на все четыре дня, все-таки два парня; Инзор с компанией — на два — и пытаются найти воду в северных лощинах. Если не находят, то на второй день поворачивают и на третий возвращаются. Сегодня учимся работать с дронами, а с утра — в добрый путь. Звоните на мой номер. Я установлю громкую связь и автоматический прием, телефон будет стоять здесь. Для ясности обозначайтесь не просто именами, а позывными. Вы, Стим, будете «Восток», вы, Алека, соответственно «Запад».

На следующий день Сэнк, Мана и Крамб чуть нервно коротали часы в тени акаций. Наконец уже под вечер позвонил Стим.

— Привет база, говорит «Восток». Дядя Крамб, мы на высоте две тысячи. Немного плутанули по дороге — ушли на восточный склон. Идти тяжело — высокая трава и что-то цепляется. Нашли горизонтальную проплешину, решили здесь заночевать, а то в темноте расчищать поляну не хочется. Устали — лес прозрачный, но трава и цепючки всякие.

Чуть позже позвонила Алека:

— Говорит «Запад». Привет всем, ночуем на склоне в зарослях. Инзор — герой, расчистил площадку и вырыл почти горизонтальную полку, так что будем спать с комфортом. Воду не нашли, но мы испорчены цивилизацией лишь на семьдесят пять процентов — обошлись полутора литрами на каждого. Очень красивый лес — огромные толстые деревья, причем хвойные. До американских секвой не дотягивают, но все равно впечатляют: метров 40–50, мы измерили один ствол — четыре обхвата. Я думала, это какой-то гигантский тисс, но Кана утверждает, что подокарпус, в любом случае просто загляденье. А ниже растут тоже классные деревья: похожие на акации, только не зонтиком, а воронкой, и они выше акаций. Кана говорит, что они называются «альбиция». Завтра должны выйти на плешь, откуда можно гонять дрон.

— Доброе утро, люди, это «Запад», точнее Кана, у нас выпала роса, собрали с листьев и с тента два литра. Уже собрались, сейчас будем снова продираться наверх.

— Добрый день, говорит «Восток», точнее Трим. Вышли на гребень хребта, здесь открытое место. Перед этим пришлось продаться через мелкий бамбук — ну и гадость! Стим готовит дрон, сейчас запустим. Тут красота: отличный вид на восток, километрах в двадцати еще горный массив, а на горизонте — сплошная горная цепь. Видел в бинокль стадо слонов — они пасутся в саванне километрах в десяти к востоку. А над нами кружит здоровенный орел. Сейчас пришло панораму.

— Привет всем, говорит «западная» Алека. Вылезли с грехом пополам на открытое место. До горы еще ой-ой-ой. Но тут хотя бы можно осмотреться. Сейчас запустим дрон, скоро еще позвоню.

— Привет, говорит Стим с «Востока», ловите новую панораму. Тут хорошо, но дальше распадок глубиной метров двести, весь заросший. Следующие километра четыре будут шкуродерными, дай бог, разовьем скорость километр в час.

— На проводе «Запад», это Кана. Представляете, нашла ту самую овсяницу! Легко и быстро прошли три километра по травянистому гребню, а дальше опять понижение и густой лес. Сейчас пришлем панораму с дрона. На ней видны какие-то интересные скалы, но до них далеко, не достанешь. Должны продаться через лес к вечеру.

— Добрый вечер, я — «Восток», Лема говорит. Стим только что отправил последнюю панораму. Вышли из лесистого распадка, продвигаемся по хребту быстро, заночуем около главной вершины, завтра к середине дня поднимемся на нее.

— Добрый вечер от «Запада», я — Алека. Прошли через лесистую низину. Это не лес, а страшная красивая сказка: с ветвей деревьев свисают огромные бороды из мха, Кана поправляет меня, говорит, это не мох, а лишайник, что он разросся здесь из-за постоянной сырости — в этой низине все время сидит облако. Зато сейчас, как вышли на пустошь с кустиками, представляете, увидела в бинокль внизу на западе жирафов. Ой, мои любимые! Попробовала снять длинным фокусом — что-то видно. Еще час будет светло, сейчас запустим дрон. Там вдалеке интересные скалы на подъеме на сле-

дующий бугор, похожи на зубы. Дрон, наверное, не достанет чуть-чуть, с утра поближе подойдем.

— Алека, черт возьми, у вас же вода должна кончиться?!

— А вот и нет! Тут наверху есть ручейки и даже болотца. Дядя Сэнк, мы скоро вернемся, подойдем, снимем скалы — и назад.

— Эй, база! «Запад» говорит, эй, кто-нибудь! Дядя Сэнк! Там что-то есть! Сняли с километра с длинным фокусом. Точно что-то читается! Уже отправили снимок. Спроси Колу.

Сэнк с Крамбом уставились на снимок.

— Кола, бегом сюда, там что-то есть! — закричал Сэнк.

— Подожди, я в туалете, — прокричала Кола из маленького окошка прицепа.

— Крамб, это оно! Я не понимаю, что там, но это явно древний текст! По-моему, латиница, ей пользовалась вся Европа и Северная Америка. Что-то совсем коротко, но не просто «Здесь был Польш», что-то интересней. Боже, ну где же Кола! Кола!

— Ну, чего раскричался?! — Кола поправляла на ходу рубашку. — Ну да, три английских слова: “check”, “crack” и “back”. Они означают «проверка», «трещина», «зад». Возможно, “check” здесь глагол «проверь», но все равно без предлогов и артиклей ничего не понятно: «проверь трещина зад», как можно так безграмотно писать?!

— Кола, человек не писал, а вырубал в камне — это тяжелейшая работа!

— А что, ясность изложения разве не стоит затраченного труда? Вот так большая часть людей и пишет — через пень-колоду! Два балла!

— Так, — сказал Сэнк, — у скалы явно есть обратная сторона. Может она обозначаться как “back”? А может с обратной стороны скалы быть трещина в камне?

— Тогда написали бы “Check the crack at the back side of the rock”, а не эту белиберду.

— Ты можешь себе представить, сколько это лишней работы! Да и не влезла бы сюда, — Сэнк ткнул пальцем в экран, — такая надпись, пришлось бы буквы делать в два раза меньше. Звоню Алеке!

— Алека, вы нашли то самое! Это крайне важная надпись, видимо, предлагается проверить какую-то трещину с обратной стороны скалы. Сделайте еще снимок с утра, там остается некоторая неяс-

ность. Если дрон достанет, снимите обратную сторону той скалы. И сразу, немедленно домой! Потом снова пойдете все вместе.

— Стим, возвращайтесь! Алека с Инзором и Каной нашли то самое! Скалу с надписью. Именно то, на что я надеялся, — указание на то, что в некой трещине что-то спрятано. Возвращайтесь и отправляйтесь все вместе к той скале.

— Ура! Хорошо папа, вернемся как можно скорей. Мы ночуем в двух часах хода от вершины, там никаких зарослей. Сбегаем с утра — и сразу домой.

— Доброе утро база, мы, «западные», подошли еще на пятьсот метров, дальше начинается лес. Запускаю дрон, надеюсь, достанет до самой скалы на пределе связи.

— Привет, это «Восток», точнее Стим. Мы на вершине! Вижу в бинокль Инзора, ага, вон и Алека с Каной. Видимо, гоняют дрон. Сейчас отщелкаем панораму — и бегом домой.

— База, это снова Инзор. Закачали новые снимки с дрона, идем домой. Если повезет, будем к ночи.

— Кана, бегом сюда, вот снимок с близкого расстояния!

— Ага, все-таки он артикли хоть как-то нацарапал. И предлог нацарапал нужный — “check the crack at the back” — я была не права, прощаю. Да, там что-то в трещине с обратной стороны чего-то, возможно, с обратной стороны скалы.

— Крамб, с обратной стороны все кустарник загораживает. Наверное, там есть трещина. Надо идти с лопатами, кайлом и топорами.

Алека, Инзор и Лема вернулись в 12 ночи — шли с фонарем, пытаясь не потерять свою тропу. Последние семь километров по долине шли по геолокации.

— Пить! — простонала Алека.

— Пива! — прохрипел Инзор.

Стим с командой пришли к середине следующего дня.

— Если хотите, идите все вместе вшестером, — предложил Сэнк.

— Хотим, — ответила Алека.

— А как с водой? Тут тремя днями не отделаешься, — заметил Крамб. — Я вот что предлагаю. Когда-то я легко таскал в горах 50 килограммов. Сейчас уже силы не те, но литров сорок втащу на хребет без проблем и тут же вернусь. Часть возьмете с собой взамен

выпитой, часть оставите на обратный путь. Так точно хватит дней на пять, если застрянете там.

— Послушай, муженек, — произнесла Кола исподлобья, чеканя слова, — ты меня уж два года, как полувдовой сделал, теперь хочешь сделать полной вдовой?! Вот такие с виду здоровущие шестидесятилетние амбалы и погибают в массовом порядке от инфарктов! Ты же и не почувствуешь, как кондрашка хватит, а остальным вместо находки придется твою в лучшем случае полуживую тушу вниз сквозь кусты тащить. Ну нет уж!

— Так что же, Кола, мне теперь на постельный режим переходить? Инфаркт ведь, он и на ровном месте может случиться. Так и быть, возьму тридцать литров — вообще смехотворный вес, меньше уже будет оскорбительно.

— Дядя Крамб! — вскричала Алека. — Там же есть вода. По пути нет, а на верховых лугах полно ее!

— Ну ладно, давайте тогда хоть сам прогуляюсь с вами, пригужусь! А впрочем, что толку, боюсь, буду тормозить вас. Идите легко и быстро! А мое время скакать вышло.

Команда, выйдя рано утром, подошла к Бесовой скале к вечеру и с утра приступила к исследованию скалы. Трещины не было. Стали искать хоть намек на трещину, проверяя каждый пятак. Наконец Трим разглядел тоненькую трещинку, она уходила наискось вниз в плотные жесткие кусты (горный вереск, по словам Каны) и как будто чуть-чуть расширялась. Пришлось вырубать кусты — трещина чуть расширялась, но зарывалась в грунт: почва, корни, гравий. Стим, Инзор и Трим поочередно откапывали трещину, получалась траншея вдоль скалы — за шестнадцать тысяч лет между скалой и склоном скопилось немало всякой всячины.

К вечеру третьего дня трещину откопали, но она оставалась забитой.

— Что-то мне страшно, — сказал Инзор перед сном, — мне кажется, что там ничего нет.

— Мне тоже страшно, — ответил Стим, — но меня отчасти успокаивает фундаментальность исполнения надписи. Это ведь не просто «здесь был Польш»: чтобы высечь три слова на такую глубину буквами такого размера, пришлось потратить не один день. Зна-

чит, было, ради чего! Конечно, посылку могли вытащить, но только очень-очень давно, когда щель не была засыпана.

Снаружи щель забилась весьма плотно — кроме гравия ее заполнили корни кустов. Раздробить и вытащить этот конгломерат стоило немалого труда. Потом пошло легче — Инзор запускал в щель кирку и выгребал ею порцию мягкого грунта. Вдруг при очередном гребке что-то звякнуло. Все поглядели друг на друга.

— Кажется, оно! Трим, давай, у тебя самые длинные руки.

— Зацепил! Пошла! Вот она, зараза!

Трим вытащил небольшой металлический ящик в удивительно хорошем состоянии — ни одной сквозной дыры.

— Грамотно! Нержавейка в консервирующей смазке — вон корка осталась.

Там внутри что-то перемещается, — сказал Трим, покачав ящик.

— Сэнк, есть! Металлический ящик с каким-то предметом внутри. У ящика есть крышка, открывать не пробовали.

— И не пробуйте! Бегом вниз. Ящик держите так, чтобы в нем ничего не бултыхалось. Несите осторожно в руках, лучше всего дайте нести Алеке и заберите у нее рюкзак. Ждем.

Крамб довольно быстро справился с крышкой ящика, чем-то попрыскав, смазав, подцепив. Внутри была обыкновенная стеклянная бутылка литра на полтора, а в ней сверток. Похоже, толстая тетрадь. Горлышко бутылки было запаяно, около доньшка просматривался круговой сплавленный шов, пролитый сверху для надежности расплавленным стеклом. После серии восклицаний и минуты изумленного молчания Сэнк огласил свое решение:

— Ни в коем случае не открывать! Это должен делать реставратор и не какой-нибудь, а Канор Идлон. Передать надо из рук в руки. Крамб, ты кажется, хотел покидать нас через неделю?

— Да, если совсем не терпится, могу и раньше.

— Тут еще проблема с таможней. Как декларировать бутылку с тетрадью? А вдруг тормознут — предмет старины все-таки? Нужен дипломат, причем лично со своим дипломатическим портфелем в кабину. Наверное, можно найти в посольстве в Бужде кого-нибудь со статусом, желающего за наш счет сгонять на выходные домой в Александрию. Потом вернем артефакт Гандийской республики.

— Все-таки не очень красиво получается. Нельзя ли как-то официально это оформить?

— Если действовать официально, надо заранее сдать артефакт на экспертизу, я внимательно прочел их правила. Представляете, гандийский таможенный эксперт будет вскрывать бутылку, вынимать тетрадь и разворачивать ее! Да ее надо вскрывать в аргоне в полной стерильности, а раскрывать — вообще искусство высшей квалификации! В конце концов, это не их достояние, черт возьми! Эта тетрадь — достояние всего человечества! Там, скорее всего, ценнейшие свидетельства о самом драматичном моменте в истории человеческого рода! И это будет лапать гандийский таможенник своими неуклюжими пальцами! Ну нет!

Крамб улетел с сокровищем через четыре дня. Кола пустила самую настоящую слезу: «Ты будешь там торчать до зеленых чертиков, а я здесь буду сидеть, пока не освою их язык и не вытащу из стариков все, что они помнят. Опять хрен знает, когда увидимся».

Через неделю пришли снимки первых страниц тетради. Кола посмотрела и схватилась за голову:

— О, боже! Это житель Санкт-Петербурга!

ЧАСТЬ IV

ДНЕВНИК

Предисловие

Эти записки покрывают период с 15 января 2227 года по сегодняшний день, 14 мая 2249 года. Их автор я, Олег Смирнов, 2180 г.р., бывший житель Санкт-Петербурга, бывший географ и климатолог, ныне вождь племени. Сейчас мой товарищ Крис Гордон, бывший инженер, мастер на все руки, уложит тетрадь в бутылку и надежно запаяет ее — на века или даже тысячелетия. Это нечто сродни записке в бутылке, наудачу брошенной в море, как в романах девятнадцатого века. Так и мы наудачу спрячем ее в трещине скалы и высечем на скале указание, рассчитывая, что цивилизация рано или поздно возродится, что люди поймут нашу надпись и найдут тетрадь. Вероятность этого ничуть не меньше, чем шанс благополучной доставки записки в бутылке произвольному адресату через море. Даже больше, гораздо больше — мы все верим в это. Нас уже двадцать два человека, и скоро еще прибудет.

17. Какая-то хрень

15 января 2227 года. Мы с Машей и Катей приземлились в Тель-Авиве за четыре дня до начала конференции. Собственно они и подбили меня полететь раньше, взять обеих с собой и устроить маленькое турне — Иерусалим, Мертвое море, Эйлат. Особенно напирала Катя, дескать, она прозябла до костей и нуждается в прогреве. Сразу по прилете Маша позвонила Игорю в Питер — он дома, собирается ехать в свою воинскую часть. Взяли мидикар, въехали в город и вдруг встали. «Потеряна геолокация», — произнес бархатный голосок. И все вокруг тоже встали, сзади кто-то в кого-то врезался, судя по звуку, потом еще. Подождали минут сорок. Ничего не изменилось — все стоят, пассажиры начали выходить из машин. До гостиницы оставалась пара километров, решили добираться пешком — когда все кончится, фирма найдет и заберет тачку — с нас снимут лишнюю сотню — и бог с ней. В гостинице не смог расплатиться — нет связи с банком, без предоплаты не селят. Что-то явно произошло. Банковские карты вообще не работают, даже кэш не снять, мы остались без денег. Игорю не дозвонился, нет связи. Позвонил Крису, хорошо, когда есть местный друг. Мы в давние времена работали в одной экспедиции в Антарктиде, оба совсем молодыми: я — недавно защитившийся постдок, он — вообще студент второго курса. С тех пор встречаемся почти каждый год.

Крис сказал, что случилась какая-то хрень, что он ничего не понимает и сейчас приедет за нами. Он живет километрах в пятнадцати от города. Приехал через полчаса, но не на машине, а на скутере, сказал, что дорога забита, что отвезет нас по очереди, что и сделал. Большинство сайтов висит, работают только израильские, и только местные телеканалы. Никто ничего не понимает. Нача-

ют приходить сообщения об отключении электричества в разных местах. А в целом мир молчит. Игорю по-прежнему не дозвониться — видимо, и в Питере тоже отключилось. К ночи весь северный горизонт ярко светился и переливался — будто мощное полярное сияние, но какое к черту сияние на такой широте?! Стало страшно.

16 января. Решил вести дневник — случилось что-то чрезвычайное, полезно все записать для памяти. Ночью долго не мог уснуть. На местных каналах усиливается нервозность, другие каналы мертвы. Почти нет сведений из Европы, Америки. Только редкие сообщения о пропаже электричества и дорожных пробках. Молчат Япония и Китай. К обеду сообщили: по данным из обсерватории на Канарских островах, произошла чудовищная солнечная вспышка. Предполагают, что она сожгла электронику спутников и вызвала сильную магнитную бурю, из-за которой практически везде отключились электросети. Немного отлегло — всего лишь солнечная вспышка, не ядерная война. Починят в конце концов, хотя весь мир хлебнет по полной. А вчера действительно было полярное сияние — надо же, такое яркое и на севере не увидишь! Игорю, естественно, не дозвониться, ну ничего, не пропадет, не маленький. У них там в части наверняка свое резервное питание — заведут дизели — и дело с концом.

17 января. Хорошо тут у Криса — большой дом, сад, бассейн. Конференция накрылась, авиасообщение прервано, даже местные линии закрыты — не работает GPS. Придется нам сидеть тут до наладки электричества, дай бог, за неделю справятся. Катя нервничает и брюзжит, Маша внешне спокойна.

18 января. Появляются плохие новости. Один лихой парень перелетел с семьей на собственной «Сессне» из Рима в Тунис, где есть электричество и связь. Ориентировался по солнцу и магнитному компасу из набора познавательных игрушек для дошкольного возраста. Рассказывает, что в Риме паника, воды нет, начали грабить супермаркеты (пока тащат только питьевую воду) — платить нечем, дороги забиты, никто не может никуда добраться, никто ничего не может наладить. Думаем, как быть дальше, и ничего не можем придумать. Пока сидим у Криса.

19 января. Пора закупать еду. В магазинах принимают только наличные, которые не снять в банкомате, — там запрос обраба-

тывается черт-те где. В банках — толпы. У Криса нашлось немного кэша, закупились дня на четыре. По ящику выступил премьер. Крис пересказал обращение: призывает крепиться духом, обещал, что в течение трех дней карточки израильских банков заработают, что дороги в течение недели будут расчищены и пригодны для ручного вождения.

20 января. Все больше беженцев из зоны блэкаута и все больше страшных свидетельств. В больших городах грабежи и пожары. Кто-то видел трупы на улицах (я сначала не поверил, но очевидцы настаивают: прошло всего пять дней — и уже трупы на улицах). Никто ничего не чинит, никакой власти, каждый спасается сам. Люди пытаются выбраться из городов, хотя большинству выбираться некуда — только в холод и слякоть. Но за городом можно хотя бы найти воду и развести костер. Пробовал выяснить хоть что-то про погоду в Питере. Бесполезно.

25 января. Заработали банковские карты Криса. Моя, конечно, мертва. Придется пожить в долг, даст бог, отдам. Мы с Крисом закупили дополнительные аккумуляторы, затарились соляркой и бензином для генератора и внедорожника — на заправках ввели ограничение 60 литров, но карточек пока нет, объехали три заправки. Для поднятия духа искупались в море. Какой-то тип на берегу закричал нам по-английски, что купаться зимой запрещено и что он сейчас вызовет полицию. Был смачно послан Крисом на иврите. Стал спешно звонить; судя по выражению лица, получил отлуп и молча ретировался. В поганое время нам выпало жить. Надо как-то бунтовать против всеобщего удушья хотя бы в индивидуальном порядке. Я однажды попробовал — написал про влияние оледенения на дивергенцию рас. Написал и опубликовал. Знал, что получу ярлык расиста, знал, что никакая академия мне после этого не светит, и все равно опубликовал, потому что это неубиенная правда. И журнал, по недосмотру опубликовавший мою статью, еще схлопотал — полпредколлегии разбежалось в страхе. Нет у этих политиканствующих ханжей никаких рас! Запрещено это понятие, нет такого слова. Жопа — то есть расы — есть, а слова нет. И еще отвечая на вопросы из зала заработал статус сексиста, и еще плебсофоба (действительно, терпеть не могу жлобов). Заработал — и не жалею.

Потом мне жали руку «недобитые» антропологи и благодарили: «Ты выступил громоотводом, ты сдвинул планку. Спасибо!»

Может быть, эта нынешняя встряска как-то освежит цивилизацию, ведь вытаскивать ее из передраги будут дееспособные люди, плевавшие на гавкающих ханжей.

28 января. Новости, просачивающиеся с севера, все страшнее. Люди ищут пристанище вне городов, занимают чужие дачи, устраивают побоища за крышу над головой. Сейчас оттуда добираются лишь единицы, но по их сообщениям за ними движутся многие тысячи. И не только оттуда, но и с юга, из Африки, где все в порядке с электричеством, но не в порядке с гражданским миром, где уже всюду стреляют. Передают, что не только все городское население Экваториальной Африки, но и все фермеры покинули свои дома, спасаясь от мародеров и вооруженных отрядов, решивших, что пришел момент захватить власть. Люди кто на чем движутся в Египет, почему-то считая, что там их никто не тронет. Надо же, еще несколько дней назад написал, что вся проблема на неделю. Похоже, цивилизация рухнула основательно, и лучше не строить никаких ближних планов на ее восстановление.

29 января. Страшно за Игоря. Маша напряженно молчит и время от времени пытается успокоить меня и Катю — обнимает и чуть грустно улыбается. За друзей и коллег тоже страшно. Может быть, оно и к лучшему, что наши родители не дожили до этого кошмара.

30 января. Сообщили в новостях, что на АЭС под Хайфой через 10 дней должна быть перегрузка, которую всегда делала французская фирма. Понятное дело, что в ближайшее время никакая перегрузка не состоится: существуют ли еще французские фирмы — большой вопрос. Персонал обещал протянуть еще три месяца на старых ТВЭЛх. Эта АЭС — шестьдесят процентов энергетики Израиля.

1 февраля. Я подкинул Крису идею, что неплохо бы организовать в поселке местное самоуправление. Если мир рухнул надолго, то здешний рай скоро кончится. Инфраструктура без связи с внешним миром помрет через несколько месяцев, хорошо, если через год. Надо подготовиться к самостоятельному выживанию. И оружие хорошо бы раздобыть, похоже, что придется самостоятельно обороняться, — от кого, пока неясно, но придется.

4 февраля. Постепенно зарождается новая община. Нас изо всех сил поддержал сосед Криса Амир Аронсон и его жена Медея. И сын у них отличный сообразительный парень, девятиклассник Стив — сразу предложил схему неубиваемой локальной электросети из подручного и легкодоступного оборудования. Завтра же поедем закупать дополнительные солнечные панели и аккумуляторы, пока еще можно что-то купить.

10 февраля. Община растет. Ее председателем избран Амир Аронсон, Крис стал главным инженером. У поселка нет четких географических границ — с одной стороны дорога, с другой — распадок, за ним поле, с третьей стороны — холм. Все дома индивидуальные. Люди присоединяются домами, платят вступительный взнос в общий котел. Сейчас объединились около сотни домов. Вопрос в том, сколько еще протянет централизованное водоснабжение. Понятно, что не дольше, чем централизованная электросеть. Скорее всего, полгода у нас есть, но надо быстрее действовать. Решили бурить пять скважин на всех и сделать пруд с водоупорным ложем на несколько тысяч кубов. Договорились с бригадой бурильщиков. Всякие правила и предписания — побоку, все делаем как считаем нужным. Пришлют инспекторов — отправим по обратному адресу.

14 февраля. За работой и хлопотами стало легче. Ужас по поводу катастрофы и страх за друзей и близких немного отступил. Успокаиваем себя тем, что Игорь, скорее всего, жив — он крепкий, да и армия — некий оплот, какая бы катастрофа там ни разверзлась. Но все равно страшно, и тяжело засыпать: ночь — самое тяжелое время и для меня, и для Маши. А Катке вроде полегчало — она засматривается на Криса и явно неровно дышит к нему.

20 февраля. Протестировали нашу общинную энергосистему. Выдает по киловатту возобновляемой энергии на домохозяйство. Топить и кондиционировать нельзя, все остальное можно. Крис наладил производство стальных дровяных печек. Сухих веток от местных садов хватит, чтобы протопиться в холодные ночи.

25 февраля. Произошло чудо! Приехал Игорь! Будто материализовался из ада. Приехал не один, а с подругой, зовут Алена, грузинка. Маша полдня прорыдала, мы с Катей изрядно напились на радостях. И не просто приехал — две тысячи семьсот километров одолел на велосипеде и еще тысячу восемьсот на скутере с Аленой.

Причем нашел дом Криса по памяти — он всего один раз был здесь два года назад. Сообразил, где надо нас искать! Рассказал массу всего — потрясающего и ужасного. Но сейчас я не в состоянии изложить его рассказ. Попробую в ближайшие дни.

27 февраля. Здесь все в порядке, а в мире все хуже.

Рассказ Игоря придется выдавать порциями — управиться с ним за один день невозможно.

Когда Игорь решил возвращаться в свою часть, отрубилось электричество. Уже стемнело, но вдруг снова стало светло: все небо сияло и переливалось. На небе от края до края распростерлось фантастическое полярное сияние, какого Игорь в жизни не видел не только в Питере, но и на Дальнем Севере. Никакой транспорт не вызывался — пропала связь. Игоря выручил велосипед, который он купил год назад, — отличная машина с четырехсотваттным вспомогательным электромотором, крайне полезным на подъемах. Именно на велосипеде он приехал в часть. Догадался захватить с собой ремнабор для велосипеда и все наличные, которые сумел найти дома. Начальник части, придя в себя после однодневного запоя, распорядился завести генераторы (что уже сделали без него) и самоизолироваться: никого не выпускать, посторонних не впускать до прояснения ситуации. Непонятно, получил ли генерал такое распоряжение по радио или сам придумал, но народ в части начал роптать: у многих в Питере остались родители и семьи, их надо спасать из темноты и холода. Этого генерала и так недолюбливали, а тут просто озверели. Генералу донесли про недовольство личного состава, и что он сделал? Заставил солдат и младших офицеров маршировать на плацу для укрепления дисциплины! Похоже, он свихнулся. Марширующие ответили «паровозом» — когда идут в ногу с ударением на каждый четвертый шаг (это выводит из себя всех начальников). Единственная мера против паровоза — гонять людей до одурения, кто первый не выдержит — строй или командир. Не выдержал генерал — начал палить в воздух и скрылся в штабе. Вскоре за воротами раздался шум: там собралась пара тысяч человек, люди умоляли приютить их, хотя бы замерзающих женщин с детьми. Вышел генерал с перекошенным лицом и дал команду караулу приготовить оружие. Народ напирал и снес ворота. Генерал приказал открыть огонь на поражение. И тут полковник

Быков, заместитель по инженерной части, во весь голос гаркнул: «Отставить!» Все замерли — и караульные, и люди, прорвавшиеся сквозь ворота, и генерал. Через несколько секунд генерал достал пистолет и с криком «Кто здесь командует?!» направил его на Быкова. Раздался выстрел — и генерал рухнул. Уже потом выяснили, что стрелял начальник мехколонны майор Магаев. Оцепенение продолжалось недолго. Полковник Быков распорядился пропустить вперед женщин с детьми и проводить их в столовую. Потом стали сортировать остальных: слабых — в столовую, крепких — в спортзал, средних и семейных — в клуб.

28 февраля. Немного о хорошем, которое нет-нет — и проглянет в общем кошмаре. Наши дети, кажется, нашли себе пару. Катька не на шутку соблазнила Криса. Такой вариант при ее характере, по моему, верх удачи, даже несмотря на ее великолепную внешность. И подруга Игоря мне очень нравится — веселая, даже сейчас умудряется поделиться оптимизмом, и по-своему симпатичная — легкая и долговязая. Неплохая находка по дороге.

Излагаю рассказ Игоря дальше. Полковник Быков распорядился забрать из Питера всех замерзающих членов семей военнослужащих части. Иначе, дескать, тут будет не воинская часть, а истерический дурдом. Для эвакуации семей организовали экспедицию колонны гусеничных «коробочек» в город — они легко объехали заторы, а кое-где смогли их расчистить. Понадобился второй рейс, спасли две с лишним сотни семей служащих части. Беженцы из Питера шли и шли — приходили по тысяче человек в день. Для них разбили палаточный лагерь на десять тысяч человек. Решили реорганизовать складские помещения близлежащей промзоны и прокинуть туда сеть — там можно разместить еще десяток тысяч. Стратегических запасов продовольствия хватало на двадцать тысяч человек до сентября. Через шесть дней после начала чрезвычайной ситуации Быков распорядился отпустить всех желающих к своим далеким семьям — добираться на свой страх и риск. Игорю выдали сухие пайки на двадцать дней, мини-палатку, горелку с баллончиками, автомат с боезапасом, спальник и рулонную солнечную панель на два квадрата.

2 марта. У нас все в порядке, чего не скажешь о соседних странах.

Игорь, выехав рано утром 22 января из части, в первый день одолел двести километров по трассе Москва — Петербург. Аккумулятор еще не сел, и моторчик сильно помог. Он сразу отказался рассказывать многое из того, что видел по дороге, дескать, расскажу, что считаю нужным, а больше не спрашивайте. Про мертвецов в машинах и по обочинам упомянул вскользь. Много народа шло из Питера пешком с тележками, тачками — искали хоть какую крышу над головой, лишь бы с печкой. Пару раз Игорю пришлось стрелять в воздух, подробности рассказывать не стал, только махнул рукой. На пятый день доехал до Московской кольцевой — над столицей стояло зарево, явно не от электрического освещения. Кольцевая была так забита, завалена, что на ее преодоление ушел целый день — иногда приходилось вылезать далеко за ограждение. Наконец к середине ночи 28 января Игорь выбрался на Ростовскую трассу и заночевал на строительном складе.

3 марта. На севере страны разбивают лагеря для двух миллионов беженцев — приближается большая медленная волна — пешие с повозками, сделанными из разнообразных транспортных средств. Она еще далеко — на западе и востоке Турции, но достигнет и нас. Люди ищут спасения на благословенном юге, где отдыхали в отпусках, где еще есть электричество. Счастливчики вроде Игоря на колесах с электрической тягой и солнечными панелями уже здесь, но их немного. Несколько десятков тысяч доплыли на чем попало морем из Южной Европы. А сколько этих медленных? Ходят слухи, что их гораздо, гораздо больше двух миллионов. Дай бог, часть осядет на южном побережье Турции. Почти нет сведений о Южной Азии. По слухам, там началась какая-то эпидемия. Так и питаемся слухами.

По словам Игоря, после Москвы дело пошло веселей. Поток беженцев уже ослаб, выглянуло солнце, стало можно чуть подзаряжать батарею. Похолодало, но не сильно, примерно до минус десяти. Сильно повезло, что во второй половине января выпало совсем мало снега. На Ростовской трассе через все заторы были пробиты проезды — видимо, тоже постаралась бригада военных. Действительно, под Новомосковском слева от трассы раскинулся освещенный палаточный лагерь с беженцами и воинская часть с урчащими генераторами. Видимо, и здесь нашелся свой полковник

Быков; жаль, что таких полковников катастрофически не хватает на огромную страну. Интересно, а некий майор Магаев у них тоже сыграл свою роль или обошлось? Еще один живой островок, на сей раз штатский, попался Игорю на объездной Воронежа: лагерь, собранный на берегу водохранилища из складских стройматериалов — длинные ряды бытовок, наскоро сколоченных домиков из пиломатериалов и разносортного утеплителя, даже уличное освещение из садовых солнечных фонарей. Игоря уговаривали остаться с ними в качестве охраны, обещали дать жилье и хорошо кормить.

К 5 февраля Игорь доехал до Ростова, где было уже теплей — заметно выше нуля. Западный ветер со стороны города принес трупный запах. То же самое Игорь почувствовал на объездной Краснодара. А днем 9 февраля старший лейтенант Игорь Смирнов выехал на берег Черного моря, где текла относительно нормальная, хотя и не электрифицированная жизнь. Там даже теплилась торговля, причем за любую валюту, — можно купить еду, инструменты, выпивку.

5 марта. Получили от военных двадцать автоматов для членов общины, пять гранатометов и вдобавок двоих прикомандированных рядовых. Председателем совета обороны назначили Игоря. Рано или поздно столкнемся с мародерами. Они движутся впереди медленной волны беженцев, громят магазины и склады, захватывают дома, рушат все, что удалось создать и наладить за последние полтора месяца. Кое-где они встречают вооруженный отпор, но чаще покорность. Откуда столько мародеров? Еще два месяца назад все были законопослушными, соблюдали предписания, каждый знал свое место, был винтиком в хорошо отлаженной машине. А может, все дело как раз в том, что всюду винтики? Винтики-начальники, винтики-подчиненные, винтики-акционеры. Может быть, когда машина ломается, как раз из винтиков легко получаются мародеры. И еще жертвы. Легкие жертвы или мародеры. А защитники и созидатели — ну никак! Они получаются из хозяев, точнее, из людей с душой хозяина, даже если судьба сделала его винтиком. Наверное, полковник Быков тоже был хозяином на кусочке земли: большая семья, дом, участок, собаки. А может быть, и не имел он ничего подобного, но хотя бы мечтал о своем кусочке мира, обустроивал его в мыслях. И майор Магаев, спасший

его, тоже не был винтиком — последние не способны хладнокровно принимать мгновенные решения на роковых развилках судьбы. Маша с Катькой добавляют, что еще многое зависит от культуры: если бы она не выродилась, не ушла в подполье, глядишь, и винтики остались бы людьми, и вообще все бы пошло по-другому.

Продолжу рассказ Игоря. Преодолевая город Потти по набережной, он не смог равнодушно проехать мимо девушки, сидевшей на парашюте рядом со своим скутером. Она явно была в отчаянии: железный друг помер. Игорь спросил, в чем дело, и вызвался помочь: оказывается, аккумулятор сел, при этом вышла из строя солнечная панель, и девушка не могла зарядить скутер и добраться до дома. Поломка была не столь серьезной: нарушена пара контактов, но для починки требовался маленький паяльник на 35 вольт. За полчаса нашелся добрый человек с нужным паяльником, панель была восстановлена, и аккумулятор поставлен на зарядку — солнце еще стояло высоко. Девушку звали Елена, она предпочитала называться Аленой. Она почти без акцента говорила по-русски, поскольку отучилась в МГУ на истфаке. Дома ее никто не ждал: с мужем она развелась год назад, а родители уехали в Америку. Игорь изложил ключевой момент буквально так: «Я позвал ее с собой, она согласилась». Заехали к Алене за немногочисленными пожитками, обменяли велосипед на десять банок мясных консервов и двинулись на навьюченном скутере на юг. Трех киловатт и регулярной подзарядки двумя солнечными панелями хватило, чтобы добраться через Турцию, Сирию и Ливан до Израиля. Рассказ про этот отрезок пути лучше передать со слов Алены. Но не сегодня.

10 марта. Друг за другом появляются и выходят в эфир коротковолновые радиостанции — огоньки в кромешной тьме. Как и из чего их умудрились собрать умельцы, где откопали этот антиквариат? Их уже больше десятка: две в Северной Америке, одна в Южной, одна в Англии, три в континентальной Европе, две в Китае, одна в Японии, одна в Австралии. Ну и, конечно, у нас в Израиле — так мы узнали об остальных. Местное телевидение пересказывает сообщения радистов, иногда включает их в прямой эфир. Везде примерно одинаковая картина: ужас и надежда. Ужас — в крупных городах и в массивах коттеджей и дач. В городах — разлагающиеся трупы, нечистоты, инфекции. В дачно-коттеджных массивах — вой-

на. Война за жилье, за землю, за припасы. Надежда — в воинских частях и в небольших новых поселениях на отшибе. Первые не по зубам мародерам, хорошо организованы и обеспечены, вторые — неплохо изолированы и от мародеров, и от инфекций, к тому же собрали деятельных людей, способных за себя постоять. Передают, что в урбанистических регионах энергетика и промышленность окончательно мертвы — ни отремонтировать, ни перезапустить — поздно и некому. Только построить заново, что тоже некому.

Теперь передам рассказ Алены о том, как они добивались последние тысячу восемьсот километров, она менее скупа на слова, чем Игорь. Перегруженный ослик покрывал километров по триста в день, на что уходило около девяти часов езды и восьми часов зарядки с двух рулонных батарей. Ехали вечером, немного ночью и ранним утром. Глубокой ночью забирались в укромное место подальше от дороги, спали, забравшись в один спальник — головой к входу, автомат под рукой Игоря. Днем разворачивали солнечные батареи, ставили аккумулятор на зарядку, досыпали, наслаждались пригревающим солнцем и друг другом. По словам Алены, это были самые счастливые дни в ее жизни — счастье возможно в любой обстановке, даже если вокруг рушится мир. Впрочем, как утверждала Алена, не так уж он и рушился вокруг — за исключением Эрзурума, единственного крупного города на пути через Турцию, люди жили нормальной сельской жизнью, даже с кое-каким электричеством: где-то работали ветряки, где-то блестели солнечные панели. В горах Турции стояла зима, но уже с уклоном в весну — высокое яркое солнце, большие проталины, а южные склоны оттаяли целиком и дышали теплом. В долинах уже пробилась зеленая трава, на ней паслись овцы. Ничто не напоминало о катастрофе. Турция казалась относительно спокойной, хотя Игорь избегал туннелей, предпочитая объезжать их верховым серпантином. А в остальном хватало демонстративно выставленного автомата. В Сирии пришлось пару раз пальнуть из него. Отчасти поэтому дальше поехали ливанским берегом, хотя это дальше. Зато купались в освежающем море и порой ели нормальную еду за остатки разнообразных денег из карманов Игоря. На поиски дома Криса ушло полдня — адреса у Игоря не было (кто же знал?!), зато была цепкая память, сохранившая несколько ориентиров и видов.

— Я устала,— сказала Кола.— На этом пока заканчивается мой перевод, а устно переводить прямо с оригинала — тяжело. Давайте продолжим через пару дней, я отосплюсь и переведу еще фрагмент.

— Как впечатления? — спросил Сэнк.— Если не знать, чем кончилось дело, то из прочитанного не возникает ощущения полного охряста. Да, катастрофа, бедствие, миллионы, может быть миллиард смертей. Но не тотальное светопреставление. Ведь люди даже связь наладили, откатив по технологии пару-тройку веков назад. Почему они потом откатали в каменный век? Ведь остались бастионы — военные части и новые поселения. Ведь поселения на отшибе, про которые говорили радисты, — они и есть новые поселения — правда, Алека?

— Видимо, они и есть. Так эти бастионы еще долго существовали. Эти самые деятельные люди в них родили детей и прожили до старости. И лишь потом поселения медленно угасли.

— Вас удивляет, что угасли, или что протянули так долго? — спросила Мана.

— И то, и другое,— ответил Сэнк. — Но больше всего меня удивляет другая вещь, одно странное впечатление. Но об этом потом.

— Пока мы занимались чтением вслух, от Крамба пришли новые марсианские картинки. Смотрите!

Снимки, которые показал Стим со своего компьютера, были гораздо интересней первых картинок «Марсианки-2». И несравненно ярче и четче книжных иллюстраций, доставшихся от прошлой цивилизации. Далекая панорама с горной цепью на горизонте. Песчаные дюны. Каменные плиты, посыпанные мелкими темными шариками. Кратер с мелкими дюнами на дне. И эта красота — на Марсе — за миллионы и миллионы километров пустоты! Когда-нибудь люди снова перестанут восхищаться подобными снимками, возможно, снова станут брюзжать, дескать, сколько можно гробить средств на эту чуждую человеку пустыню?! Но до брюзжания в тот момент было еще далеко. И Кана с гордостью произнесла:

— Мы сделали это!

— Ну, по правде, не мы,— ответил Инзор.— Из нас только Крамб может так сказать.

— Крамб, он же наш! — возразила Алека. — В его деле есть и наша малая толика. Он же был с нами в эпопее «Петербурга», впитал ее дух. Мы дополняем друг друга, мы добавили ему пороха! Правда, Кола?

Кола ничего не ответила, только слегка улыбнулась, что-то вспомнив.

— Ладно, — сказала она, — пойду спать, а потом сяду за перевод.

18. Бегство из цитадели

20 марта. Правительство приняло решение разместить в стране пять миллионов беженцев, прибывших с севера и с моря. Народ недоволен, но что делать? Куда их девать, живых несчастных людей? Сбросить в море? Пять миллионов — то, что реально может дополнительно прокормить израильская земля. «Мы их действительно можем спасти, — говорит Крис. — Ведь будет, чем гордиться. Нам так хочется чем-то гордиться, а давно уж нечем». А в народе поговаривают: «Это балласт. Они бросили свою землю вместо того, чтобы восстанавливать ее». Вроде бы правда, они всего лишь винтики рассыпавшейся машины, они не умеют восстанавливать чего бы то ни было в непредусмотренной ситуации. Крис говорит, что в основном ворчат те, кто сам ничего не умеет за пределами штатного расписания. Говорит, что надо организовать людей, научить их работать на земле. Да и я то же самое говорю, хоть я еще не стал полноценным гражданином приютившей нас страны, но постепенно вхожу в образ. Люди боятся преступности, которую вместе с болезнями действительно несут с собой беженцы. Но, черт возьми, у нас всего на двести домов аж двадцать вооруженных до зубов ополченцев, да еще два прикомандированных профессионала, не считая Игоря. И в городах в каждом подъезде по ополченцу. Да еще армия с полицией. И боимся преступности от этих несчастных беженцев!

22 марта Как все цветет! И запахи! Они-то к этому привыкли, а нам после Северной столицы еще как кружит голову. Алена, хоть она и не северянка, идет по саду как сомнамбула, а Маша сидит в шезлонге с прикрытыми глазами, вся в нирване. Что-то будет!

30 марта. Радистов стало больше — несколько десятков по всему миру. Эти одиночки стали основной, точнее, единственной глобальной информационной системой. От них приходят тревожные новости. Сообщили о вирусной эпидемии в Индии. И еще одна незадача: в Саудовской Аравии, Иордании, Ираке и Сирии, а также в Судане быстро растет вооруженное движение «Мечь». Правительства и военные этих стран не могут с ними справиться — они разграбили склады оружия, захватили нефтяные скважины. Их называют религиозными фанатиками, но, судя по всему, «мстители» — очередные обиженные и оскорбленные. Религия для них — лишь знамя и наркотик, тогда как реальная движущая сила — ненависть к благополучному миру и жажда расправ. Такое уже происходило двести с чем-то лет назад. Конечно, нашему благополучному миру грош цена. Я и сам терпеть его не могу. Но в нем, по крайней мере, никто не может никого по своей прихоти казнить и миловать. Эти «мстители» — обыкновенные стервятники. Но пусть только сунутся!

5 апреля. Передают, что лагеря беженцев на севере страны уже заполнены — три миллиона. Еще два миллиона собираются разместить ближе к нам — строят еще десять огромных лагерей. В Индии — трупы на улицах. Не голод, не стрельба — какая-то эпидемия. Эпидемии вспыхивают и в других местах, но не такие страшные. Порадовал радист из-под Питера, его сообщение передали по телевидению. Они основали поселение рядом с Приозерском. Их человек триста, собрали по окрестностям брошенный скот, приготовились сажать картошку, водрузили ветряк на пятьдесят киловатт, и главное — вокруг никого, ни мародеров, ни вирусоносителей — все бежали на юг. Подумываем о том, чтобы обзавестись собственным коротковолновым приемником. Но как? Они же исчезли двести лет назад. Нужен либо музейный экспонат, либо детали — Крис спаяет. Но где их взять? Стив сказал, что существует общество «Ламповое содружество» — своего рода мастера-антиквары. Они не признают интегральной электроники — для цифры, дескать, годится, а для чистого звука — дрянь дрянью. У них, дескать, есть мелкое производство радиоламп и отдельных качественных транзисторов — они относятся к ним как к предметам искусства. Им можно заказать как

коротковолновый приемник, так и передатчик. Будет дорого, но качественно. Стив пообещал найти контакты.

15 апреля. По данным военной разведки «Месть» набирает силу. Захватили власть в Сирии и Саудовской Аравии. У них развернуты учебные лагеря, огромное количество стрелкового оружия и легкового, отнятых у населения. Они и на севере (Сирия), и на востоке (Иордания, Саудовская Аравия), и на юге (Синай, Газа). Израильская армия остается мощной, она в течение минут может разгромить с воздуха любую колонну, но кто сказал, что они пойдут колоннами? По пустыне любая легковушка с приподнятым шасси может пройти почти везде — треть застрянет, две трети проедут. Их всех поодиночке не перестреляешь, они как гнус — гнус апокалипсиса. И к тому же не боятся смерти: их ждут не дождутся в раю. Не проблема перебить девяносто процентов, но и десять процентов, если прорвутся, могут наделать бед. Поэтому Игорь с двумя солдатами набросали план фортификации (бетонные блоки на дорогах, огневые точки) и открыли ежедневную школу военной подготовки с пяти до семи вечера.

20 апреля. В правительстве идут дебаты по поводу превентивного удара по лагерям «Мести».

21 апреля. «Мстителю» пошли на Израиль, не дождавшись превентивного удара. По телевидению показывают записи с камер дронов — их бьют и бьют, но они как саранча — едут по всей пустыне. Мы готовы, выставили дежурных.

22 апреля. На севере и востоке атака отбита — помогли горы и река Иордан, там моторизованные «мстителю» волей-неволей собрались в колонны и стали легкой мишенью. А с юга — идут и идут широким фронтом, горят, взрываются, гибнут, но едут, идут пешком. Уже близко. Страшно.

23 апреля. Мы с Игорем заняли позицию на втором этаже крайнего дома напротив блоков на въезде. Крис с Амиром — с другой стороны. Первым подъехал открытый джип с крупнокалиберным пулеметом. Как только он затормозил у блоков, Игорь подорвал его из гранатомета. Игорь успел подбить второй джип, один из экипажа спасся — вывалился из дверей и залег в кювет. Из следующих подъехавших машин все повыскакивали, движутся цепью — человек двадцать. У меня трясутся руки. Стив сказал: «Папа, дай по ним

очередь», — а сам начал стрелять одиночными. Я дал очередь, они легли. У меня перестали трястись руки, я стал стрелять одиночными — спокойно, будто не убиваю людей, а выполняю какую-то тяжелую точную работу. Они отстреливались, несколько пуль попали в мешки с песком, прикрывающие окна. Эти двадцать без укрытия были обречены — Игорь щелкал их как орехи, да и я несколько раз попал. Крис с Амиром отрабатывали другую группу — тех было меньше, но они лучше укрылись — за песчаным отвалом. Стив подстрелил двоих из них, чьи спины были видны с нашего направления. Стрельба была слышна сзади — там в поселок входила другая дорога — в востока, ее держали два солдата с пятью ополченцами. «Как бы не пошли через холм, там трудней всего отбиваться», — сказал Игорь. И тут же на холме показался десяток «мстителей» с короткими автоматами. Мы с Игорем попытались их достать очередями, но тут раздался сиплый свист и в небе появились два армейских дрона. Те, что на холме, бросились бежать — рай раем, но ужас от дронов, выработанный за два дня войны, сильнее. Вскоре стрельба стихла. Дроны сделали несколько кругов над поселком, дали несколько контрольных ударов и улетели. Мы стали считать потери. Из наших пятеро раненых, пять погибших, и среди них — о боже! — Амир. Крис с Катей и Машей привели его жену Медею и Стива к себе домой, постарались успокоить и занять. Нашли около сорока трупов «мстителей» и одного живого — того, что выпрыгнул в кювет из подбитого джипа и пролежал там до конца боя. Почему-то не было раненых.

24 апреля. Хоронили всех. Сначала со слезами и с почестями наших, потом — «мстителей». У меня снова стали трястись руки — «мстители» были обычными молодыми парнями, некоторые — подростками вроде Стива, один был даже похож на него. Сколько ни смотри, не разглядишь в них ничего зверского, ничего фанатичного. Разве что попало несколько тридцатилетних с бритыми головами, квадратными бородами и обезображивающими татуировками. Но даже они выглядели скорее глупо, чем устрашающе. Что их погнало погибать и убивать? Какой-то ментальный вирус, который убивает человеческое в человеке? Не знаю. Я не мальчик, много повидал и обдумал, но я совершенно не понимаю, что произошло

с ними. И у меня тряслись руки, когда мы стаскивали убитых нами юношей в свежий ров.

25 апреля. Маша настояла, чтобы ей дали присутствовать на допросе выжившего «мстителя». Как только вошла и увидела связанного к стулу парня в наручниках, закричала: «Все в сторону! Всем мыть с мылом и протирать спиртом руки! На него — маску и опрыскать спиртом! Не приближаться ближе двух метров». Потом Маша объяснила, что у него явно выраженная вирусная инфекция, похоже на овечий грипп — воспалены глаза. Новая зараза может убить треть поселения! Парня заперли садовом домике, оставили окошко для еды, лекарств и питья.

27 апреля. Маша взяла на себя роль военного эпидемиолога. Председателем общины после гибели Амира стал Крис — он транслировал все ее распоряжения: по возможности сидеть дома, мыть руки с мылом, носить маски везде, где можно встретить других людей, организовать общинную службу доставки продуктов.

29 апреля. «Мститель» в критическом состоянии. Маша пытается его лечить — дает жаропонижающее, заставляет много пить, раздобыли кислород. Медея помогает. Сделали им хорошие маски с фильтром и склеили нечто вроде противочумных костюмов. Двое членов общины отправились в столицу за медицинским оборудованием и медикаментами.

1 мая. «Мститель», похоже, выкарабкивается, хотя еще очень слаб. Маша делает все, что может, — кормит какими-то антибиотиками, чтобы убить бактериальный хвост, ставит капельницы, рассказывает ему про Север. С напряжением ждем конца недели, когда закончится инкубационный период овечьего гриппа. Персонал атомной электростанции под Хайфой вынужден заглушить реакторы, иначе возможна авария — Израиль теряет 60% энергии. Придется терпеть жару без кондиционеров. Маша сказала, что с ужасом думает о лагерях беженцев и овечьем гриппе.

3 мая. Мастера из Лампового содружества сделали нам и приемник, и передатчик (на будущее в пессимистическом сценарии) диапазона от метров до сотен метров. Теперь слушаем мир самостоятельно. Игорь ловит, Катя приходит на помощь с переводом, если это не русский и не английский. В мире стали меньше стрелять, но больше болеть. Живые не успевают хоронить мертвых. Самое

страшное — Индия, за ней — Юго-Восточная Азия. Там не только овечий грипп, там много видов бактериальной инфекции. Радисты (их там одиннадцать в разных регионах) не могут сказать, какие именно. Называют только тиф и холеру. Антибиотики в дефиците — их теперь не производят (фармацевтика по всему миру, кроме Израйля, рухнула вместе с остальной промышленностью), разве что кое-где изготавливают простейшие из них полукустарным способом. В стране введен карантин.

6 мая. Заболели двое, те, что допрашивали «мстителя». По симптомам — он самый, овечий. Срочно нужна местная инфекционная больница — везти в город не имеет никакого смысла, только хуже и для больных, и для города. Все лечение — питание, питье, жаропонижающее и кислород. Вакцина не производится, ее запас использован в последние два месяца, здешний народ не вакцинирован, поскольку вирус считался окончательно побежденным. Медее предложила отдать под госпиталь их с Амиром дом, он большой, а их осталось всего двое. Крис выделил Медее со Стивом свой гостевой дом. Маша с Медеей, врач-анестезиолог, продолжающий работать в одной из больниц Тель-Авива, и студент-медик составили персонал госпиталя. Отправили в город экспедицию за медикаментами и оборудованием.

7 мая. «Мститель», которого зовут Саид, почти выздоровел и вышел из ступора. Начал говорить на ломаном, но беглом английском. Он ничего не понимает — почему его не убили, а вылечили. Где враги рода человеческого, иступленные развратники и алчные эгоисты? Где содомиты и детоубийцы? Все, с кем он общался, оказались хорошими людьми, что и привело его в ступор.

9 мая. Заболели Медее со Стивом. Они вернулись в свой дом уже в качестве пациентов. Всего больны шесть человек. Ждем своей очереди. Маша решила попробовать изготовить в домашних условиях сыворотку из крови Саида. Заказала какие-то препараты и инструменты из города.

12 мая. Радист из-под Приозерска рассказал о посевной — все в порядке, нашлись двое грамотных по аграрной части. В поселении никакой инфекции. Снарядили экспедицию в Питер, говорит, лучше бы они этого не делали. Живых в городе нет.

15 мая. Заболел Крис и еще четверо. Маша ввела сыворотку всем одиннадцати больным. Медея и еще три человека совсем плохи — сидят на кислороде, не могут говорить. В помощь Маше и двум волонтерам-медикам пришли еще двое — одна из них когда-то работала медсестрой, другой читал популярную литературу по медицине. Работают как проклятые. Дежурят по двое. Маша еле добирается до постели. Мы помогаем, как можем, но только остаемся снаружи. Дезинфицируем, контролируем. Иммунизированный Саид стал работником при госпитале — уборщиком, садовником, официантом. Он пережил ломку и стал нормальным молодым человеком — улыбчивым и исполнительным. Машу он просто боготворит.

17 мая. Медея умерла. И еще двое — пожилая пара. Стив пошел на поправку. Крис держится. Добавились пятеро. Нас, питерских, эта зараза, похоже, не берет. Алену тоже, видимо, из-за ее оптимизма.

19 мая. Новых заболевших только два. Осиротевший Стив практически выздоровел. Маша взяла у него кровь для сыворотки. Еще двое умерли, но остальные в стабильном состоянии или выздоравливают. Похоже, Машина сыворотка работает, жаль, что она помогла не всем.

23 мая. За четыре дня ни одного нового больного. Неужели задавили эту заразу?! Один терапевт, один анестезиолог, три медсестры и дисциплинированная община — вот и вся победившая рать. Теперь главное — держать карантин.

25 мая. Умер еще один сосед — долго боролся, не хватило сил. Остальные поправляются, новых заболевших нет. Стива «выписали». Я сказал ему, что если он не против, то теперь мы с Машей будем его родителями, а Игорь с Катей — братом и сестрой. Стив разрыдался в объятиях Маши — ему явно полегчало.

30 мая. Крис дома. Премьер выступил с проникновенной речью. Израиль — последняя цитадель цивилизации, которая еще держится. Но и она несет огромные потери. Государство, лишившись половины служащих, при разрушенных международных коммуникациях, при глобальном крахе экономики не может выполнять все свои обязанности. Поэтому правительство передает местному самоуправлению свои полномочия во всем, кроме армии, службы

спасения и администрации лагерей беженцев. Правительство, наоборот, берет на себя обязанности по информированию и организует систему чрезвычайной медицинской помощи. Централизованное энерго- и водоснабжение сохраняются, но будут поэтапно сокращаться. Вот так. Последняя цитатка держится, но зашаталась.

10 июня. Заработало «Радио Нью-Йорка». Оказалось, что это не совсем розыгрыш. Команда из четырех человек втащила на башню Всемирного торгового центра киловаттную радиостанцию, обосновалась там с двухнедельным запасом всего необходимого и ведет репортажи. И не только устные репортажи, но и каждые полчаса по десять минут передает фотографии. Они объявили, что все, кто хочет их не только слышать, но и видеть, должны раздобыть звуковой модем и написать к нему драйвер на своем компьютере — они будут передавать фотоснимки в цифровом формате. Крис с помощью умельца из Лампового содружества справился с этой архаикой за день. И мы увидели Нью-Йорк: зелень парков, небоскребы — и блестящие на солнце, и со шлейфами копоти над разбитыми окнами, и обгоревшие «выше пояса». Мы увидели и четырех крепких бородатых мужиков неопределенного возраста — наших заокеанских корреспондентов. Сами они добрались в город из Вермонта, где основали небольшое поселение — доехали на фермерских скутерах. Нью-Йорк по их словам отнюдь не мертв — в Центральном парке много оленей и белок, на пирсах Гудзона греются морские котики, на улицах — еноты и крепкие рыжие дворняги, которые питаются многочисленными крысами. Много птиц. Трупный запах в городе заметно ослаб, а на верхотуре ВТЦ вообще свежий воздух. Они даже встретили на улице живого человека, правда, тот не мог связать двух слов: кто он, где живет, чем питается, зачем он здесь? Только бессвязный набор слов, в котором проскакивало имя «Ингрид». Его накормили, после чего человек незаметно исчез.

15 июня. Эпидемия овечьего гриппа в стране идет на убыль, в лагерях вышла на плато. Потери в стране — сто тысяч, в лагерях — полмиллиона. Армия брошена на поддержание карантина. Цитатка шатается, но держится. Хуже другое. В стране была прекрасная фармацевтика. Она еще жива, но большинство лекарств нельзя выпускать без импортных составляющих: глобализация — она и в Африке глобализация. Поэтому все со страхом ждут, когда останемся

без лекарств. В стране около двухсот тысяч тех, кто держится на лекарствах, кто живет, пока принимает их. Самое страшное — нет людей, способных наладить местное производство этих чертовых составляющих. Есть люди, готовые учиться и пробовать, но нет времени на это.

20 июня. «Радио Нью-Йорка» стало популярным в узком кругу радистов. Многие ссылаются на него и, конечно, обсуждают. Кто-то ругает, дескать, что за кошунство — вести передачу из братской могилы, другие поддерживают — дескать, водрузили жизнеутверждающий флаг цивилизации на пепелище. На новых снимках — орлиное гнездо на карнизе соседнего небоскреба, лось, пробирающийся сквозь мертвый автомобильный затор на мосту, ночной город, где под звездами еще горят редкие огни фонарей с солнечными батареями. Им друзья из лесов Вермонта закинули провизии еще на две недели, так что вещание продолжается. Они знают про мир не больше остальных, но говорят полезные вещи. Вот, записал дословно: *«Не собирайтесь в кучи, наоборот, разъединяйтесь — идите в те места, откуда люди бежали. Самое опасное место сейчас — юг, куда массы бежали зимой. Центральный парк — вполне приемлемое место для небольшого поселения, если бы не окрестные крысы. Оседайте небольшими группами, стройтесь, пока тепло, осваивайте простые ремесла, плодитесь и размножайтесь — только так наш род сможет выжить. А теперь послушайте старую музыку, просветляющую психику и личную перспективу на неделю вперед».*

Я и сам все чаще думаю о том же. Уйти из цитадели! Немного страшно, но надо. Пока ни с кем не говорил об этом. Думаю, куда.

30 июня. То понос, то золотуха. Овечий вирус придавили, следом идут бактерии. Они идут не только с людьми, они, гады, живучие! Идет тиф, он опасен для беженцев, холера, где-то уже поднимают голову чума и черная оспа — давно побежденные болезни, против которых нет запаса вакцин и специфических антибиотиков. Поговорил, наконец, с Крисом. Он вроде бы понимает, что придется уходить. Но ему-то уходить придется из собственного дома, поэтому решиться гораздо трудней.

10 июля. Игорь сообщил, что Алена беременна. Она этого хотела, дескать, ребенок придаст нам сил. В нормальной ситуации — была бы замечательная новость. В нашей — лишь подталкивает к тому,

что надо бежать. Может, действительно придаст сил. Изучаю восточную Экваториальную Африку, опустевшую еще весной после массового бегства в Египет.

13 июля. Игорь поймал радио из Приозерска — все в порядке, растет картошка, несутся куры, доятся коровы, строятся бревенчатые дома. Дай бог, чтобы там или в подобной общине спаслись наши питерские друзья и коллеги. Хотя бы кто-то из них!

«Радио Нью-Йорка» продолжает поднимать настроение — им друзья закинули еще еды и питья. Оказывается, эти четверо крепких мужиков не абы кто. Все они — бывшие жители Манхэттена. Блондин, что повыше, Роб Прист — профессор Колумбийского университета, социолог. Рыжебородый Аксель Бранденберг — музыкант андеграунда (Стив сказал, что слышал про такого). Коренастый брюнет Чак Дармер — инженер телекоммуникаций. Лысый Паоло Копти — известный альпинист и путешественник. Сегодня рассказывали, как делать срубы, передали фотографии и еще снимки аэропорта имени Кеннеди. Его почему-то облюбовали чайки и иже с ними. На самолетах толстый слой птичьего помета, как на прибрежных скалах. Сегодня Аксель поставил мощную музыку девятнадцатого века, дескать, поднимает на ноги после овечьего гриппа, а некоторых ставит на крыло. Имени композитора не запомнил — какие же мы невежды!

15 июля. Народ из Восточной Африки удрал, спасаясь от бандитов, а как насчет самих бандитов? Четыре дня внимательно слушаем радиста по имени Кагута Бесинда. Он сам кениец, бывший житель Найроби, инженер телекоммуникаций. Они с друзьями рассудили, что нет смысла бежать с потоком беженцев на север — еще неизвестно, что ждет на этом севере. Не лучше ли спрятаться, а потом осмотреться и уж тогда решить, как жить дальше? Вместе с двенадцатью кенийскими и шестью угандийскими семьями разного происхождения (от иссиня-черных масаев до рыжих ирландцев) они разбили лагерь в лесистых горах Нанди неподалеку от озера Виктория. Однако место им не слишком нравится — хотят найти что-то более укромное и перспективное с точки зрения пропитания. Поэтому, отсидевшись несколько месяцев, решили осмотреться и начали делать далекие велосипедные вылазки вплоть до Найроби и Камалы. И никаких бандитов, никаких вооруженных

формирований! То есть они, конечно, есть, но только мертвые — и со следами насильственной смерти, и без таковых. Краткое расследование привело к гипотезе, что бандиты попросту перебили друг друга и заодно всех перебили и перезаражали, тем самым очистив от себя территорию. Конечно, где-то еще мыкаются их остатки, но вряд ли они долго протянут без привычки работать в поте лица.

16 июля. Да, конечно, Восточная Африка! Климат хороший, малярии почти нет. Связались с Бесиндой на переговорной частоте, пообещали связаться, когда обоснуемся.

20 июля. И Катя беременна! Решила экономить контрацептивы и ошиблась сроком. Об этом сказал Крис. Теперь он тоже склоняется к эвакуации. К тому же сообщили, что в стране ходит краснуха. Обсудили с Крисом вариант Восточной Африки — Кения, Уганда. У Криса всегда есть решение. На сей раз он предложил добираться на маленькой самоходной барже, которая стоит на приколе на задворках Эйлата, — он купил ее за бесценок лет десять назад. Купил на всякий случай, если решит заняться подводным плаванием — хорошая плавучая база. Маршрут: Красное море, Аденский залив, потом на юг вдоль побережья Сомали, до Кении. Там выгружаемся и едем вглубь материка в глухой угол. Наземный транспорт — большой гибридный джип Криса.

30 июля. Это уже смешно. И непонятно, радостен или грустен этот смех. Маша тоже беременна! Они сговорились?! Мы с Машей давно бросили контролировать рождаемость в силу возраста. Даже иногда жалели, что не получается третий ребенок, а неплохо бы. И вот те на, самый момент для зачатия! Значит, точно нужно бежать! Какие сомнения?! Собрал семейный совет и объявил наше с Крисом решение. Игорь и Катя возражают. Игорь говорит, что нельзя предавать страну и общину. Они приютили нас, мы должны защищать эту цитадель. На что я возразил ему, что мы все, кроме Маши, только обуза, что защищать страну, кроме как от заразы, не от кого — «мстители» сокрушены армией, ополчением и эпидемией, мародеры изведены под корень. Лучший способ помочь стране — избавить ее от лишних ртов и переносчиков бактерий и вирусов в своем лице. Чем больше людей покинет страну, тем легче будет оставшимся. Катя сказала, что лучше умереть в комфорте и чистоте, чем жить в дикости и антисанитарии. Ну, это она выступает в своем

духе, через день смирится, подумав о будущем ребенке. Зато Стив просиял.

1 августа. Крис договорился со своим другом, Павлом Ставитским, что выдвинет его на пост председателя поселения. У Павла, кстати, дед с бабушкой — выходцы из России, сам он неплохо говорит по-русски и с самого начала с удовольствием общался с нами. Свой дом и участок Крис завещает общине в распоряжение правления. Наверняка пригодится как комфортабельный изолятор или второй корпус госпиталя. Предложил устроить Саида смотрителем, поселив его в гостевом доме.

3 августа. Крис готовит снаряжение и инструменты, я срочно изучаю технологию неолита — металлургию мы вряд ли освоим настолько, чтобы передать ее потомкам. Да и будут ли там руды? На наш век хватит инструментов, потомкам тоже кое-что перепадет. Скольким поколениям может служить обыкновенный топор? А вот припас, который может сработать на любое число поколений, — семена. Надо спешить. Скачиваю на свой диск все, что удалось найти в Сети, но чтобы найти и понять, что нужно, надо хоть немного знать предмет. Никогда не впитывал столько информации за короткое время. Никогда бы не подумал, что погружение в неолит требует такого объема знаний. Скот не возмешь с собой, будем искать на месте — не ушел же он весь на север с хозяевами. Да, еще мне предстоит изучить навигацию девятнадцатого века по компасу, солнцу и звездам. Таблицы же еще надо скачать, распечатать и осмыслить. Секстант еще раздобыть!

4 августа. Закупили семена примерно 250 видов сельскохозяйственных и декоративных растений. Отдельной строкой шел виноград — что за жизнь без винограда?! Но увы, в Экваториальной Африке он никогда не рос и не растет. Крис сказал, что в Тель-Авиве есть лавка Международного союза виноградарей — у них есть районированные сорта для самых неожиданных мест. Мы нашли эту лавку. Хозяин прямо вцепился в нас — мы оказались первыми посетителями за последние две недели. Он возмутился, когда я спросил, есть ли у них виноград, выведенный для восточной Экваториальной Африки. Он ответил, что у них есть виноград для любых регионов, кроме арктических островов и Антарктиды. Спросил, на какой высоте собираемся жить, уточнил регион. И подобрал нам пять белых

и четыре красных сорта для восточной Экваториальной Африки для интервала высот 1000–1500 метров для условий смены сухих и мокрых сезонов. Уйти от него так просто не удалось. Он рассказал про сорт, выведенный для Тибетского плоскогорья, — совершенно устойчивый к ночным заморозкам и жадно хватающий яркие лучи высокого полуденного солнца. Он показал даже сорт винограда для Огненной Земли — вызревает при средней температуре лета +12 градусов. И спросил с надеждой, не собираемся ли мы потом бежать на Огненную Землю? Дескать, там точно никакая зараза не достанет.

5 августа. Состоялось собрание общины. Павла избрали председателем. Народ сожалеет об уходе Криса, но относится с пониманием. Некоторые тоже подумывают об уходе в глушь.

7 августа. Мы с Крисом и Игорем, зарядив джип под завязку, поехали в Эйлат оживлять баржу. Слава богу, она оказалась на месте. Увы, в ней кто-то пожил. Мусор, в трюме какое-то барахло, спальные и два трупа. Убрали, похоронили. Родной дизель баржи мертв, да мы на него и не рассчитывали. Зато гребной винт в порядке, надо будет его только очистить, и сальник не течет. Главная задача — сделать трансмиссию от колеса джипа на гребной вал. Самый простой вариант — ремень с диска колеса на шкив, приваренный к валу. Намертво пришвартовали баржу, сделали крепкий трап, загнали джип, прорезали окно, измерили необходимую длину ремня. Одного дня не хватило. В Эйлате достали все, кроме ремня — колесный диск в качестве второго шкива, подшипник для укрепления вала, все насадили, сварили, поехали домой.

12 августа. Все собрано.

- 100 квадратов рулонных солнечных панелей;
- 800 литров солярки (она по карточкам, но Крис копил ее все эти месяцы, да и раньше был некий запас);
- прицеп на две тонны;
- радиостанция;
- 15 ноутбуков;
- крупнокалиберный пулемет, пять автоматов, два гранатомета, боеприпасы;
- 10 полотен двуручных пил;
- 20 топоров;
- 10 палаток.

Это только начало списка. Медикаменты, инструменты, книги, распечатки инструкций по неолитическим технологиям. Запас стойких чернил. Всего где-то две с половиной тонны на все грядущие поколения, которые, дай бог, появятся. Сколько лет протянет перечисленный скарб? Я бы хотел, чтобы хоть один компьютер с накопителями данных, радиостанция и солнечные панели дотянули до конца моей жизни — вполне реально.

15 августа. Попрощались. К дому Криса, у ворот которого стоял джип с груженым прицепом, пришли несколько десятков человек. Павел долго тряс всем нам руки, желал удачи в деле сохранения вида *Homo sapiens*. Саид разрыдался, упал на колени перед Машей. Как эти подонки умудрились сделать зомби из хорошего эмоционального парня?! К счастью, вернуть его в человеческое состояние не составило особого труда — Маша и бревно сделает человеком, есть у нее такой талант. Мне тоже было грустно расставаться, а Игорь даже тихонько пустил слезу.

16 августа. Купили в Эйлате доски и звукопоглощающие листы для обустройства кают в трюме. Купили недостающую еду и питьевую воду. Вроде все у нас есть. Загрузились на баржу. Загнали на палубу прицеп и машину.

17 августа. Поставили джип на корму наискось, выкрутив передние колеса так, что диск переднего левого колеса оказался параллелен шкиву на гребном вале. Разбортовали колесо. Надели ремень, поддомкратили джип, чтобы натянуть ремень. Приварили джип и прицеп к палубе с помощью швеллеров. Завели джип, испытали систему. Все работает. Развернули солнечные панели. На палубу влезло восемьдесят квадратов. Мало, черт возьми, — всего около 25 киловатт в полдень. Если не жечь солярку, поплывем со скоростью около 8 километров в час. За пару месяцев доплывем. Но сегодня ночуем еще здесь.

18 августа. Мы плывем! Какой был восторг, когда завели дизельный двигатель джипа, врубили передачу, за кормой вырос бурун и посудина тронулась, набрав приличную скорость. Хоть в самом начале прокатиться с ветерком! Начало путешествия всегда волнуется и радует, даже в том случае, если путешествие предпринято от большой беды. Мы все, кроме Криса, стоящего за штурвалом, сели на носу и обнялись. А Алена запела! Я никогда не слышал, как она

поет — так, что мурашки по спине. Она пела что-то на грузинском, нечто сильное, созвучное началу большого пути в один конец. Как запела, так и пропали все сомнения в его исходе.

Кола остановилась:

— Вот досюда я перевела. Ну как?

— Как всегда, ты хорошо переводишь.

— Папа, — вступил Стим, — ты в прошлый раз сказал, что у тебя появилось странное впечатление от дневника. Кажется, у меня тоже.

— Да, очень странное. Впечатление, что они — это мы, закинутые на шестнадцать тысяч лет назад. Я узнаю себя в авторе дневника, а Ману в Маше, Инзора в Игоре.

— Точно! — воскликнула Алека. — Я прямо узнаю себя в этой Алене. Я бы точно так же поехала с Инзором, попадись он мне впервые в жизни в такой ситуации. И тоже была бы счастлива.

— Перемещения во времени невозможны, на этом держится наша Вселенная, — продолжил Сэнк. — Я не верю в реинкарнации, как ни соблазнительно считать себя их реинкарнацией, да еще целым реинкарнированным семейством. Глупость, дерьмо козлиное! Но уж очень похожи. Редкое совпадение.

— Так, вы хотите сказать, что мой эквивалент — Катя, для которой с ее скверным характером некий Крис — верх удачи?

— У тебя ангельский характер, — произнес Сэнк с каменным лицом. Мана хихикнула.

— Не некий Крис, — ответила Мана, — а вылитый Крамб. Меня тоже смутило поразительное сходство, еще после чтения первой порции, но я промолчала.

— Я тоже не верю в реинкарнации, иначе бы я не был физиком, — вступил Стим. — Я думаю, что это совпадение, но не совсем случайное. Есть такой «эффект наблюдательной селекции» — это когда мы видим среди множества вещей именно те, которые легче увидеть. И потом удивляемся, почему именно такие вещи попадают на каждом шагу. У нас с той командой есть общее объективное свойство — и они, и мы сделали ряд сложных действий, требующих определенного набора качеств. Схожих качеств. Благодаря этим

сложным движениям мы их видим, то есть вычислили их и нашли дневник, а они видны, то есть ушли, выжили и оставили записи. Видимо, качества, позволившие эти действия совершить, проявляются именно в такой комбинации близких людей, дополняющих друг друга.

— Ты у нас, как всегда, мудрено выражаешься, — сказал Инзор, — но, кажется, я с тобой согласен. Каждый из нас пригодился, даже я.

— Конечно, пахнет мистикой. Но давайте считать, что это сама Судьба одинаково подобрала их и нас для чего-то важного. Только не будем задирать нос, — сказала Мана.

19. Путь в один конец

19 августа. Вчера прошли на дизеле залив Акаба, вышли в Красное море. Для экономии солярки переключились на электричество. Ползем на малой мощности вдоль египетского берега, погода хорошая. Для нашего корыта четыре балла — предел, поэтому внимательно смотрим на небо на предмет кошачьих хвостов и прочих древних примет. Зато у нас отличная карта побережья. Если что — пускаем дизель и на полных парах к ближайшей гавани. Попутно плотничаем в трюме — разгораживаем каюты, делаем спартанские лежаки — почти два месяца тут бултыхаться.

21 августа. Аккумуляторы сели, и мы решили остановиться на день, зарядиться и почистить перышки. Зашли в чудесную коралловую бухту, бросили якорь. Вокруг пустыня, а под нами — чудо. Крис все предусмотрел — взял три набора масок с трубками. Вообще-то у нас не курортная поездка, а эвакуация от беды в никуда — в каменный век. Но сегодня об этом полностью забыли. Здесь мы в абсолютной безопасности — тут в пустыне и раньше ничего не было, кроме редких курортных пансионатов, а сейчас на десятки километров вокруг — ни воды, ни деревца, ни души. Покой и безмятежность. Мы ныряли до самозабвения — все, кроме Кати, которая уплыла на берег, сняла купальник и легла на песочке, сверкая своими безупречными ягодницами. Там внизу восхитительные рифы с вызывающей разноцветной фауной, мурены, иглообразные рыбы, змееобразные рыбы, барракуды, все, что угодно, нет только наших лещей и плотвы. Крису это все привычно, мы тоже видели все красочное буйство Красного моря в прошлой жизни, и все равно как в первый раз. Нанырившись до одурения, легли на песочек

рядом с Катериной, подремали. Длинный-длинный безмятежный день в разгар апокалипсиса. Однако за день набрали около трехсот киловатт-часов. Хватит дня на четыре медленного непрерывного движения, если подзаряжаться днем на ходу.

24 августа Медленно плывем по длиннущему Красному морю. Две с половиной тысячи километров до выхода предстоит одолеть со скоростью быстрого пешехода. А потом еще три тысячи до Кении, и все пять с лишним тысяч — на старой маленькой барже. Пока плывем без приключений, да и какие приключения могут быть вдоль пустынного безлюдного египетского берега?! Все, кто здесь был, покинули эти места еще в феврале. Приключения здесь может обеспечить только природа, но она пока милостива. Приключения из-за встречи с людьми могут произойти разве что в Баб-эль-Мандебском проливе — уж больно удобное место для пиратов.

27 августа. Полностью освоил навигацию. Идем километрах в десяти от берега, чтобы не думать о рифах. Пасмурной ночью швартуемся в ближайшей бухте и спим. Ясной ночью идем по детскому магнитному компасу и звездам, они здесь вызывающе яркие. Научился довольно ловко определять положение с помощью секстанта. Измеряешь высоту пары звезд, вводишь в комп высоты, ошибки и время наблюдения каждой, получаешь ответ с точностью до пары километров. Одна проблема — поймать ночью горизонт. Погода хорошая. Все уткнулись в компьютеры. Я пытаюсь выбрать место назначения. Мы оставили эту задачу на дорогу, но все равно надо определиться заранее — от этого зависит место высадки. До сих пор мы с Крисом присматривались к Кении и Танзании с их чудесными заповедниками. Никто из нас там не был, но все эти красоты со слонами и жирафами сидят в голове и не отпускают. Но сейчас по трезвому размышлению дошло, что туристическая Африка не годится. Да, она опустошена войной всех против всех и эпидемиями. Но если кто-то остался, что вероятно, то именно там. Именно туда могли ринуться беженцы из Найроби. В округе Килиманджаро и кальдеры Нгоронгоро наверняка можно найти себе уединенное место, но без гарантии того, что никто никогда не нагрянет в гости. Да хоть та же группа радиста Кагуты Бесинды, которая продолжает искать место для постоянного поселения. Нужен

более глухой угол. Скорее где-то в Уганде и Южном Судане. Я, кажется, наткнулся на хороший вариант!

28 августа. Не успел закончить вчерашнюю запись до вахты. Продолжаю. Итак, привлекательный вариант — горный массив Киньети рядом с границей Южного Судана и Уганды. Точнее, массив называется Иматонг; Киньети — его главная вершина. Там, внутри гор, почти замкнутая долина шириной несколько километров, по которой течет река Киньети с притоками, — великолепное урочище. Сам массив похож на клешню рака, которая охватывает эту долину. Единственный удобный путь внутрь — узкий промежуток между кончиками «клешни» — его легко контролировать. Только там можно проехать. Остальные пути — только пешком с лазанием и продираньем. Поговорил с Крисом. Он согласился со мной. Воткнули флажок на карте в кают-компани. Сообщили остальным. Тогда высаживаемся раньше — на юге Сомали, хоть в Могадишо.

3 сентября. Все соскучились по «Радио Нью-Йорка», которое из-за хлопот не слушали почти два месяца. Игорь натянул антенну, покрутил настройку, и вот они — привет, друзья! Знакомые голоса: Роб Прист и Аксель Бранденберг. Дармер и Копти дома — у них теперь посменная вахта, зато с ними еще Митч Багельман, он не выходит в эфир, но часто выходит на улицу, снимает и приносит воду — ему в силу молодости и спортивного прошлого легче даются 417 метров по вертикали. Грустная новость: число радистов чуть снизилось. Они раз в две недели проводят переключку — в середине лета их были 205, сейчас стало 193. Причем 15 замолчали, а три новых возникли и присоединились к сообществу. Больше огоньков гаснет, чем зажигается. У них дома в Вермонте все в порядке, нормальный урожай, никто не умер, никакая зараза не достала. А на юге — плохи дела. По Флориде прошли пять эпидемий, шестая не пришла — косить было уже почти некого. Один из двух флоридских радистов замолчал. Восточное побережье опустело настолько, что там снова можно селиться. Уцелевшее население прибрежных городов рассеяно по Аппалачам. А сколько народа уцелело, никто не знает.

Спасибо Митчу, говорит Роб, у нас есть новые снимки — мамашка играет с восемью мохнатыми щенками на Уолл-стрит, два енота высунулись из разбитого окна восьмого этажа. И два человека на

улице! Двое подвыпивших, но вполне нормальных парней. Они приехали на экскурсию из Аппалачей — жуть как хотелось выпить в любимом баре на Манхэттене хотя бы своей самогонки, которую теперь никто не запрещает гнать. Бар разграблен, но не разгромлен, нашли уютный столик, посидели с удовольствием. Приехали на байке — ремейке чоппера 1990-х, заправленном той же самогонкой, только не разведенной. В этом году в Аппалачах небывалый урожай яблок — они насобирали в заброшенных садах несколько тонн и с толком их использовали. Угостили и нас, причем не из топливного бака, а в хорошо продезинфицированной бутылке — замечательный кальвадос. Ждем новых гостей, мечтаем увидеть в городе не только джентльменов, но и леди. *«А теперь немного музыки. На сей раз — XX век. Музыка полета — полета над чем угодно, над Нью-Йорком, что лежит под нами, над пустынным побережьем Атлантики, над лесистым Вермонтом и Аппалачами с редкими поселениями, над затихшей Европой, надо всем, на что откликается ваша душа».*

Я закрыл глаза и полетел над Питером в июньскую ночь, чуть к утру. Стартовал со стрелки Васильевского острова. Темный город, никаких огней, светло-серая Нева, Петропавловка — еще как откликается душа, черт побери! Музыка тащит дальше на север — озера цвета предрассветного неба, отражающиеся в них готические ели. Музыка тащит выше — вон розовая Ладога, с другой стороны — синий залив. Еще выше, невозможно остановиться! Ладога как на ладони, финские озера, шхеры, леса, расходящиеся дороги. Уже стратосфера, пора назад, а музыка все тянет и тянет вперед и вверх. Пришлось открыть глаза. Композитора опять забыл — какая-то немецкая фамилия.

5 сентября. Через день ходу — пролив. Наиболее опасное место: если пираты еще остались в этих краях, то они там. Надо зарядить до предела все аккумуляторы — 1200 киловатт-часов, что займет два дня минимум. Остановились на острове в восьми километрах от заброшенного города. Разложили на берегу дополнительные панели. Нырjali до посинения, читали, спорили про будущую жизнь. Перед отплытием набрали песка в мешки.

7 сентября. Пролив. Идем на электричестве на мощности 120 киловатт. На острове Перим какое-то движение. Все-таки пираты.

От острова отплывает большая надувная лодка, идет нам наперерез. Женщин и Стива заставляем лечь на пол кают — ниже ватерлинии, Крис ведет баржу, обложившись мешками с песком, мы с Игорем — на носу, тоже за мешками. Игорь наблюдает в бинокль, сообщает, что там человек восемь с антикварным оружием типа автоматов Калашникова. Я предлагаю дать предупредительный. Игорь намерен стрелять первым на поражение, дескать, у выживания человеческого рода больше шансов, если избавить мир от этих стервятников. К тому же, если откроют ответный огонь, могут повредить джип. Говорит, подпущу их метров на пятьсот и выстрелю дешевым боезарядом — он с простейшим самонаведением. Приготовил гранатомет, что-то набрал на пульте, подождал, выстрелил. Двое успели выпрыгнуть из лодки, остальных чуть подбросило, лодка превратилась в плоский серый блин и вскоре затонула. Двое плывут к африканскому берегу, остальных не видно. Завели дизель, идем на мощности 250 киловатт. От острова отплыли еще две лодки, гонятся за нами. Игорь произнес сквозь зубы: «Идиоты!» Сказал, что использует боезаряд, который поумнее, дескать, Павел настоял, чтобы мы их взяли — в Израиле теперь такие бесполезны против бактерий и вирусов. Пираты стали догонять, и когда передняя лодка приблизилась километра на два, Игорь навел на нее прицел, чтобы ее изображение появилось на экране, что-то набрал на пульте и выстрелил, не целясь. Прошло секунд десять. Кажется, из лодки никто не успел выпрыгнуть. Вторая развернулась и помчалась назад — со второго раза дошло. На этом инцидент в проливе был завершен. Стив страшно обиделся, что не дали посмотреть. Заглушили дизель, перешли на 30 киловатт.

8 сентября. Стив спросил: зачем плыть до Кении или даже до Могодишо, если мы собираемся в Южный Судан? Почему не высадиться прямо сегодня в Джибути? Разница в расстоянии по суше километров 800, и зачем плыть лишние две с половиной тысячи по морю? И правда — почему? Он ведь даже не понимает, насколько прав. Ведь путь по Индийскому океану вдоль сомалийского побережья без единой бухты опасней любых пиратов. Всюду — песчаный пляж и мели, не дай бог, шторм с востока! Почему я сам раньше не подумал об этом? Видимо, потому что вначале хотели в Кению-Танзанию, а мозги уже затвердели. Остановились, обсудили. Никто

не понимает, почему никто не догадался раньше. Идем в Джибути с легким сердцем — мысль о путешествии вдоль сомалийского берега на утлом корыте висела камнем на душе. На ночь встали на якорь у острова Мучо.

9 сентября. Попрощались с дорогим корытом, которое служило нам домом три недели и приблизило нас к цели почти на три тысячи километров. У Криса были влажные глаза, у меня, наверное, тоже. Оставили баржу у пирса в Джибути — может быть, послужит домом кому-то еще, хотя кому? В городе ни души и ни капли пресной воды. Медленно двинулись на юг — ночевать в мертвом городе не хотелось. Здесь в январе выстояла электросеть, но не выстояло государство. Город разграблен, на улицах попадаются останки людей.

11 сентября. Мы в зеленой Эфиопии. Пресные ручьи и озера — вода грязноватая, но пригодная для хозяйственных нужд. Пере-

секли знаменитый Африканский рифт и реку Аваш. Страна опустела, но изредка попадаются живые хутора и люди на полях — пытаются вручную обрабатывать землю. Ближе к Аддис-Абебе наткнулись на ров, прорытый поперек шоссе. Зачем, кому это понадобилось? Достали лопаты, засыпали ров. Стали смотреть внимательней — нет ли шипов на дороге. Оказывается, есть, вовремя заметили. Интересно, живы ли

еще те, кто устроил эти засады? Ради обороны против мародеров или просто из-за злобы на весь мир?

12 сентября. Мост через реку Омо кто-то пытался взорвать. Без ремонта не проехать — посередине здоровенная дыра в лохмотьях арматуры — по краям слишком узко. Объезд — только с юга от озера Туркана, через ту же Кению — крюк полторы тысячи километров. Решили не спешить, остались на ночевку. Ближайшие подходящие деревья в пятистах метрах. Стив молодцом — таскает стволы в паре с Крисом. Утром на свежую голову доделали настил. Интересно, найдется ли хоть одна живая душа, которая откликнется благодарностью? Проедет ли здесь еще хоть один транспорт в обозримое время?

13 сентября. Вот и Южный Судан. Осталась ерунда — километров триста. Сегодня к вечеру будем на месте. С утра побаливают мышцы после упражнений с бревнами.

В середине дня, проезжая через крупное поселение Капозта, увидели живого ребенка. Он сидел недалеко от дороги и еле повернул голову в нашу сторону, когда мы остановились. Больше в селекции мы не видели никого. Мы с Машей подошли, ребенок зарыдал. Из кустов у близлежащего домика раздался ответный детский плач. Это были две истощенные девочки лет пяти, видимо, двойняшки. В доме — тело женщины, вероятно, их матери. Судя по состоянию тела и по виду девочек, она умерла несколько дней назад. Маша скомандовала, чтобы мы разбивали лагерь на том берегу высохшей реки. Дескать, остаемся здесь на две недели. Она отогнала всех подальше от дома, сама надела противочумный костюм, взяла питье, пищу и медикаменты, велела нам ехать разбивать лагерь, а сама осталась с девочками. Вечером Маша пришла в лагерь, сообщила, что девочки спят, напоены, накормлены, пролечены джентльменским набором антибиотиков. От чего умерла мать — непонятно, повреждений на теле и видимых симптомов нет. Короче, двухнедельный карантин. Она с девочками там, остальные здесь. Приближаться к ней ближе, чем на пять метров, нельзя. Попросила меня принести туда две палатки, спальники, прыскалку со спиртом и еду. Вот тебе и вечер на месте!

14 сентября. Все унылы, но никто не ропщет, даже Катя. Исследуем окрестности, хотя нечего там особенно исследовать. Разве что

так называемый аэропорт с единственной достопримечательностью — самолетом в кустах. Судя по размеру кустов, он там стоит лет пятнадцать. Вечером пришла Маша, сообщила, что девочки чем-то больны, но в легкой форме. Температура 37, диагноз она поставить не может. Легкое течение болезни никак не влияет на срок карантина, поскольку неизвестно, какой набор инфекций сидит в несчастных девочках.

16 сентября. У девочек температура нормальная, у нас — скука смертная. Алена предложила спеть хором вечером у костра. Какой там хор?! У нас — наследственное отсутствие слуха. Крис говорит, что только отбивать ритм умеет. Алена предложила мне написать какую-нибудь простенькую кричалку, например по вызову духов, — она будет выводить мелодию, мы — подкрикивать, а Крис — барабанить по капоту джипа. Дескать, дядя Олег, ты же писал стихи, сам говорил, вот и напиши! Я спросил, каких духов она желает вызывать, Алена назвала истребителя хворей и покровителя странников.

18 сентября. У меня творческий кризис — не могу написать ничего путного на заказ Алены. Все что-то натужное получается, пердячий пар. Да еще окружающие давят — давай-давай, дескать, где духи, уже опухли от этой бездуховности! Я предложил для подъема духа поймать «Радио Нью-Йорка». Игорь развернул небольшую антенну и довольно быстро поймал. Сегодня с нами все тот же Аксель, Роба сменил Паоло Копти, на подхвате Юрий Потанин — тоже альпинист, для него, по словам Паоло, подъем на 400 метров — дело двадцати минут. У них хорошая новость: появился новый радист, да не откуда-нибудь, а с Аляски. Их община обосновалась в долине притока Юкона Тананы. Шесть семей выбрали место выше Фэрбенкса и построили шесть домов. За лето вырастили лук, картошку, разводят куриц, держат оленей, и еще у них дюжина отличных собак. Недавно совершили рейд в Фэрбенкс, на квартиру знакомого коллекционера старой техники — он умер еще весной. Оказалось, вся квартира заставлена древними радиоприемниками, проигрывателями, телевизорами с кинескопами, оставлены только узкие проходы, а в одну из комнат приходилось перелезать через баррикаду из этих деревянных монстров. Забрав с десятков разных ящиков, они соорудили из деталей отличную радиостанцию и на днях вышли в эфир. У них есть небольшой ветряк, его мощности хватает

для освещения и передатчика. Чуть ниже по течению Тананы есть еще люди — военная авиабаза, там живут человек тридцать, они меняют крупы и тушенку на лук и свежие яйца. Часть улетела на юг, часть осталась и тем самым спаслась. Так что жива Аляска! И Нью-Йорк жив своей жизнью! Паоло сообщил, что сейчас они покажут самую настоящую корову с теленком в Центральном парке — видимо, забрела из далеких животноводческих ферм. Что ее привело в безлюдный мегаполис? Корову и еще нескольких диких кабанов сегодня утром снял Юрий. Аксель, как всегда под конец получасовой передачи, поставил старую музыку, дескать, воспарим. Музыка действительно легкая и светлая — один рояль, но возносит километра на три. А с именами композиторов у меня катастрофа — забываю раньше, чем успеваю записать.

19 сентября. Сочинил-таки песню-кричалку, которая могла бы сойти для студенческого капустника, сойдет и в этом безлюдном пространстве. Вечером у костра Алена затянула песню вызова духов Иммуниста, Дезинфекта и Вакцинора, а мы время от времени скандировали припев. Наша песня имела вполне материальный эффект. Только вместо духов из тьмы явилась Маша с фонариком, дескать, Алена прекрасно поет, а вы-то чего раскричались, чуть девочек не разбудили. Тем не менее села с противоположной стороны костра, выдержав дистанцию, и присоединилась к хору. Подураться — замечательно помогает в жизни даже в самый разгар апокалипсиса.

21 сентября. Прошло больше месяца в бегах. Поймали израильского радиста. Страна держится, хотя и с трудом. Лекарства есть, но их начинает не хватать. Население сократилось на треть — это скорее мало, если принять на веру сообщения радистов из других стран. А можно ли верить этой цифре? Как они посчитали, когда все связи оборваны? Да и та пустота, что вокруг нас, красноречива: две девочки в большом селении, а где остальные? Написал-таки воззвание к покровителям странников. Получилось чуть лучше, может быть, потому что сразу настроился на минор. Алена опять запела у костра, дескать, пошлите нам в конце пути поляну у реки под сенью деревьев, дайте нам счастье в уединенном углу Земли, помогите осесть и плодоносить под высоким солнцем и так далее. Снова пришла Маша, убаюкав девочек, хорошо посидели.

23 сентября. Прошли ливни с грозами. Сухое русло реки наполнилось водой, а Маша с девочками — на том берегу. К счастью, уже к вечеру река преодолевалась с засученными штанами.

27 сентября. Все здоровы. Мы выдержали карантин! Маша привела девочек в лагерь. Она научила их если не говорить, то хотя бы улыбаться. Едем к нашему последнему пристанищу уже в девятером. Наконец все собрались вместе на общий ночлег. Поддали на радостях.

28 сентября. Собрались и поехали. Скоро увидели те самые горы, синие и плавные. Когда мы въезжали в долину между кончиками «клешней», лицо Кати стало каменным, да и остальные призадумались: мы же въезжаем сюда до конца жизни, никогда не будет у нас другого дома, никогда мы не увидим других земель, других гор, никогда не увидим моря, не увидим снега. И мне стало не по себе. И только когда нашли поляну у реки под сенью акаций, когда я сказал: «Здесь!» — а Крис вбил первый кол, немного отлегло. Все же здесь будет наш дом, а не тюрьма. Мы не увидим Большой земли, да и черт с ней, главное, мы каждое утро будем видеть восход, небо и плывущие облака — мало кому из живших год назад на Земле ныне досталась такая удача. Зато нам будет понятно, зачем мы здесь торчим. Это «зачем» затмевает все цели и достижения нашей прошлой жизни.

— Вот здесь некоторая промежуточная точка, — сказала Кола, — я пока перевела досюда и хочу передохнуть. Комментарии будут?

— У меня один комментарий, — ответил Сэнк, — переводы остаток как можно скорей.

Других комментариев не последовало.

20. За сто лет до неолита

5 октября. Мы с Крисом и Игорем строим дома. Таскаем булыжник с берегов реки, роем глину, кладем стены. Маша занята девочками, остальные ловят брошенный скот и птицу. Во всей долине на пятидесяти квадратных километрах была лишь одна небольшая ферма. Она брошена, трупов нет, скот, видимо, жив, но разбился. Ферма очень пригодится — стекла, доски, кровля. Вчера Алена со Стивом привели целое сокровище — корову. Бык наверняка тоже бродит где-то в окрестностях. За фермой — небольшое поле. Судя по тому, что там торчит, год назад здесь сеяли кукурузу. Попробуем и мы что-то посеять, хотя вспахать такое поле нам не под силу. Работаем взахлеб. Животы у женщин растут, их трудовой энтузиазм приходится притормаживать.

15 октября. Решили присоединиться к сообществу радистов. У каждого есть частота и время для общения. Связались с радистами из Приозерска, из окрестностей Тель-Авива, конечно, с «Радио Нью-Йорка» и с координаторами в Северной Ирландии. Нам выделили частоту и время выхода в эфир. Так мы зажгли еще один огонек — они же не только гаснут, но все еще загораются, черт возьми!

16 октября. Вышли в эфир. Мы с Крисом и Машей рассказали вкратце о нашей компании, о нашей истории, о перспективах нашей демографии.

17 октября. Бальзам на душу: «Радио Нью-Йорка» посвятило нам несколько минут! Гвоздь сообщения: «У них три взрослых женщины и все беременны! Все на шестом месяце!» Сказали, что будут держать за них кулаки, что эта тройка — символ возрождения человеческого рода. Лишь бы родились здоровые дети!

19 октября. С нами связался Кагута Бесинда. Сообщил, что они покидают временную стоянку и движутся на север к границе Уганды и Южного Судана, поскольку в Кении довольно много мелких поселений. Спросил, где мы обосновались. Чувствуется, он немного расстроился, узнав, что мы обосновались в долине Киньети, видимо, это был один из их вариантов. Сказал, что тогда они пойдут в национальный парк Кидепо километрах в семидесяти восточней. Договорились, что ни в коем случае не будем навещать друг друга в течение трехсот лет. Он сказал, что передатчик у них дышит на ладан, поэтому предложил на всякий случай попрощаться лет на триста.

25 октября. Закончили с кладкой четырех домов. Пол, перекрытие, кровля — из материалов с фермы. Конечно, мы обязаны перейти на неолитическую технологию, но не так резко. Кстати, Крис набрал кремней и тренируется в изготовлении инструментов. До неолита еще далеко, но где-то на уровне среднего палеолита уже получается.

30 октября. Девочки заговорили! Улыбаются, называют Машу мамой. Они называли себя сами — Ола и Умо. То ли их так звали в прошлой жизни, то ли само так получилось. Пристают к Крису, чтобы он их подбрасывал и ловил. При этом заливисто визжат.

8 ноября. Я как вождь племени запретил женщинам на шестом месяце любую физическую работу, кроме дойки коров. Теперь у нас их две. Еще у нас пять куриц и, главное, петух. Это заслуга Стива — он наловчился отлавливать их силком. В долине полно съедобных злаков, особенно сорго и одичавшей кукурузы, так что перед освоением земледелия потренируемся на собирательстве.

10 ноября. Чак Дармер сообщил, что в Нью-Йорке большой пожар. Горит небоскреб средних размеров, судя по виду — офисное здание. Загорелось на двух третях высоты; все, что выше, охвачено черным дымом, сквозь который кое-где пробиваются языки пламени. Раньше тоже изредка дымило то тут, то там, но такое они видят в первый раз. Вероятно, сильные пожары случались зимой и весной, в городе немало изрядно обгоревших зданий. Чак считает, что основная причина пожаров в пустом городе — молнии, возможно, солнечные панели, а также аккумуляторы и батарейки. Их десятки миллионов. Какие-то из них протекают и возгораются —

ничтожная доля, но и ее хватит, чтобы сжечь часть города. Обычно это небольшой пожар на столе или в комнате, но бывает и серьезней — все зависит от количества близлежащей бумаги, обилия пластика и воздушной тяги. Передал снимки пожара. Действительно, впечатляет: столб дыма поднялся метров на семьсот и протянулся далеко над океаном.

15 ноября. Крис добыл огонь двумя методами: трением деревяшек и высеканием искр. Второй вариант ему понравился больше. Еще у него получился вполне неолитический наконечник стрелы, хотя зачем нам стрелять из лука? Это скорее для потомков. Вместе со Стивом осваивают керамику — выше по течению реки отличная глина.

10 декабря. Для седьмого месяца все чувствуют себя необыкновенно хорошо, о чем с наших слов раструбило на весь мир «Радио Нью-Йорка». Только вот тесным стал этот мир. И все же 190 вещающих радиостов — не так уж и мало. И слушают их пусть не миллионы, но многие тысячи, десятки тысяч. И не зря наши женщины немного задрали нос.

30 декабря. Наладили сносную жизнь. Водопровод, канализация, причем вполне неолитическими средствами — проточная вода от запруды в ручье, керамические трубы и желоба, канавы, септик, галечно-песчаное поле фильтрации. Мы с Игорем сходили в горы и принесли «новогоднюю елку» — саженец, похожий на тисс. Уж не знаю, приживется ли он на поляне среди акаций.

1 января 2228 года. Отпраздновали Новый год. Пели у костра до середины ночи. Маша научилась сносно подпевать Алене, а мы — мычать в такт. Весь день сидим в реке — жара редкая даже для января. Вообще климат прекрасный, мягкий, но иногда хочется снега.

15 января. Годовщина. Как долго длился этот год! Как мы изменились! Из законопослушных цивилизованных горожан превратились в странников, воинов, мастеровых, крестьян — средневековая вольница. Только компьютеры и радиостанция выдают наше происхождение. Вечером настроились на «Радио Нью-Йорка». Сегодня Роб Прист посвятил годовщине часовую аналитическую передачу. Они с товарищами провели тяжелое и жутковатое исследование. Выбрали случайно сотню нью-йоркских квартир и вскрыли их. В пятидесяти четырех нашли останки хозяев. То есть половина

людей даже не пыталась спастись — максимум выходили грабануть ближайший магазин, да и то вряд ли, судя по малому количеству упаковки. Как будто людей парализовало. То же самое — в застрявших машинах, тех, что застряли сразу, когда ехали к городу. Люди погибли от шока, не физиологического, а ментального. Раньше с таким явлением сталкивались скорее как с исключением, почему теперь убийственный шок охватил половину горожан? Можно ли это объяснить привычкой к искусственной среде? Дескать, выдержали из нее, и все отнялось. Роб считает, что этой причины недостаточно. Он предложил второе объяснение: «функциональная узколобость», то есть неспособность человека мыслить и действовать вне рамок, к которым он адаптировался, в которые его запихнула эта самая среда. Роб объяснил, что главным способом преодоления этой узколобости служили разнообразные хобби, но в последнюю пару десятилетий их активные разновидности потихоньку сошли на нет, вышли из моды. Он считает, что общество загнало себя в нечто вроде эволюционного тупика. Ранее тоже случались тупики, такие как тоталитаризм или фундаменталистская теократия, но они не охватывали весь мир, и потому их лобовые стены оказались непрочными и рухнули. А сейчас тупик оказался уютным и потому глобальным. Нам ведь всем хотелось беспроблемной комфортабельной и безопасной жизни. Мы не сразу поняли, что за нее придется чем-то пожертвовать, и пожертвовали самым важным в себе. Если называть вещи своими именами: мы ради собственного спокойствия совершили самокастрацию. Вот и поплатились гибелью цивилизации из-за сущей ерунды.

Роб сказал, что пока хватит топтаться по костям мертвого мира, и пообещал вернуться к итогам года, но уже с прицелом в будущее. На этом он передал слово Акселю. Аксель предложил помянуть рухнувшую цивилизацию хорошим реквиемом. И врубил этот самый реквием на полчаса. Но какой это, к черту, реквием!? Никакой тоски и скорби — могучая музыка с хоровым вокалом; реквием, способный поднять мертвецов, вместо того, чтобы оплакать их. Такая музыка хватает за шкуру и тащит вверх. И я, как всегда, забыл имя. Спросил Катю, знает ли она этого композитора. «Эх, папа, — сказала Катя, — да кто ж его не знает?! Стыдись!»

25 января. Уже скоро. Все нервничаем. Самый сложный вопрос: кто будет принимать роды у Маши. Решили, что Крис: он не родственник, обладает стальными нервами и золотыми руками. Руководить процессом будет сама Маша.

5 февраля. Алена родила девочку! Все здоровы. Нас уже 10.

12 февраля. И Катя родила девочку! И снова все здоровы. Племя растет. А я нервничаю.

17 февраля. Мальчик! У Маши открылось сильное кровотечение, но она заранее заготовила все необходимое, сказала Крису, что надо делать, он сделал. Обошлось. Теперь можно с чистой совестью откупорить неприкосновенный запас. Игорь сообщил нескольким радистам, включая Чака Дармера с «Радио Нью-Йорка».

18 февраля. Роб Прист преподнес мировой аудитории наше пополнение как общечеловеческий праздник. Дело вот в чем. Оказывается, за прошедший год в отсутствие медобслуживания появилась угрожающая проблема: мало зачатий и много выкидышей. В некоторых общинах, в том числе и у них в Вермонте, родились здоровые дети, но слишком мало. Мало, чтобы обеспечить стабильный рост численности. Если эту проблему не удастся преодолеть, то наш род обречен на постепенное угасание, даже если больше не будет эпидемий. А тут сразу три здоровых ребенка у всех трех женщин общины, и никаких проблем! Вот она, надежда. Да еще, дескать, у них, то есть у нас, есть две девочки-негритянки в запасе — отличный аутбридинг. Наше маленькое племя, по словам Роба, возможно, самое перспективное. «Берегите себя изо всех сил!» — это он прямо к нам обратился. После чего передал слово Акселю.

Аксель напомнил легенду о птице Феникс. Оказывается, она сжигает себя и возрождается не просто так, а перед лицом старости — чтобы сгореть и возродиться из пепла молодой, и тем самым птица добилась вечной жизни. Я к своему стыду не знал этих подробностей. Так вот, говорит Аксель, человечество состарилось и сгорело. Можно сказать, сожгло себя своими руками, грубо поправ правила противопожарной безопасности. И оно обязательно возродится! Пепелинки Феникса раскиданы по всей Земле, и обязательно хотя бы одна из них прорастет и разовьется в молодое человечество. Аксель на сей раз предложил послушать инструментальную композицию «Феникс», написанную всего три года назад.

Эту музыку написал друг Акселя, а сам Аксель играет здесь на старинной гитаре. Мне понравилась эта музыка, хотя воспринималась она сложнее, чем старые вещи, звучащие по «Радио Нью-Йорка». В ней звучали прихотливые переплетения грусти и надежды, а в завершение повисал вопрос: а что потом, неужели опять?! Надо же, на сей раз я запомнил имя композитора: Марек Сихора.

15 марта. Маша тащит на себе весь детский сектор — пять плачущих и смеющихся душ. Игорь со Стивом ловят бродячий скот. Есть бык и еще одна корова! Есть четыре овцы и два барана! Куриц с петухами уже десятка три. А вот двух важных вещей нет: собак и лошадей. Видимо все они убыли на север вместе с населением. Что нам стоило захватить нескольких собак?!

Я, как мне и положено по прошлой профессии, исследую окрестности. Поднялся на вершину Киньети. Высота не ахти какая, подъем всего два километра — мы на тысяче, вершина на трех, но кое-где серьезные заросли! Эти жалкие два километра перепада поднимался с ночевкой два дня. Зато панорама великолепна, особенно вид на восток, где стоят соседние горы почти такой же высоты. А самое по-

трясающее — лес. Гигантские хвойные деревья — на память приходит американская секвойя, разве что эти пониже и не десять, а четыре обхвата, но все равно впечатляет. А наверху, в поясе тумана, еще и мох на ветках, этот лес — самое место для леших и иже с ними, жаль, что не водятся они в Африке. Равнина к северо-западу от гор довольно скучна: плоская саванна, переходящая в болото. Думаю, прогуляться со Стивом до Нила. Он насел на меня и не отпустит, пока не сходим. Поход займет несколько дней в оба конца.

17 марта. Выяснил, что за чудесные деревья растут в горах. Это подокарпус, действительно, хвойник. Раньше я даже не слышал о таком дереве, все-таки географ, а не ботаник. А бороды, скорее всего, не мхи, а лишайники. Впрочем, какая разница?!

20 апреля. Крис учит племя добывать огонь и делать каменные инструменты. Пригодится еще не скоро, но неминуемо. Мы с Крисом и Игорем построили клуб — нечто вроде кают-компаний племени. До сих пор мы собирались вместе просто на поляне. Дети растут. Ола и Умо уже баюкают младенцев. Роб Прист сообщил, что в их общине родился мальчик. Мы передали свои поздравления.

15 июня. Работы невпроворот, но она вся радостная. Строимся, обустройстваемся, учимся, сеем, сажаем, пасем. Все крепче укореняемся. Писать нет времени и особой охоты.

10 августа. Алена опять беременна. Вот молодец!

15 сентября. Катя связала первый детский свитерок из шерсти наших овец. Лиха беда начало. Крис ради интереса сделал нож из обсидиана для стрижки овец — внукам такие ножи явно понадобятся; обещает сделать ткацкий станок — тут есть волокнистая растительность не хуже льна.

10 ноября. Зарядили дожди и грозы. Так хорошо сидеть вечерами в клубе всем вместе, когда по крыше барабанит крупный дождь! Маша со всем выводком тут же. Надежда человечества ползает под столом в тройном экземпляре.

31 декабря. Якобы тисс, а на самом деле подокарпус, принесенный год назад, вроде прижился, хотя совсем не вырос за год. Слегка нарядили. Сегодня тепло и сухо, будем опять петь до глубокой ночи у костра. Петь никто, кроме Маши, не научился, зато Игорь освоил игру на полотне двуручной пилы, а Крис выдолбил себе деревянный барабан — с чувством ритма у него все в порядке.

1 января 2229 года. Посмотрел записи за последние месяцы. Сплошная текучка. Ничего интересного, что, пожалуй, хорошо — осваиваемся планомерно и без приключений.

15 января. Вторая годовщина. Роб опять подводил итоги. Они с товарищами опросили всех радистов, включая нас. Ясная и конкретная анкета: сколько у вас людей, сколько умерло, сколько родилось, есть ли еще знакомые «молчащие» общины. Получилось вот что: в мире минимум триста изолированных поселений, общая численность — минимум пятьдесят тысяч. Это только то, о чем знают радисты. Скорее всего, в таких поселениях спаслись сотни тысяч, может быть, миллион — они неплохо защищены от инфекций, поскольку внешние контакты у поселенцев сведены к минимуму. Умерло около восьмисот человек из примерно двадцати тысяч тех, что непосредственно в поле зрения радистов, — один из двадцати пяти за два года. Неплохо для постапокалипсиса. Правда, это из той горстки, что сумели спастись, — из самых крепких. Так что не очень-то это и хорошо. Родилось всего около двухсот детей, в четыре раза меньше, чем умерло, — это рано называть демографической катастрофой: мало какая женщина решится завести ребенка в такое время. Пустим корни — будет больше детей, главное, родились, хоть и всего один на сотню. Есть еще и не столь защищенная часть людей, объединенная остатками государственной власти. Это Израиль — единственная общность, которую все еще можно называть страной. По словам Роба, Израиль несет большие потери из-за инфекций, но смертность постепенно падает. Есть надежда, что страна в каком-то виде выживет.

27 января. Опробовал новую крепкую обувь. Кроссовки уже ни к черту. Научились дубить кожу и шить отличные сандалии — подошва из трех слоев дубленой бычьей кожи, сыромятный верх, прошивка сухожилиями. Поскольку Криса на все не хватает, пришлось нам с Игорем освоить скорняцкое и сапожное ремесло.

15 февраля. Наконец, сходили со Стивом на Нил. Кстати, в новых сандалиях. По дороге — обычная саванна, с редкими заброшенными фермами и полями. Идти легко — везде остались проселки, они лишь слегка заросли травой. Лет через пять пройти здесь будет труднее. Диких животных мало — видели только семью бородавочников, видимо, звери еще не заместили в этих краях исчезнувших

людей со своим скотом. Впрочем, бродячий скот еще попадает. Нил хорош! Мощный, с отличными порогами. Куда там нашей Ву-оксе по которой мы, пойдя на злостное нарушение, скакали на ка-ях! Ох, жалко нет у нас надувного катамарана! Интересно, что Нил здесь прямой, как канал, — течет по разлому. А за ним такой же прямой кряж — типичный тектонический сброс. Обернулись туда-сюда за шесть дней.

10 марта. Ура, мальчик! Алена прекрасно себя чувствует. Нас уже тринадцать. Ола и Умо уже вовсю помогают Маше нянчить младенцев — убаюкивают, играют с ними, учат ходить.

10 июля. Появился новый радист из Китая. У них поселение на краю Внутренней Монголии в долине реки Шар-Мерен меж отрогов хребта Большой Хинган. Там и раньше было безлюдно, а в прошлом году жители ушли из обесточенных селений на восток «к людям на Большую землю». Поселенцы же, наоборот, пришли с востока, спасаясь из городов. Добрались кто на чем, в основном на двухколесном транспорте, пробираясь по автострадам между мертвых машин, по каменистыми проселкам, по бездорожью. Повстречали друг друга в пути, объединились, основали поселение у выхода горной долины на равнину. Поселенцам удалось убежать от эпидемий и пережить зиму у костров в шалашах из елового лапника, присыпанного снегом. За лето отрыли землянки, поставили срубы. Двадцать семей, около 70 человек. Собрали по округе брошенный скот, следующую зиму пережили хорошо, а вторым летом решили устроить экспедицию «на Большую землю». Среди членов экспедиции был радиоинженер, его целью были старинные радиодетали, и он знал, где их искать. Экспедиция вернулась глубоко удрученной, но с радиодетальями. И радиоинженер спаял окно в мир — и приемник, и передатчик.

— Кана, Лема, вы слушаете? — прервал чтение Сэнк. — Ведь это явно ваши предки!

— Слушаю, — ответила Кана. — Почему ты считаешь, что именно они?

— Место! Большой Хинган, Внутренняя Монголия. Это теперь называется Верданский хребет, Степной бассейн. Ведь именно там

и нашли ваше племя. Сейчас гляну по справочнику про реку. Кола, повтори, как звучит ее древнее название?

— Шар Мерен.

— Сейчас. Ну да, это Андрома. Ваше племя живет в ее долине, оно до сих пор там. Ну не может быть, что в долине Андромы у ее выхода в Степной Бассейн поселились и выжили две независимые общины! Спасибо Олегу Смирнову, мы нашли ваших предков!

— Здорово! Значит, одним из наших далеких предков был китайский радиоинженер, спаявший окно в мир. Лема, у нас есть еще один предмет для гордости!

— Еще одна большая удача. Я ведь предчувствовал, что наш вояж в Африку станет сплошным триумфом, хоть никому и не говорил.

— Сэнк, вспомни, как ты осаживал Сtima двадцать лет назад и осадись немного, — сказала Мана. — Кола, продолжай, очень интересно.

— Продолжаю, это все та же запись от 10 июля 2229 года.

Эту историю передал Роб Прист. «Радио Нью-Йорка» постепенно становится главным мировым «информационным агентством». Спасибо Чаку Дармеру и Паоло Копти, которые днем и ночью работают на прием — прослушивают все сообщество радистов и вылавливают самое интересное. Аксель на сей раз поставил нечто восточно-азиатское. Красиво, но за душу не берет.

13 сентября. Мы никогда особо не отмечали дни рождения. На днях Алена посетовала на недостаток праздников. Дескать, эпоха выживания кончилась, наше племя почти процветает, а празднуем лишь Новый год, и то без огонька. Я предложил праздновать еще и дни рождения, но только три раза в год, иначе надоест. Никто не знает дат рождения Умо и Олы, но точно известно, когда мы их нашли: 13 сентября — считайте, второе рождение. А у меня — 15 сентября. У Игоря — 9 сентября. Давайте назначим 13 сентября первым коллективным днем рождения. Следующий кластер — малыши: 5 февраля — Ната, 12 февраля — Таня, 17 февраля — Тим. К ним примыкают Маша — 20 февраля и Стив — 2 февраля. Возьмем медиану 12 февраля. Остались: младенец Гоша — 10 марта, сама

Алена — 8 июля, Крис — 5 августа и Катя — 7 декабря. Я предложил приписать их всех к 8 июля, поскольку Алена выдвинула идею. Катя скривила губы. Нашли компромисс: совместить ее день рождения с Новым годом. Пусть праздники будут реже, но с огоньком. И вот сегодня мы первый раз устроили новый праздник. Мы четвером залезли в пруд, набрали воздуха, взяли по камню и погрузились на дно. Потом по очереди выныривали — сначала Игорь, потом девочки, потом я, усидев под водой минуту. Каждого, вынырнувшего на свет, встречали криками и барабанным боем. Потом Крис подарил каждому по неолитическому инструменту собственного изготовления: Игорю — обсидиановый кинжал с костяной рукояткой, девочкам — по деревянному гребню, мне — отшлифованный гранитный коврик для мыши. Жаль, что у нас пока все праздники безалкогольные — виноград, районированный для восточной Экваториальной Африки, взошел, пошел в рост, но еще не плодоносит.

15 января 2230 года. Три года. Роб Прист выступил с очередным годовым обзором. Результаты переключки: замолчали три радиста из 190. Еще пятеро умерли, но их заменили товарищи. Население мира продолжает уменьшаться. Если исходить из данных радистов, бо́льшая часть по-прежнему живет в Израиле — не меньше трех миллионов человек. Теперь они называют себя Союзом Израильских поселений. Статистика по всем израильским поселениям недоступна, в поселениях, где есть радисты, смертность 1 из 40 за год (вспышки эпидемий продолжаются, но ослабевают), рождаемость меньше одного ребенка на двести человек. В поселениях, разбросанных по миру, статистика получше: немного снизилась смертность (один из 55 за год) и чуть-чуть увеличилась рождаемость — один ребенок на 150 человек за год. Лучшая демография в рассеянных общинах объясняется просто: они хорошо изолированы от эпидемий и прошли отбор — в новые поселения ушли люди, наиболее крепкие как физически, так и морально. У них в Вермонтской общине умерли два человека из ста двадцати и родились два ребенка, что вселяет очень-очень осторожный оптимизм.

8 июля 2230 года. Отметили день рождения Алены и иже с ней. Отметили хорошо, но, если честно, наше племя в депрессии. Особенно Катя. И не только она — Игорь постоянно брюзжит, Маша улыбается через силу, мы с Крисом держимся нормально, но время

от времени застываем и отключаемся в разных невеселых мыслях. Даже Стив немного погас. Только Алена и дети счастливы. Я думаю, у нас реакция на облегчение от повседневных забот. Мы выжили, мы наладили быт, у нас никаких проблем с пропитанием, и появилось время на хандру. Опять всплывает проклятое «никогда». Никогда не пройтись по людным городским улицам, никогда не доложить работу на семинаре, никогда не посидеть в ресторане, никогда то, никогда се. И осознание великой миссии не помогает. Чуть муторно от этого «никогда» — муторно нам, семерым старшим. Слава богу, почти половина племени застрахована от подобной ностальгии. А вскоре мы всемером превратимся в незначительное меньшинство. Кстати, надо уговорить Катю родить еще ребенка — ей сразу полегчает. Думаю заняться наукой — попробую повозиться с эволюцией климата, куда она пойдет после коллапса цивилизации. Запас данных есть, хорошая численная модель в компьютере есть. Подобных работ нет именно в результате коллапса. И кто же знал заранее? И вообще, живы ли те другие несколько человек, которые могли бы на должном уровне поработать с этой задачей? Результаты сообщу миру с помощью друзей из «Радио Нью-Йорка». Они молодцы, помогают не впасть в уныние.

— Кола, стой,— прервал чтение Сэнк.— Молодец, я бы на месте Олега попытался сделать то же самое, несмотря на то, что мой конек — лед, а не глобальный климат. Интересно, предскажет он похолодание вплоть до оледенения Северной Европы и Канады? Продолжай!

2 апреля 2231 года. Собрали первый урожай винограда. Он здесь созревает в марте-апреле — то есть живет по Южному полушарию, хотя мы немного в Северном. Видимо, так он приспособился к влажному и сухому сезонам. Сейчас начался сухой. Будет нам наконец-то нормальный алкоголь. Будем пить хорошее вино с чистой совестью в отсутствие занудных блюстителей трезвого образа жизни. Катя, слава богу, беременна.

20 мая 2231 года. По поводу климата получается интересно. Выбросы антропогенного углекислого газа упали до нуля, но еще как минимум пятьдесят лет будет теплеть. А дальше — развилка: либо резко падает океанская меридиональная циркуляция, и Северное полушарие быстро, лет за двести, замерзает вплоть до стремительного роста ледниковых щитов, либо климат плавно выравнивается, медленно холодает, и через пару тысяч лет наступает обычный ледниковый период в согласии с обычными циклами Миланковича. Грань между этими двумя сценариями совсем узкая — стоит немного пошевелить начальными условиями — и модель сваливается то туда, то сюда. В любом случае — оледенение, но то ли через пару сотен, то ли через пару-тройку тысяч лет.

11 сентября 2231 года. У Кати мальчик, все штатно. Сентябрьских прибавилось. Послезавтра — усиленный праздник.

15 января 2232 года. Пятилетняя годовщина. Вчера сообщил Робу, что у меня появилась ясность: будет быстрое похолодание. Сегодня он как обычно выступил с ежегодным обзором демографии. Ничего существенно нового: в Израиле живет бо́льшая часть известного населения, но хуже с рождаемостью и смертностью, в рассеянных поселениях смертность стабилизировалась, рождаемость чуть выросла, но остается ниже смертности. А остальную часть годового обзора Роб посвятил моему прогнозу. Я попросил Игоря записать передачу, вот расшифровка: *«А теперь прогноз погоды на триста лет вперед. Назавтра он у всех разный, на неделю вперед — непредсказуемый, а на триста лет — более-менее определенный. Профессор Олег Смирнов из Санкт-Петербурга, ныне вождь маленького восточноафриканского племени с великолепной демографией, сообщает следующее. Еще примерно пятьдесят лет глобальный климат будет теплеть и огрызаться всякими катаклизмами. Затем наш любимый Гольфстрим накроется медным тазом — его потопит пресная вода растаявших гренландских ледников. А север Европы и Канады завалит снегом, отчего они побелеют и перестанут поглощать солнечное тепло. И мы тут, в Вермонте, и наши друзья в Приозерске, и в Умео, и в Джексон-Бей, и, в особенности, на Аляске начнем мерзнуть. То есть не мы, а наши праправнуки лет через двести. Поэтому надо высечь для них скрижали: «Утепляйтесь или валите на юг». Тем, кто уже на юге, можно не волноваться — климат почти не изменит-*

ся — где-то чуть-чуть подсохнет, где-то немного намокнет. Этот прогноз не вилами на воде писан: Олег Смирнов — известный ученый, знающий повадки климата и детали круговорота веществ и энергии как свои пять пальцев. И главный призыв: не волнуйтесь заранее, давайте решать проблемы по мере их поступления».

1 января 2233 года. Что-то я забросил свой дневник. Плохо мне даются долгие методичные дела. Впрочем, ничего экстраординарного за год не произошло. Половина племени растет на глазах. Умо с Олой делают вполне ощутимую работу — вдвоем они вполне заменяют одного трудолюбивого взрослого, хотя им, скорее всего, нет и одиннадцати. Девочки на редкость смысленные — по интеллекту каждая из них перешибет среднего взрослого жителя доапокалиптического мира. Маша полностью доверяет им присмотр за младшим поколением. Следующей порции детей почти пять лет, а Гоше скоро четыре. И Катин Миша уже бегают, спотыкаясь. Как же летит время! Первый год был удивительно долгим, а следующие — все короче и короче. В этом году будет большой урожай винограда. Мы с Крисом и Стивом священнодействуем — делаем кувшин на полтора куба, попробуем грузинскую технологию. Для него соорудили специальный гончарный круг. Через пару дней обжигаем. Потом зароем в землю по горло, просто набьем виноградными кистями — и пусть себе бродит. Потом закупорим на полгода.

20 ноября 2233 года. У Алены, как и заказывали, девочка! Нас уже пятнадцать. Почему у нас все в порядке с воспроизводством при том, что для других общин оно — суровая проблема? Мы успели ускользнуть от какой-то инфекции, накрывшей остальных? Мы жили до катастрофы иначе, чем большинство? У нас особый психологический микроклимат? Сегодня мы довольно долго говорили об этом с Машей, потом обсудили за большим столом. Непонятно. Казалось бы, надо просто радоваться, но на душе кошки скребут. Не придется ли чем-то расплачиваться за это неизвестно откуда взявшееся преимущество? Или просто таково дурацкое свойство нашей психики — побаивается непонятого, даже если последнее на руку. Впрочем, Алена говорит, что лет двести назад наш бэби-бум в какой-нибудь мусульманской стране выглядел бы весьма бледно.

15 января 2234 года. Семь лет. Роб с очередным обзором. Огоньки гаснут. Осталось 165 радистов, регулярно выходящих в эфир. Убыль не значит, что они умерли — обычно умерших заменяют друзья. В большинстве случаев происходят поломки. Чаще всего — необратимые поломки источников электропитания. Иногда успевают предупредить: «Наш ветряк дышит на ладан», — и т.п. Что касается демографии: Вермонтская община наконец-то вышла на константу. Удержится ли? В Нью-Йорке выпал снег. Передали снимки: заснеженные деревья; улицы в девственном снегу, лишь кое-где по нему потоптались собаки; сами собаки, чистые и пушистые; кабаны в заросшем парке; лось, на которого секунду назад упала туча снега с веток, задетых рогами. И звенящая чистая зимняя музыка, подобранная Акселем.

15 октября 2234 года. Откупорили кувшин, попробовали прошлогоднее вино. Никакой утонченности — тяжелое и терпкое, но сильное и здоровое — потребное организму. Изумительный золотистый цвет. Первый блин — не комом. В этом году урожай был плохим, в следующем, наверное, будет хорошим. Делаем второй кувшин на полтора куба.

10 марта 2235 года. Организм требует физической нагрузки для души. Иначе говоря, немеркантильной созидательной деятельности. Мы со Стивом занялись прокладкой Сказочной тропы — пешего маршрута вверх по реке в горы. Километрах в двух выше по течению начинается ощутимый подъем — река превращается в бурный

горный поток, долина сужается в ущелье. Мы с лопатами, киркой и топором прокладываем в день метров по сто-двести удобной тропы — отрываем полку вдоль склона, прорубаемся сквозь заросли, перекидываем бревна через поток, выкладываем насыпи из булыжников. Ущелье все уже, река все пенистей и яростней.

24 марта. Пробили тропу до сплошного леса — акации, альбиции и какая-то разновидность оливы. К нам со Стивом присоединился Игорь, и мы перестали возвращаться домой на ночлег — по хозяйству у нас большой задел, Криса вполне достаточно для покрытия потребности в мужской силе, в смысле, по хозяйству. Мы уже примерно на двух тысячах высоты, наша дорога вошла в могучий подокарпусовый лес и стала по-настоящему сказочной.

28 марта. Отрядили Стива в лагерь вместо SMS, сообщить, что все в порядке, заодно за едой. Вчера пробили дорогу к водопаду. Это сказка в квадрате: обрыв метров двадцать, река вертикально падает с него в кристально прозрачное озеро с каменным шлифованным дном — огромный бассейн с играющими в воде бликами от солнечных лучей, пробивающихся сквозь кроны. Вода прохладная — как раз то, что надо после долгого подъема. Здесь надо будет поставить избушку на курьих ножках и расчистить заросли — будет удаленный детский лагерь. Детское счастье обитает в подобных уголках — настоящее счастье, а не бутафорское диснейлендовское. Жаль, что его всегда не хватает на всех, а то бы и история могла пойти иначе.

3 апреля. Прорубились через завалы стволов. Старые деревья падали вниз по склону, перегородив узкое ущелье. А у нас — бензопила! Получилось отлично: вокруг чудовищный бурелом, а сквозь него идет удобная тропа — где сквозь пропилы, где под высокими бревнами, где мимо огромных вывороченных корней. Выше начался туманный бородатый лес — полный восторг. За ним при выходе на высокогорный луг — заросли мелкого бамбука, который пришлось рубить и корчевать. Наконец, проложили тропу до гребня, где можно гулять без всяких троп по каменисто-лишайниковой пустоши, поросшей кустами горного вереска. Отсюда уже недалеко до вершины. Пока что возвращаемся домой. Жаль, что не взял хороший фотоаппарат, все же снял маршрут на телефон, взятый ради карты, покажу детям.

5 апреля. Дети требуют идти немедленно. Почему бы и нет, но кто останется на хозяйстве? Катя готова остаться — все эти сказочные тропы ее не возбуждают. Крис необходим для строительства избушки. Уговорили остаться Игоря, они вдвоем справятся.

12 апреля. Вернулись. Я сломал лодыжку на спуске. Тащил на плечах увесистого Мишу, поскользнулся на мокрой глине, нога попала в промоину, меня развернуло... Доковылял до пологого спуска и сел. Дальше меня тащил Крис на закорках. Сейчас лежу ногой вверх, Маша наложила шину. Но лодыжка — мелочь, а в остальном: счастье — полное, тропа — сказочная, избушка — волшебная, Крис — мастер, водопад — потрясающий, дедушка с бабушкой — любимые.

20 января 2236 года. Племя живет в ста с небольшим километрах от Нила, и никто, кроме нас со Стивом, его не видел. Молодежь ноет и требует. Сходить пешком? А не использовать ли наш драгоценный ресурс — джип? Можно не трогать неприкосновенный запас солярки и не теребить драгоценные солнечные панели — одного заряда хватит на путь в оба конца. Ведь и джипу надо как следует размять члены. А то гоняем его всего по 15 минут раз в квартал. Хотят все, и даже Катя. Что ж, овец — в загон, коров — на лужайку на привязь, птиц — на свободу, никуда не денутся от заготовленного корма. Обернемся за день.

23 января 2236 года. Вчера съездили на Нил, глядели, как завоженные. Тим с Гошей требуют построить плот и покататься по порогам.

15 января 2237 года. Десятилетняя годовщина. Роб Прист сделал грустное заявление: он вещает в последний раз. Проблемы с сердцем — он еле поднялся на эти четыреста метров. Раз уж вполз, будет вести передачи еще дней десять, а потом удалится на покой в свой Вермонт и будет любоваться зеленью и облаками из кресла-качалки. Вместо него обзоры будет делать Чак Дармер. А в целом — обычная картина: осталось 155 радистов, в Вермонте численность общины держится на константе, в Израиле происходит медленная депопуляция, в большинстве поселений — тоже, наше племя остается исключением. В Нью-Йорке моросящий дождь и зеленая трава — на тротуарах, по краям проезжей части улиц, на карнизах, на капотах машин перед ветровыми стеклами — везде, куда ветер заметает пыль и семена. Газоны Центрального парка превратились

в молодые пролески; пруды зарастают; собаки Нью-Йорка, мощные и хорошо организованные, успешно держат оборону от пришедших волков, впрочем, они приняли двух одиноких волчиц, что заметил и снял Митч Багельман.

8 декабря 2237 года. У Алены четвертый ребенок, мальчик. Нас шестнадцать.

7 июня 2238 года. В племени стремительно развивается извечная драма — любовный треугольник. Умо и Ола соперничают из-за Стива. От сестринской благостности не осталось и следа. Судя по заплаканному лицу Олы, кажется, Умо побеждает. Маша укоряет меня, что я посмеиваюсь над детской трагедией, говорит: вспомни себя. Ну да, вспомнил — тоже пережил нечто вроде трагедии, когда, слава богу, проиграл соперничество. Тоже посмеиваюсь над собой тогдашним и с ужасом представляю, что было бы, если...

15 августа 2238 года. Стив женился на Умо. В качестве свадебной процедуры сходили с ними по Сказочной тропе и велели минутку стоять вдвоем под водопадом. Ола, мрачнее тучи, осталась пасти кур. Брачную церемонию под водопадом изобрел я, чем горжусь. Здесь сразу несколько смыслов: холодный душ, испытание (струя мощная и пульсирующая), взаимоподдержка: выстоять в одиночку очень трудно.

1 февраля 2239 года. Умо беременна. Наконец родится первый ребенок племени, не являющийся нашим с Машей прямым потомком.

25 марта 2239 года. Ола тоже беременна. Никто не спрашивает от кого, потому что и так ясно. У Стива на лице следы претензий. Однако, наверное, оно и к лучшему. Полигамию в племени учредить не будем — пустим дело на самотек.

20 октября 2239 года. Аксель подсадил меня на Баха (запомнил-таки имя, благо короткое). Оказывается, у Алены в ее захламенном электронном архиве есть Бах. Надеваю наушники и слушаю звездными ночами рокот Вселенной.

20 сентября 2240 года. Опять забросил дневник. За истекшее время Умо родила девочку, Ола — мальчика. Ола души не чает в ребенке, страдания улетели, словно пушинки на ветру, и забылись. Маюсь зубами. Тут уж ничего не сделаешь — Маша может помочь

только обезболивающим. Зубы — проклятие нового неолита. А как обстояло дело с зубами в старом неолите?

16 марта 2241 года. Умер Роб Прист. Об этом сообщил Чак. Роб уже четыре года не появлялся в эфире, но регулярно передавал свои приветы и напутствия из своего кресла-качалки среди зелени под вермонтскими кучевыми облаками. Эти приветы грели душу, а его бывшие выступления вправляли мозги всему радиофицированному миру. На «Радио Нью-Йорка» остались отличные парни, но так, как Роб, они не умеют. А может быть, мне попытаться сказать людям что-то теплое и полезное? Мне ведь есть, что сказать. Записать обращение и перекинуть его Чаку — пускай дадут в эфир, если сочтут нужным. А сейчас надо сказать пару слов про Роба, пусть Игорь запишет и перекинет.

15 января 2242 года. Чак пустил в эфир мою речь, приуроченную к пятнадцатой годовщине. Я сказал, что наше сидение по углам обязательно кончится — может быть, через три, а может быть, и через тридцать поколений. Скорее через тридцать, но для нас это не имеет значения, поскольку мы все равно не доживем. Имеет значение то, что потомки когда-нибудь вылезут из углов и объединятся — когда и как, полностью зависит от нас, ныне живущих. Сейчас, пока наш иммунитет ни к черту из-за двух веков комфортной бездарной жизни, мы должны сидеть, не высываясь, иначе переражаем друг друга — обмениваться инфекциями легко, антителами — нет. Но за несколько поколений жизни в естественных условиях иммунитет восстановится, поверьте! Поэтому давайте работать на будущие поколения, давайте развиваться, насколько позволяют условия, давайте изо всех сил беречь наши радиостанции и источники энергии — нам ведь важно ощущать, что мы не одни в этом мире. Ну и так далее — я попытался воодушевить людей, а если где-то приукрасил перспективы, меня простят.

10 ноября 2242 года. Тим и Ола прямо светятся, глядя друг на друга, ходят, взявшись за руки. Ему четырнадцать, ей двадцать с прицепом. Любой среднестатистический доапокалиптический родитель пришел бы в ужас, а мы с Машей любимся. Тим, кстати, уже вымахал на полголовы выше Олы.

12 декабря 2242 года. В прошлом мире Ола села бы в тюрьму за соращение несовершеннолетнего. А здесь строгий вождь требует

соблюдения свадебной процедуры — отправились к водопаду, Ола с Тимом выстояли минуту под тяжелой струей. Только бы он не бросил ее через десять-двадцать лет! Пусть Тим почаще вспоминает стояние в обнимку под ударами холодной воды, как держал и прикрывал ее.

31 декабря 2243 года. За истекший год нашего племени еще прибыло — у Олы девочка, на сей раз — наша золотисто-коричневатая внучка. Да, сплошное «Авраам родил Исаака, Исаак родил Якова» в моем дневнике — боюсь, эта тема будет скучна для будущего читателя. Но мне важно всех записать с датами, потом сфотографируем дневник и запечатаем родословную племени на каком-нибудь твердом носителе типа песчаника или керамики. Иначе за пару-тройку поколений забудется, кто кого и когда родил. Не знаю, какой толк в генеалогической памяти, но уверен, что он есть. Что до меня, патриарха, то я лишился еще двух зубов. Выгляжу стариком, хотя сил еще полно. Надо бы сбросить несколько килограммов. Завтра идем по Сказочной тропе выше водопада — на горные луга. Понесу на плечах одного из трехлетних.

15 января 2245 года. Чак выступил с обзором. За год прибавилось три радиста. Именно прибавилось — было 147, стало 150, точнее, радиоточки восстановились! В одной из общин починили ветряк, в другой починили передатчик, в третьей разобрались, как работать с передатчиком, хозяин которого умер три года назад. Ремонт держится на демографическом плато. Во Внутренней Монголии рождаемость впервые превысила смертность. На Аляске поселенцы приняли оставшихся в живых с авиабазы — у тех кончилась солярка и запасы еды. Еще летом для них и с их помощью построили здоровенный сруб. В Израиле, наконец, исчезли лагеря беженцев — разбились на общины и перешли на натуральное хозяйство на опустевшей земле.

20 октября 2245 года. Мы с Крисом и Машей устроили тайный совет старейшин. Тайный просто потому, что и втроем ничего не понимаем, а всемером непонимание будет еще чудовищней: две-три головы лучше, чем одна, но никак не семь. Речь шла вот о чем. Натуральное хозяйство небольшого племени легко вести на уровне неолита — приличная одежда, скот, посевы, керамика, хорошие инструменты. Но где гарантия, что потомки не провалят-

ся ниже — в палеолит. В истории тому полно примеров. Например, предки племен андаманцев приплыли на острова, преодолев по морю сотни километров, а потомки очутились в глубоком палеолите, в каком состоянии их и обнаружили в девятнадцатом веке. То же самое произошло с тасманийцами. Вопрос: уверены ли мы, что такого не случится с нашим потомками? Конечно, нет. Перебрали возможные основополагающие мероприятия для удержания в неолите: религия труда, священные скрижали, институт жрецов. Крис — за религию труда, мы с Машей — за жрецов. А не подготовить ли нам Стива в жрецы? Правда, по запасу знаний он и самого угодно подготовит, тут главное — ответственность и преемничество. Как глупо наши идеи выглядят сейчас, а поколений через пять могут оказаться вполне насущными.

13 октября 2246 года. Умо родила мальчика. На самом деле, это третий ее ребенок, второго я упустил — он родился в 2243 году. Рождение детей в племени стало настолько рядовым событием, что забываю записать, хорошо, что вспомнил. Пора высекать на камне. Намечается еще одна пара — Гоша и Таня. Кузины, но что поделаешь? Бутылочное горлышко! Кстати, правнуков у нас с Машей еще не было. Скоро двадцатилетие, надо что-то сказать людям. Что-то совсем простое.

15 января 2247 года. Двадцать лет. Чак прокрутил мое обращение. Я сказал, что демография, число зачатий и рождений зависит не столько от здравоохранения, сколько от счастья. Мы потеряли цивилизацию и спустились в неолит. Нам пришлось бежать, спасаться, работать в поте лица. Значит ли это, что мы бежали от счастья, что растеряли его в лишениях и тяжелом труде первых лет? Да нет, конечно, вот оно — внутри нас, почти в каждом — большое или маленькое. Только не надо держать его взаперти, пусть оно сочится из нас наружу и заражает окружающих. В нашем племени самый злостный распространитель такой «инфекции» — Алена. Послушайте ее песню, пропитанную счастьем, — это тот редкий случай, когда можно заразиться по коротким радиоволнам. Она поет на малознакомом языке, но какая разница — душа песни в звуках, а не в словах! (Чак прокрутил песню Алены, переданную через звуковой модем в цифровом виде, так я немного покусился на хлеб Акселя.) Я пожелал, чтобы эта песня принесла как можно

больше благополучных зачатий, и предложил посмотреть наши фотографии всем, у кого есть модемы. Чак показал наш свадебный водопад; озеро с солнечными бликами; Сказочную тропу; детвору в реке и нас, семерых выходцев из того мира, в разной степени потрепанных временем.

20 июля 2248 года. Первый звонок с той стороны бытия. Два часа не мог пошевелить правой рукой, не мог связать двух слов — нес какую-то ахинею. Потом прошло. Маша сначала ругалась почему свет, что залез в реку после тяжелой работы на жаре, потом обняла, заплакала и сказала, что меня пронесло в миллиметре от инсульта, что это была ишемическая атака в левом полушарии. Сказала, что если буду вытворять то же самое — стану либо овощем, либо сразу покойником. Сказала, что мне полезно нагружаться физически, но теперь обязательно двигаться медленно и плавно, избегать термических шоков и не пить больше пол-литра вина в день. Я возмутился, сторговались на 0,7. Кроме того, она подобрала мне какое-то растительное зелье против давления — жуткая гадость.

25 сентября 2248 года. Может быть, я протяну еще лет десять в здравом уме, а может быть, и нет. Мой дневник, как бы коряв он ни был, все-таки свидетельство, и немаловажное. Главное в нем уже написано, дальше будет не столь интересно: все в порядке, а с кем не все, так уже и пора, и для будущего человечества уже не важно. Поэтому пора заложить его в схрон для потомков. Но не для ближайших потомков! Не дай бог найдут и пустят тетрадь на растопку, ничего не поняв. Лучше, если его найдут люди будущей цивилизации, способные расшифровать наши языки. Я придумал вот что. Спрячем дневник в малоприметной скальной дыре и крупно высечем на скале инструкцию, как его найти. Племя говорит по-русски, пусть инструкция будет на другом языке, например на английском, наши внуки уже не будут его знать.

5 октября 2248 года. Внимательно изучили карты массива Киньети и пошли с Игорем искать место. Медленно и плавно, как предписано Машей, поднялись по Сказочной тропе до высокогорных лугов, прошли через вершину и на западном склоне нашли симпатичную скалу, похожую на зуб, причем со стороны, обращенной к склону, есть довольно большая трещина на уровне грунта. Сюда и заложим.

30 октября 2248 года. «Осень Нью-Йорка» — так называли сегодняшнюю передачу Чак Дармер и Аксель Бранденберг. Сначала они передали новые снимки Митча, затем долго комментировали их. Нью-Йорк захвачен красными кленами. Они выросли повсюду — из трещин в асфальте, на автостоянках, заполонили скверы, растут поверх бетона, в углах, куда ветер замел пыль и листву, даже на крышах. Их красное буйство сочетается с небесной синью уцелевших стеклянных стен небоскребов. Город погружается в чарующий лес. Конечно, он никогда не погрузится в него целиком — слишком высоко наворотили эти каменно-стеклянные джунгли. Скорее город и лес будут двигаться по вертикали навстречу друг другу: небоскребы — обрушиваться, деревья — карабкаться вверх по руинам. Аксель поставил музыку, сказал, что так и называется — «Времена года, осень», — только не всю композицию, а спокойную и самую сильную середину. И картинки с монитора будто ожили, будто воочию: пламенеющие клены ласково поглощают вавилон нашей цивилизации, укутывают его и убаюкивают на веки вечные.

5 февраля 2249 года. Много чего не записал. Еще одна свадьба под водопадом, первый правнук, еще два зуба, радикулит и прочая проза жизни, не представляющая интереса для потомков. Пора летопись заканчивать мою.

12 мая 2249 года. Крис придумал, как надежно сохранить дневник. От прошлого мира у нас осталось несколько бутылок. Он взял литровую, отрезал донышко с помощью раскаленной проволоки и холодной воды и запалял горлышко. Проверили — тетрадь в скрученном виде легко помещается. Сказал мне, чтобы я писал свое последнее слово, припаиваем донышко и идем. Еще он скрепя сердце пожертвовал один из своих ящичков для инструментов — небольшой, но крепкий, из нержавейки. В него положим бутылку. Еще он собирается пастеризовать тетрадь — хорошенько прогреть бутылку, когда она будет запаяна. С нами пойдут Игорь, Стив и Тим — там потребуется серьезная работа: высечь на скале инструкцию, видную издалека.

14 мая 2249 года. Что-то меня заклонило с последним словом. Напишу короткое предисловие — надо хотя бы представиться гипотетическому читателю. В начале тетради осталось немного места. А писать какие-то напутствия для читателя далекого будущего

просто глупо. Вот наша печальная история и отчаянная попытка выйти из нее живьем — вроде удачная. История печальная, а ее герои — вполне счастливые, поскольку человек может быть счастлив при совершенно разных обстоятельствах. Вот, собственно, и все.

— На этом действительно все, — сказала Кола.

Минуты две никто не произнес ни слова.

— Кажется, сошлись концы с концами, — нарушил молчание Стим.

— Не совсем, — возразил Сэнк. — И Олег, и другие свидетели того времени, тот же Василий Игнатьев, утверждают, что установилась высокотехнологичная цивилизация ленивых бездарей. Мы же здесь видим противоположное — вся команда, все семь человек, — нечто противоположное — целеустремленные трудяги. И соседи Криса по поселку, да и вообще Израиль никак не вписываются в эту формулу. А мужики с «Радио Нью-Йорка» — отдельная песня! И полковник Быков, поселенцы с Аляски и Степного бассейна, все радисты наконец!

— Папа, это же опять наблюдательная селекция, я же рассказывал. Ленивые бездарьки миллиардами остались «за кадром», ведь если бы Олег в ту пору оказался среди них, не было бы дневника. Радисты тоже оказались видны потому, что сумели сделать нечто, не входившее в реестр навыков их цивилизации. И с Израилем так же: из этого дневника мы ничего не знаем о судьбе других государств, потому что они быстро и тихо растворились, не оставив о себе вестей. А Израиль держался из-за двухвековой привычки держаться, правда, Алека? А Олег с командой попали именно в эту крепкую страну, потому что она стала им надежной промежуточной опорой для прыжка в Африку. Точнее, Олег оставил этот дневник именно потому, что в момент Большого Охряста оказался именно там. Наверняка были другие люди не хуже Олега, которым в тот момент не повезло попасть в Израиль, — они не оставили дневника. Таких людей, как Олег и иже с ним, было много — миллионы, но они не составляли критической массы.

— Ты все разумно объясняешь,— сказала Кола,— но твое объяснение разрушает очарование этой истории. Поэтому, я его не принимаю.

— Вот он, голос гуманитария! Кола, очарование тоже подчиняется элементарной статистике, хотя и выходит за ее рамки. Наблюдательная селекция ничего не разрушает, а только объясняет. Очарование — это вовсе не квантовое явление, оно не разрушается от информации о нем.

— Меня вот что еще зацепило,— вступил Инзор.— Помните метафору про Феникса, кажется, Аксель ее выдал в своей передаче. Сейчас наш Феникс румян и бодр после трагического омоложения. А как состарится? Все по новой?

— Все-таки цивилизация — не человек,— ответил Сэнк.— Она не обязана стариться. То, что произошло в XXII веке, скорее тупик, чем старение. Вопрос: как не угодить в очередной тупик? На этот счет у нас с Маной свои рецепты. Мой рецепт — разнообразие: разные цивилизации, существующие в одно время. Не надо доводить глобализацию до абсурда! Главное, не угодить в тупик всем глобумом. Рецепт Маны — нравственный закон внутри нас. А не запреты и предписания извне.

— И звездное небо над головой,— добавил Стим.

— Да, оно самое, как один из стимулов. Тут отсутствующий Крамб нас бы поддержал.

— Все так,— сказала Лема.— Но как избежать дороги в тупик, как противостоять? Олег вон пробовал взбунтоваться против ханжеских табу, и что? А нравственный закон не запихнешь в каждого.

— Не знаю,— ответил Сэнк.— Если речь о нас, то и бунтовать-то пока незачем. Слишком рано. А Олегу было уже поздно. Может быть, в нужный момент найдется следующая реинкарнация той команды, то есть уже третья, считая нас, которая что-то вытворит и подтолкнет махину на развилке.

— Сэнк, по-моему, это будет уже четвертая реинкарнация,— уточнила Мана.— Прародители, мне кажется, тоже...

— Неважно. Мы свою лепту все-таки внесли — раскопали эту историю. Говорят, что ошибки прошлого никого не учат, но все-таки...

— Вы говорите все правильно,— сказала Алека,— но это общие слова, поэтому разговор немного отдает схоластикой. А мне кажется, я знаю, что надо сделать именно нам и именно сейчас!

— И что?

— Восстановить Сказочную тропу! В дневнике достаточно деталей. Пробить ее до водопада! Не мог он исчезнуть за шестнадцать тысяч лет. И дальше — до высокогорных лугов. Вас же даже без Крамба четыре мужика, и мы поможем. Понимаете, это самое нужное, что мы можем сделать: тропа станет мостом. Мы перекинем легкий мост через шестнадцать тысяч лет! Тропа восстановит связь времен! Это важнее, чем рассуждать о перипетиях будущего.

— Что же, да будет Сказочная тропа имени Олега Смирнова! Я, как и обещал, добьюсь, чтобы это место было объявлено археологическим парком и позабочусь, чтобы тропа не заросла. Но честь пробить эту тропу мы никому не отдадим! Правда, я сойду разве что за полмужика — мне, как и Олегу, можно только медленно и плавно. Пускай на это уйдет три-четыре недели — у всех они есть в запасе? Я думаю, и Крамб вырвется на несколько дней. Давайте! А потом еще не раз вернемся и пройдем по ней. Зачем? Да хотя бы ради брачных церемоний под водопадом! Неужели у нас не намечается новых пар? (Кана с Тримом быстро переглянулись.) Начнем завтра, а сейчас — отбой.

Когда все разошлись, Мана сказала:

— Сэнк, а я тоже хочу постоять с тобой под тем водопадом. Обнимешь меня, поддержишь?

— А куда же я денусь?!

Содержание

Дисклеймер	5
Благодарности	5
Часть I. Семена	7
1. Бесконечная река	9
2. Перемены в небе и на земле	24
3. Большой Курзыц	37
4. Лицо на камне	59
5. Край земли	73
Часть II. Экспедиция «Иду напролом»	89
6. Основательный вариант	91
7. За три с половиной моря	106
8. Холодная река	130
9. Книги древнего Петербурга	139
10. Второе лето	162
Часть III. Двадцать лет спустя	179
11. Возвращение	181
12. Конференция	196
13. Перевал	219
14. Установка конька	224
15. Африка	231
16. Check crack back	242
Часть IV. Дневник	251
Предисловие	253
17. Какая-то хрень	254
18. Бегство из цитадели	267
19. Путь в один конец	283
20. За сто лет до неолита	293

Литературно-художественное издание

Борис Евгеньевич Штерн
Феникс сапиенс

Рисунки Александра Горнова
Оформление Максима Борисова
Использованы изображения
pxhere.com, piqsels.com
и publicdomainpictures.net

АНО «Троицкий вариант»
Издательство «Тровант»
ЛР 071961 от 01.09.99

142191, г. Москва, г. Троицк, м-н «В», д. 52;
телефоны: 8 (495) 775-43-35, 8 (495) 851-09-67
e-mail: info@trvscience.ru, интернет-сайт: trv-science.ru

Подписано в печать 10.07.20
Формат 60х90/16. Печ. л. 10
Гарнитура РТ